

ЛИРИКА

Из персидско-
таджикской поэзии

Из персидско-
таджикской поэзии

ЛИРИКА

ЛИРИКА

Из персидско- таджикской поэзии

Рудаки
Ибн Сина
Насир Хосров
Омар Хайям
Саади
Руми
Камол
Хафиз
Джами
Бедиль

Москва
«Художественная литература»
1987

ББК 84Тад1
Л 62

Классики и современники

Поэтическая библиотека

Издание подготовлено совместно с Институтом
языка и литературы им. Рудаки АН ТадССР

Составление и примечания

А. Хакимова

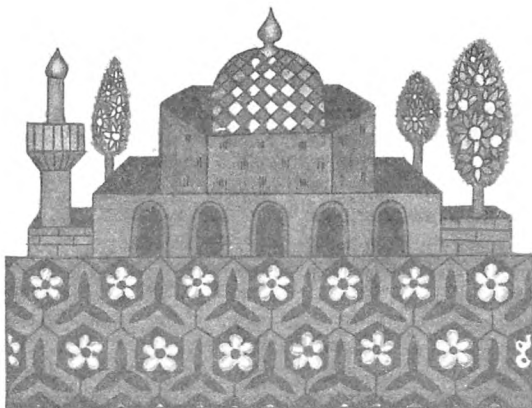
Художник

А. Метлянская

На обложке использованы миниатюры
из рукописи XVI в.
Государственная публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

Л 4702500100-256 121-87
028(01)-87

© Состав, примечания, оформ-
ление. Издательство «Художест-
венная литература», 1987 г.

РУДАКИ

КАСЫДЫ

(Фрагменты)

О СТАРОСТИ

Во рту — ни единого зуба. Давно искрошились они.
Но зубы — то светочи были в мои золотые дни.
Как серебро, как жемчуг они сверкали тогда,
Как перлы дождя, как светлая утренняя звезда.
Но выпали, искрошились, зияет провалом рот,
Иль в этом гнев Сатурна и времени мстительный счет?
Нет, то не ярость Сатурна, не месть затянувшихся лет.
Так что же? Слушайте правду: то вечных богов завет.
Наш мир вращается вечно, природа его такова,
Таков закон вселенной: круговорот естества.
Лекарство боль усмиряет, недуг исцеляет оно,

Но станет источником боли, что нам как лекарство дано.
Становится новое старым, потом промчатся года —
И старое сменится новью, так было, так будет всегда.
Песками лежит пустыня, где прежде цвели сады,
Но сменят сады пустыню, алкающую воды.
Не знаешь, мускуснокудрая, прекрасная пери моя,
Каким был раб твой прежде, в расцвете бытия.
Човганами локонов разве теперь разогнешь его стан?
А был он прежде стройным, и кудри вились, как човган.
Он радостен был и весел в те золотые года,
Хоть в золоте нехватка была у него иногда.
Он, не считая, сыпал дирхемы, когда завлекал
Тюрчанок с гранатовой грудью, с губами как пламенный лал.
А сколько прекрасных гурий желали его и тайком
Прокрадывались ночью в его роскошный дом!
Искристые вина, красавицы, исполненные огня, —
То было для многих дорого, но дешево для меня.
Я жил, не зная печали, все блага изведать спеша,
Для радости нивой цветущей моя раскрывалась душа.
Как часто песней крылатой я в мягкий воск обращал
Сердца, что были жестки и холодны, как металл.
Всегда для прекраснокудрых приветлив был мой взор.
Всегда для красноречивых бывал мой слух остер,
Ни жен, ни детей не имел я, амбары стояли пусты.
И тело было свободно, а помыслы чисты.
На Рудаки ты зрираешь, о многомудрый маг,
Но ты не видал его прежде, среди веселых гуляк.
Увидев, как он чарует стихами врагов и друзей,
Ты молвил бы: «Тысячепесенный к нам прилетел соловей!»
Певцом Хорасана был он, и это время прошло.
Песней весь мир покори́л он, и это время прошло...
Да, был я велик и счастлив, имел все блага земли, —
Недаром Саманиды меня высоко вознесли.
Но годы весны сменились годами суровой зимы.
Дай посох! Настало время для посоха и сумы.

МАРСИЯ НА СМЕРТЬ АБУЛЬХАСАНА МУРАДИ

Неужто умер Муради, заснул последним сном?
Смерть благородного взяла, с возвышенным умом.
Отцу небесному вручил он свой бессмертный дух,
Прах приютила мать-земля, заботясь о земном.
Он — ангел, к ангелам ушел и снова жизнь обрел
В неомраченных небесах, в чертоге голубом.
Нет, не былинкою он был, подвластною ветрам,
И не водой, что в холода застынет мертвым льдом.
Не хрупким гребнем, что легко сломался в волосах,
Он не был зернышком пустым, смешавшимся с песком.
Нет, на земле он воссиял, как драгоценный клад,
Он полновесным, золотым, ячменным был зерном.
Отбросил плоть, как шелуху, и прах упал во прах,
А разум к небу воспарил непознанным путем.
Предстал его пречистый дух пред господом самим,
Соединился вместе с ним в сиянье золотом.
Так бродит виноградный сок, но, время подойдет,
Осядет муть и станет сок живительным вином.
Не все ль равно — из Мерва ты, румиец или курд, —
Знай, дорогой, придет пора, и все мы отойдем
В тот, предназначенный судьбой, дом изначальный наш,
Ведь только здесь, кто носит шелк, пренебрежет рядом.
Твой ангел вычеркнул тебя из книги Бытия, —
Молчи, ставь точку, позабудь, что ты владел стихом.

Ветер, вея от Мульяна, к нам доходит.
Чары яр моей желанной к нам доходят...
Что нам брод Аму шершавый? Нам такой,
Как дорожка златотканая, подходит.
Смело в воду! Белоснежным скакунам
По колено пена пьяная доходит.
Возликуй, о золотая Бухара:
Падишах к тебе, венчанная, приходит.
Он — как тополь! Ты — как яблоневый сад!
Тополь в сад благоухания приходит.
Он — как месяц! Ты — как синий небосвод!
Ясный месяц в небо раннее восходит.

ВОСХВАЛЕНИЕ НАСРА ИБН АХМАДА

Ты столь же щедр, как некогда Хатам,
В бою с врагами ты — второй Рустам.
Нет, ты Хатама в сотни раз добрей,
Рустама и сильнее и храбрей.

НА СМЕРТЬ ШАХИДА БАЛХИ

Он умер. Караван Шахида покинул этот бранный свет.
Смотри, и наши караваны увлек он за собою вслед.
Глаза, не размышляя, скажут: «Одним на свете меньше стало»,
Но разум горестно воскликнет: «Увы, сколь многих больше нет!»
Так береги от смерти силу духа, когда грозящая предстанет,
Чтобы сковать твои движенья, остановить течение лет.
Не раздавай рукой небрежной ни то, что получил в подарок,
Ни то, что получил заботой и прилежаньем долгих лет.

Обуреваемый корыстью, чужим становится и родич,
 Когда ему ты платишь мало, поберегись неожиданных бед.
 «Пугливый стриж и буйный сокол сравнятся ль яростью и силой,
 Сравнится ль волк со львом могучим?» — спроси и дай себе ответ.

ГАЗЕЛИ

(Фрагменты)

* * *

Для радостей низменных тела я дух оскорбить бы не мог.
 Позорно быть гуртоправом тому, кто саном высок.

В иссохшем ручье Эллады не станет искать воды
 Тот, кто носителем правды явился в мир, как пророк.

Мой стих — Иосиф Прекрасный, я пленник его красоты.
 Мой стих — соловьиная песня, к нему приковал меня рок.

Немало вельмож я видел и не в одном распознал
 Притворную добродетель и затаенный порок,

Одно таил я желанье: явиться примером для них.
 И вот... разочарованье послал в награду мне бог.

* * *

О пери! Я люблю тебя, мой разум сокрушен тобой,
Хоть раз обрадуй Рудаки, свое лицо ему открой.

Ужель так тягостно тебе открыть лицо, поцеловать
И так легко меня терзать, губить навеки мой покой?

Что для меня легко — тебе великим кажется трудом,
Что тяжело мне, то тебе забавой кажется пустой.

* * *

Рудаки провел по струнам и на чанге заиграл,
И едва запел он песню — закипел вином фиал.

Если б ты, мой друг, увидел темно-красную струю,
Ты расплавленным рубином эту влагу бы назвал.

В них одна первооснова, только облик чуть не схож,
Ибо тверд кристалл рубина и текуч вина кристалл.

Ты фиала чуть коснулся, а уже рука красна,
Ты фиал едва пригубил, а смотри, уж пьяным стал.

* * *

Казалось, ночью на декабрь апрель обрушился с высот,
Покрыв ковром цветочным дол и влажной пылью — небосвод.

Омытые слезами туч, сады оделись в яркий шелк,
И пряной амбры аромат весенний ветер нам несет.

Под вечер заблестал в полях тюльпана пурпур огневой,
В лазури скрытое творцом явил нам облаков полет.

Цветок смеется мне вдали — иль то зовет меня Лейли.
Рыдая, облако пройдет — Меджнун, быть может; слезы льет.

И пахнет розами ручей, как будто милая моя
Омыла розы щек своих в голубизне прозрачных вод,

Ей стоит косу распустить — и сто сердец блаженство пьют,
Но двести кровью изойдут, лишь гневный взор она метнет.

Покуда розу от шипа глупец не в силах отличить,
Пока безумец, точно мед, дурман болезнетворный пьет.

Пусть будут розами шипы для всех поклонников твоих,
И, как дурман, твои враги пусть отвергают сладкий мед...

* * *

Тебе, чьи кудри точно мускус, в рабы я небесами дан,
Как твой благоуханный локон, изогнут мой согбенный стан.

Доколе мне ходить согбенным, в разлуке мне страдать доколе?
Как дни влачить в разлуке с другом, как жить под небом
чуждых стран?

Не оттого ли плачут кровью мои глаза в ночи бессонной?
Не оттого ли кровь струится потоком из сердечных ран?

Но вот заволновалась тучка, как бы Лейли, узрев Меджнуна,
Как бы Узра перед Вамиком, расцвел пылающий тюльпан.

И солончак благоухает, овеян севера дыханьем,
И камень источает воду, весенним ароматом пьян.

Венками из прозрачных перлов украсил ветви дождь весенний,
Дыханье благовонной амбры восходит от лесных полян,

И кажется, гранит покрылся зеленоблещущей лазурью,
И в небесах алмазной нитью проходит тучек караван...

* * *

О трех рубашках, красавица, читал я в притче седой.
Все три носил Иосиф, прославленный красотой.

Одну окровавила хитрость, обман разорвал другую,
От благоухания третьей прозрел Иаков слепой.

Лицо мое первой подобно, подобно второй мое сердце,
О, если бы третью найти мне начертано было судьбой!

* * *

Будь весел и люби красавицу свою.
Подобен этот мир бегущему ручью.

О прошлом позабудь, грядущим утешайся,
Живи и радуйся живому бытию.

Я с луноликою в саду благоуханном,
Я с чернокудрою — как с гурией в раю.

Несчастен, кто берет, но не дает взаимно,
Я счастлив оттого, что брал, но и даю.

Подобен облаку и ветру мир неверный...
Так будь что будет! Пей кипящую струю!

* * *

Только раз бывает праздник, раз в году его черед, —
Взор твой, пери, праздник вечный, вечный праздник в сердце льет,

Раз в году блистают розы, расцветают раз в году,
Для меня твой лик прекрасный вечно розами цветет.

Только раз в году срываю я фиалки в цветнике,
А твои лаская кудри, потерял фиалкам счет,

Только раз в году нарциссы украшают грудь земли,
А твоих очей нарциссы расцветают круглый год.

Эти черные нарциссы, чуть проснулись — вновь цветут,
А простой нарцисс, увянув, новой жизнью не блеснет.

Кипарис — красавец гордый, вечно строен, вечно свеж,
Но в сравнении с тобою он — горбун, кривой урод.

Есть в одних садах тюльпаны, розы, лилии — в других,
Ты — цветник, в котором блещут все цветы земных широт.

Ярче розы твой румянец, шея — лилии белей,
Зубы — жемчуг многоценный, два рубина — алый рот.

Вот из жилы меднорудной вдруг расцвел тюльпан багряный,
На багрянце тоном смуглым медный проступил налет.

Вьется кругом безупречным мускус локонов твоих.
В центре — киноварью губы, точно ярко-красный плод,

Ты в движенье — перепелка, ты в покое — кипарис,
Ты — луна, что затмевает всех красавиц хоровод.

Ты — луна в кольчуге страсти и с колчаном нежных стрел,
Перепелка — с кубком хмельным, кипарис, что песнь поет.

Не цепями приковала ты влюбленные сердца —
Каждым словом ты умеешь в них метать огонь и лед...

* * *

О ты, чья бровь — как черный лук, чей локон петлею завит,
Чьи губы красны, как рубин, нежнее шелка пух ланит!

Тюльпаном расцветает шелк, и пахнет мускусом аркан,
Лук мечет стрелы галия, и жемчуга рубин таит,

Под сводами бровей цветут нарциссы огненных очей.
Но пышный гиацинт волос в их завитках покуда скрыт,

Твоих кудрей волнистый шелк волшебник мускусом натер
И губы в сахар обратил, чтоб влажный лал не знал обид,

О, сколько раз я в сеть любви смятенным сердцем попадал!
О, сколько раз я, как змеей, был страстью пламенной обвит!

Но гибели я не страшусь, хоть вижу гибельную сеть,
Не замечаю смертных уз, хотя и мне аркан грозит.

Твой взор — двойник души твоей, он тем же полон волшебством,
Мой стан — двойник твоих кудрей, в том горький мой и сладкий
стыд.

Но стан и кудри — что роднит? — Дугой согбенная спина!
Но взор и душу — что роднит? — Желанье, что тебя томит!

Не Заратуштры ли огонь пылает на твоих щеках?
Не мускус ли и галию кудрей поток струит?

Кудрями сердце отняла, его глазам ты отдала.
Моя душа полна тоской, но сердце радостью горит...

* * *

Я потерял покой и сон — душа разлукою больна,
Так не страдал еще никто во все века и времена.

Но вот свиданья час пришел, и вмиг развеялась печаль, —
Тому, кто встречи долго ждал, стократно сладостна она.

Исполнен радости, я шел давно знакомою тропой,
И был свободен мой язык, моя душа была ясна.

Как с обнаженной грудью раб, я шел знакомою тропой,
И вот навстречу мне она, как кипарис, тонка, стройна.

И мне, ласкаясь, говорит: «Ты истомился без меня?»
И мне, смущаясь, говорит: «Твоя душа любви верна?»

И я в ответ: «О ты, чей лик затмил бы гурий красотой!
О ты, кто розам красоты на посрамление рождена!

Мой целый мир — в одном кольце твоих агатовых кудрей,
В човганы локонов твоих вся жизнь моя заключена».

Я сна лишился от тоски по завиткам душистых кос,
И от тоски по блеску глаз лишился я навеки сна.

Цветет ли роза без воды? Взойдет ли нива без дождя?
Бывает ли без солнца день, без ночи — полная луна?

Целую лалы уст ее — и точно сахар на губах,
Вдыхаю гиацинты щек — и амброй грудь моя полна.

Она то просит: дай рубин — и я рубин ей отдаю,
То словно чашу поднесет — и я пьянею от вина...

* * *

Налей вина мне, отрок стройный, багряного, как темный лал,
Искристого, как засверкавший под солнечным лучом кинжал.

Оно хмельно так, что бессонный, испив, отрадный сон узнал.
Так чисто, что его бы всякий водою розовой назвал.

Вино — как слезы тучки летней, а тучка — полный твой фиал.
Испей — и разом возликуешь, все обретешь, чего желал,

Где нет вина — сердца разбиты, для них бальзам — вина кристалл,
Глотни мертвец его хоть каплю, он из могилы бы восстал.

И пребывать вино достойно в когтях орла, превыше скал,
Тогда — прославим справедливость! — его бы низкий не достал.

* * *

Самум разлуки налетел — и нет тебя со мной!
С корнями вырвал жизнь мою он из земли родной.

Твой локон — смертоносный лук, твои ресницы — стрелы,
Моя любовь! Как без тебя свершу я путь земной!

И кто дерзнет тебя спросить: «Что поцелуй твой стоит?» —
Ста жизнью мало за него, так как же быть с одной?

Ты солнцем гордой красоты мой разум ослепила.
Ты сердце опалила мне усладю хмельной.

* * *

Твои лукавые глаза меня в смятенье привели,
Меджнун рассудок потерял, увидя локоны Лейли.

Улыбкой розовой одной ты умеряешь боль мою.
Молю, хоть искоса взгляни, от муки сердце исцели!

Змеятся кудри по плечам, мерцают в ушках жемчуга,
Как будто из самой гюрзы змеинный камень извлекли.

Что Вавилона колдовство пред волшебством ее очей?
Уста — ключи ворот Мусы, блаженство неба и земли.

* * *

Твой лик — вершина красоты, тебе и слава и хвала,
Кудрей душистая волна хутанский мускус превзошла.

Я сердцем поклянусь твоим, алмазной твердостью его,
Им, как резцом, испещрена была гранитная скала, —

Нет, не надеюсь больше я на милосердие твое,
Ты, в беспощадности своей, к людским мольбам не снизошла.

Не пожелала ты внимать, сколь тщетно к богу я зывал
И сотни раз просил его: «О помоги, спаси, аллах!»

О, если б взять себе в рабы ты пожелала Рудаки,
Величье рабства он познал, пред коим власть царей мала.

* * *

Мне слышится на утренней заре

Друг, твоего барбата нежный звон
Милей для слуха, чем призыв азана.

Не удивляйся, что чудесный звук
К себе способен приманить джейрана.

Невидимой, певучею струной
Он и врачует, и наносит раны.

И плачет он, и жалобно зовет
В часы восхода, утром ранним-рано.

Пусть бессловесен, но красноречив,
Влюбленных восславляет неустанно.

Безумцу он рассудок возвратит,
Затянет мудреца петлей аркана.

* * *

«Дай, бог, разлуку пережить, страдальца пожалей!»
Молю, как в розовых кустах бессонный соловей.

Когда любимую мою помилует судьба,
Я сам судьбу испепелю огнем своих страстей.

Любовь сжигает и слепит твой светозарный лик,
Влюбленных души — мотыльки средь пламенных сетей.

В одежде траурной приди к надгробью моему,
И я в могиле не вмещусь от радости моей!

* * *

Ты обиделся на друга, не сердись, найди терпенье.
Вслед за болью снова радость жизнь дарует в награжденье.

Если в гневе полководец подчиненного ругает,
Знает воин, что обласкан будет он за униженье.

Часто доброе забудешь, помни только злой поступок, —
Нужно ль думать о колючках, плод вкушая с наслажденьем?

Дружба — это дар бесценный, круг друзей менять не надо, —
Если ты разгневал друга, испросить сумей прощенье!

* * *

К твоим ланитам нежно кудри льнут,
Себе успокоенья не найдут.

Пред розой красоты, как я, склонились,
С одним различьем — их шипы не жгут!

Твои уста — клад пламенных рубинов,
Мои глаза — жемчужных слез сосуд.

* * *

Земля твой каждый шаг сопровождает,
Пока тебя в нее не погребут.

Обрадуешь шакалов добрым словом,
Они добром за это воздадут.

* * *

Весь этот мир на сонный бред похож, —
Его душой разумной не поймешь.

Добро немилосердным он дарует,
А в радости — с ним горечи хлебнешь.

Не пребывай в спокойном равнодушьи —
Неверен мир, продаст тебя за грош.

Дурную суть скрывает вид обманный —
В поступках злобен, а лицом пригож.

* * *

Не для убийства меч ты приобрел,
Господь нас учит: «Зла не сотвори!»

Не только для вина растет лоза,
Для обороны меч употребляй.

Увидел убиенного Иса
И молвил так, словам его внимай:

«Ты убивал, за это сам убит,
Тот, кто убил тебя, погибнет, знай!»

В чужую дверь напрасно не стучись,
Без стука ближним двери отворяй!

* * *

Амбра, яблоко и розы — расцветающее диво,
Кипарис, жасмин и мускус, поклянусь, не столь красивы

Пред тобой, лукавый ангел, ты царей смутить сумела —
На тебя они взирают и покорно, и ревниво.

Час свидания с тобою — словно Ночь определений¹,
Если ты влюбленным явишь лик открытый, не гневливый.

Солнце скрыться поспешает за туманною завесой,
Видя щек твоих тюльпаны, нежно-смуглого отлива.

Твой округлый подбородок мог бы с яблоком сравниться,
Если б яблоко гордилось мушкой, столь медоточивой.

* * *

Насладиться спешу искрометным вином,
Благородство души проявляется в нем.

Неподкупных от подлых оно отличает,
От того, кто, продавшись, стал низким рабом.

Но особую радость дарит нам вино
Той порой, когда розы сияют огнем.

Сколько было твердынь завоевано им!
Ты справлялся, испив, с непокорным конем.

Даже жадный торгаш, от вина охмелев,
Расставался бездумно с нажитым добром.

¹ Ночь определений — 27-я ночь праздника рамазана, в которую, по преданию, пророку Мухаммаду были исполнены богем первые стихи священной книги мусульман Корана.

* * *

Бухара нам вновь прислала ветерок благоуханный,
Сладко пахнувший жасмином, лепестками розы рдяной.

Он мужей и жен овеял легковейным дуновеньем,
Одурманил ароматом благовонного Хутана.

Нет, о нет, в самом Хутане этот запах не рождался, —
Легкий ветер прикоснулся к волосам моей желанной.

О, прелестная тюрчанка, так худею я в разлуке,
Что становится мне впору пояс женского кафтана.

И туда, где дальний Йемен, я взираю каждой ночью,
Там рассветною звездой ты сияешь средь тумана.

О звезда моя, доколе мне скрывать любимой имя,
Чтоб склонять его не стали злые люди непрестанно?

Но таить его напрасно — в разговоре иль в молчанье,
Первым словом это имя с губ слетает неустанно.

* * *

Больно мне два слова слышать, вдохновляющих умы,
Их мы всеу произносим, а слова горят средь тьмы.

Ты, что только приглянулась, раскрасавицей зовут,
А того, что чуть увлекся, в ранг влюбленных вводим мы,

Ты — красавица такая, что на свете равной нет,
Я — влюбленный безнадежно, страсть взяла меня внаймы.

У меня такое сердце, что, беду свою избыв,
Поспешит оно к скорбящим, чтоб несчастье взять взаимы.

* * *

О сердце, долго ли тебе еще в груди моей стучать?
К чему ослабшего врага биением крови согревать!

Ты ищешь преданности в том, кто изуверился во всем,
Но понапрасну собралось железо стылое ковать.

Ты, о красавица моя, такой лилейной белизны,
Что зависть лилию гнетет, от горя стала увядать.

О, пожалей, уйди от нас, скорее улицу покинь,
Чтоб обитателей ее огнем любовным не сжигать.

Знай, сердце — малое зерно — попало в жернова любви,
Зачем огромным жерновам одно зерно перетирать?

Прости, красавица, меня, услышь мольбу: прости, прости,
Ведь я беспомощен и слаб, меня не надо добивать.

Приди хоть раз и погляди, каким стал ныне Рудаки,
Ты сможешь тело без души, еще живое, увидеть.

* * *

Вино, и песни, и цветы, и луноликих дев каприз
Низвергнут ангела с небес, на дно колодца сбросят вниз.

И я с возлюбленной моей горящих взоров не свожу,
А там, где погребут меня, влюбленный расцветет нарцисс.

Того не ставлю я ни в грош, кто мыслит только о себе,
Когда в сем мире создал бог столь совершенный кипарис.

* * *

Кудри падают на плечи, стан стройнее, чем сосна,
Пахнет мускусом и амброй темных локонов волна.

Очи — робкие нарциссы, щеки — розовый бутон,
Засмеется — в сердоликах вспыхнет перлов белизна,

Но уста, глаза и кудри, обучаясь волшебству,
Для приманки хитрой служат, словно цель у них одна.

Посмотри, луга и горы расцвелились, словно рай,
Польхают всюду розы, захватили мир сполна.

В каждом венчике нарцисса засветился Муштари,
Как возлюбленной ланиты, эта звездочка нежна.

Роз охапки желтых, белых, ярко-красных, как рубин,
Нам приносит в день Новруза, ювелиром став, весна.

И зажмуришься невольно от сверканья красоты,
Взор не может оторваться, и душа ослеплена.

* * *

Всё быстротечно, всё проходит мимо,
И только смерть одна неотвратима.

Затянется узлом веревка жизни.
Срок подойдет, который не продлим мы,

Век коротаешь в бедах и печалях
Иль ты у жизни баловень любимый,

Владеешь всем от Рея до Тараза,
Твои заботы — призрак еле зримый.

День смерти нас, живущих, уравниет,
Все друг от друга мы неотличимы!

* * *

Великие ушли в красе и силе,
Все перед смертью головы склонили.

Сошли под землю в мрачные могилы
Те, кто сады и замки возводили.

Те, кто при жизни сотни благ имели,
С собою только саван захватили.

Я так скажу: добро спешите делать,
Не всё ль равно, что ели и носили.

* * *

Мир наш хозяин, он — источник зла,
Не пробуй блюда с барского стола.

Кебаб в нем перемешан с горьким ядом,
С водою чаша — губы обожгла.

Уйди из мира с пересохшим горлом,
Пускай весна победно расцвела...

Цветы в садах пропахли камфорою,
Как ртуть, вода речная тяжела.

* * *

Схож с ланитами Лейли цвет весеннего тюльпана,
Плачет слезно, как Меджнун, в небе туча неустанно.

Стала розовой вода, столь она благоуханна,
Словно моет в ней лицо та, что розово-румяна.

* * *

Ты, сердце, терпишь муку поделом,
Терзаемо безжалостным орлом,

Пылинка я, но без любви нет жизни,
Любовь — как солнце в небе голубом.

* * *

Речная рябь — ее кудрей волна,
Когда вода под ветром всколыхнется,

А стройный стан — как тонкий волосок —
Порваться может, если чуть качнется.

* * *

Как шелк армянский, у тебя атласна кожа,
Ты — словно капелька дождя в лучистой дрожи.

Распустишь косы, и вокруг запахнет амброй,
И поклонение тебе с молитвой схоже.

А я тону в Евфрате слез, томясь в разлуке,
Моя весна, ты для меня души дороже!

* * *

Уста медвяны у тебя, что ж горечь слов так больно жжет?
Ты белоснежна, как жасмин, что ж сердце — как железный лед?

Не вздумай на луну смотреть, ты можешь блеск ее затмить,
В сад не ходи, иль кипарис свой стан от зависти согнет.

К Ы Т А

(Фрагменты)

* * *

Для луга разума — зима губительная ты.
Для цветника любви — весна живительная ты.
И если я пророк любви, то о тебе скажу я:
Сама богиня красоты пленительная ты.

* * *

Как тебе не надоело в каждом ближнем видеть скрягу,
Быть слепым и равнодушным к человеческой судьбе!
Изгони из сердца жадность, ничего не жди от мира,
И тотчас безмерно щедрым мир покажется тебе.

* * *

О время! Юношей богатым, светлоречивым, ясноликим
Сюда для службы он явился на гордом скакуне верхом.
Ну, а понравится ль он шаху, когда, спустя десятилетье,
Он возвратится нищий, старый, проделав дальний путь пешком?

* * *

Жизнь поучает и дает совет,
Нас наставляя мудро и сурово.
Завидуешь ты людям, а они
Тебе во всем завидовать готовы.
Молчаньем в гневе сковывай язык,
Иначе ноги закуют в оковы.

* * *

Ты слышишь, пташка жалобно кричит,
В когтях орла единственный птенец.
Со временем источит хищник клюв,
Сгорбатится, предчувствуя конец.

* * *

Сей мир для нас и мачеха и мать,
То приласкает, то начнет ругать,
Пред тем ударом, что судьба готовит,
Бессмысленно преграды воздвигать!

* * *

О ходжа, не обольщайся добрым именем твоим,
Ты им ловко прикрываешь суть, таящую обман.
Тот, кто ближнего прельщает мнимой святостью своей,
Будь уверен, под приманкой хитроумный скрыл капкан.

* * *

«Все люди скряги!» — ты твердишь сердито,
Одолеем злобною алчбой.
Будь щедрым сам, стань добрым и открытым,
И люди будут щедрыми с тобой.

* * *

Земля под этим вечным небосводом
Еще такого злыдня не носила,
Ходже Абулькасыму будет стыдно
Из-за тебя подняться из могилы.

* * *

Стремишься ты к красавице Халлуха,
К пьянящей, крутобедрой, тонкостанной, —
Сам ближнему жалеешь корки хлеба,
А за лепешкой тянешься румяной.

* * *

Наш мир таков с тех пор, как создан он,
Пока земля вершит круговорот.
И человек то возведен на трон,
То уничтожен бременем невзгод.

* * *

Столь сладки алые уста, что сахар сладость потерял,
Не станет амбру покупать, кто аромат кудрей вдыхал,
О легкомысленный юнец, тебе не следует судить
О том, что знают мудрецы, а ты не ведал и не знал.

* * *

Связав судьбу с неверною и злой,
Несчастен я, унижен, злополучен.
Она — как львица среди других зверей,
Я, словно муха, для нее докучен.
Но я бесчеловечную люблю
И с ней до смерти буду неразлучен.

* * *

Сам, волею своей, изгнал тебя,
В поступке этом должен я виниться, —
Ведь в доме воцарилась пустота,
Кровь наполняет слезные глазницы,
Смеюсь сквозь слезы, плачу и смеюсь —
И сам себе не устаю дивиться!

* * *

Меня прощали много раз, хоть я грехов не совершал, —
Привык я жертвовать собой, таким господь меня создал.
Хвала аллаху, что в стихах я, прославляя божьих слуг,
Не видел выгоды себе, корыстной пользы не искал.

* * *

Твой локон вьется, словно буква «джим»,
А родинка, как точка, льнет к устам.
Схож с зернышком граната ротик твой,
Который разделили пополам.

* * *

Подняв головки из травы, весной фиалки расцвели,
Как будто синий огонек затеплил вспыхнувший серник.
Вели налить того вина, где солнца плаваются лучи,
Его пригубишь — и огнем зажжется твой румяный лик.

* * *

Погляди, прогнулись балки и подпоры у ворот,
Опасенье есть, что стены в прах рассыплются вот-вот.
Если стены обветшали, их подпоркам не сдержать, —
Укрепляешь понапрасну то, что скоро упадет.

* * *

В богатстве, на коне прибыл к тебе издалека,
Моя открытая душа была надежд полна.
Я десять лет тебе служил, неужто разрешишь,
Чтоб нищим возвратился вспять, пешком, без скакуна?

* * *

Кто добрых дел не совершал — в забвенье опочил,
Исчезла память вместе с ним, истаяв без следа.
Но след владыки моего останется в веках,
Хочу, чтоб жил среди живых владыка мой всегда!

* * *

Коль нам веселиться и пить суждено, —
Красавицы пусть наливают вино.
Безумцы безумными нас полагают,
Мы здравы рассудком, но пьяны давно!

* * *

Мадж, прочитай мои стихи, учи их наизусть,
Создания сердца и ума живыми станут пусть.
Мы будем целовать уста красавиц молодых,
Налей вина, развеселись и позабудь про грусть!

* * *

Град сыплет наземь звезды ледяные...
Все небо в хмурых, рваных облаках.

.
На всем скаку упал с коня на землю,
Но устоял на собственных ногах.

* * *

Всегда будь с теми, кто любил и любит,
Тех избегай, не знающих любви.
Влюбленных, испытавших боль разлуки,
Себе для утешенья позови.

* * *

Твой зрелый разум тверд и ясен —
Садов осенняя пора.
Лицом ты, как весна, прекрасен,
Пророк любви, певец добра.

* * *

Тюркский ангел несравненный, о весенний мой цветок,
Если ты вино имеешь, принеси его скорей.
Нам лучистым и прохладным, опьяняющим вином
В цветнике благоуханном чаши 'винные налей!

* * *

Те, кто не ведал никогда, сколь горек просьбы яд,
От пребывающих в нужде отводят хмурый взгляд.
И у тебя терпенья нет внимать моим мольбам,
Боль униженья моего постигнешь ты навряд.
.
Когда тюльпаны расцветут, пойдя в весенний сад.
Бокал, похожий на тюльпан, во здравие подъят.

* * *

Когда жемчужины стихов язык мой рассыпает,
Я слышу громкую хвалу во всех концах вселенной,
И людям радуют сердца и души окрыляют
И песни звучные мои и стих мой вдохновенный.
Ведь только разум мог придать величие и ценность
Тем жемчугам, что породил мой кладезь сокровенный.

* * *

Добыча мы, о сын мой, в мире сем,
Все здесь щеглы у ворона в когтях.
От тягот мира вянут цветники,
Смерть жерновами измельчает в прах.

* * *

Коль хочешь, чтоб смерть не настигла тебя,
То спрятаться должен в могиле живым.
И, там притаившись, в положенный срок
Без лестниц взлетишь к небесам голубым.

* * *

«Хвала тебе!» — разумным с почтеньем говорим,
Но кто невежде скажет: «О муж, тебе хвала!»
От глупых не услышишь сладкоречивых слов, —
Козел не станет дойным, сколь ни корми козла.

* * *

Змею напрасно кормишь и греешь на груди,
Когда ужалит в гневе, придет тебе конец.
Подлец во всей натуре — ползучая змея,
Несчастье, если другом становится подлец!

* * *

Взглядом трезвым и разумным посмотри на этот мир,
Все увидишь по-другому, жизнь по-новому поймешь.
Мир подобен океану, строй из добрых дел ладью,
И тогда его спокойно и легко переплывешь.

* * *

Беда тому, кто разумом гордится,
А сын его бездельник и тупица.
И добрый нрав, и размышлений плод
К наследнику, увы, не перейдет.

* * *

Собрал богатство он с большим трудом,
Но пользы для себя не видел в том...
О Рудаки! Свершай дела благие,
Пока пред Страшным не предстал судом.
Тогда прочтешь ты на доске извечной
Все, что содеял на пути земном.

* * *

Судьба несправедлива к мудрецам,
Будь посему в труде неутомим.
Бери, но без раздумья отдавай,
Копи, но щедро поделись с другим.

* * *

Мир бренный создал некий чародей,
Всё сказки в нем и вымысел пустой.
Не обольщайся призраком добра,
Но против зла неколебимо стой!

* * *

Имя славное, рассудок, мягкий нрав, здоровье тела —
Все четыре добрых свойства благородным бог дает.
Муж, который всеми ими от рожденья обладает,
Пусть, не ведая печали, долгий век свой проживет.

* * *

Обман, раздор к добру не приведут,
Никто в беде на помощь не придет.
Сам выбирай тот плод, который сладок, —
Не трогай горький, полный яда, плод!

* * *

Едва окрепнет клюв у голубка
И желтый пух заменится пером —
Покинет он родимое гнездо
И запорхает в небе голубом.

* * *

О господин, ты все вкушать готов:
Миндаль, и вина, и шербет, и плов.
Ты — змеелов, а мир подобен змею, —
Погибнешь от укуса, змеелов!

* * *

Я некогда был счастлив в этом доме.
С владыкою сравниться мог я прежде.
Все те же дом и город, сам я тот же,
Спроси: зачем я в траурной одежде?

* * *

О Рудаки, легко живи, печали позабудь.
Пускай веселье и покой твою наполнят грудь.
Мир благоденствует, а ты обязан прозябать,
Пусть мир к тебе несправедлив, сам — справедливым будь!

* * *

Вновь розы расцвели в саду моем,
О, погляди, как празднично кругом!
Прошла пора, когда нас пламя грело,
Пора тюльпанам запылать огнем!

РУБАИ

* * *

Когда судьба тебя убить решилась,
Ни кротостью твоею не смягчилась,
Ни красоты твоей не пощадила,
Ни своего греха не утрашилась.

* * *

Больному, заброшенному в беде, мне не сладко.
Сиделка одна у постели моей — лихорадка.
Томит меня жажда, и только мой плачущий глаз
Соленую воду по капле дает мне укладкой.

* * *

Здесь страждущий плодов отрадных не найдет.
Коварен этот сад, неверен этот свод.
Садовник жизнь твою, как ветвь сухую, срежет,
И вихрь листву твою сорвет и унесет.

* * *

Ища тебя, весь мир я исходил
И только сердце горем сокрушил.
Поникли руки, потеряли силу,
А ноги в кровь о камни я разбил.

* * *

Дела мои в блуждании мирском
Запутаны, затянуты узлом.
Погибли все надежды! Только горе
Застряло в горле у меня комком.

* * *

Я гибну, но безжалостно суров
Твой взгляд, и вижу я — твой нрав таков.
За что ж люблю тебя я больше жизни,
Хоть ты мне хуже тысячи врагов?

* * *

Заблудший, зачем забываешь о том,
Что вскоре предстанешь пред Вечным судом.
Ту жизнь, что для подвигов нам даровали,
Ты прожил в ничтожестве жалком своем.

* * *

Хоть душа моя в разлуке стала кровью истекать,
Мне мучительно и сладко о любимой вспоминать.
И бессонными ночами, изнывая, я шепчу:
«О, сколь сладостно мне будет с нею встретиться опять!»

* * *

На том пути, где вихрь метет, светильник ты зажгла.
Из-за небрежности твоей, боюсь, наступит мгла.
Душа обуглилась моя, ты видишь — дым плывет.
Коль не заметишь, все равно одной тебе хвала!

* * *

Мой взор мучительной тоской сумел разбить агат,
И в камне розы расцвели, предстал волшебный сад.
Был каждый розовый бутон моею тайной полн,
Все, что скрывал я от людей, — явил мой слезный взгляд.

* * *

Знай, сердце бедное мое пленил кудрей аркан —
Меня сразил и погубил индийский истукан.
О проповедник, замолчи! Не внемлю я тебе,
Не в силах сердце разлюбить, кровавое от ран.

* * *

Мне без тебя свет солнца ни к чему,
И лунный луч не разгоняет тьму.
Я столь привык к свиданию с тобою,
Как день прожить в разлуке — не пойму.

* * *

На имя славное его походит солнечный восход,
Луна — как кубок на пиру, который шах во здравье пьет.
Сама счастливая судьба вождя к свершениям ведет.
Все благоденствие земли — его заботливости плод.

* * *

Если ей распустишь кудри, с долгой ночью им сравниться,
В каждом локоне таится коготь яростной орлицы.
А расчесывать их станешь — пряный запах одурманит,
Будто мускуса и амбры притаились в них частицы.

* * *

Мне имя назовут твое, и оживаю я душой,
Блаженство лицезреть тебя такой счастливой и живой.
Но если станут говорить не о тебе, а о других, —
То я, в печали и тоске, от горя стану сам не свой.

* * *

Я терпение утратил, страсть меня с ума свела, —
Твой лучистый лик не видя, я забросил все дела.
И тоска меня сдавила тяжелее Каф-горы,
У тебя в груди не сердце, а гранитная скала.

* * *

Не можешь щедрым быть — что ж, не сужу!
Будь благодарным, так тебе скажу.
И коль ходжа свершит благодеянье,
Я каждый раз благодарю ходжу.

* * *

Письмо любимой прочитать я рад.
Пролил я слезы, словно свет Плеяд.
В расщеп пера свое я сердце вставил —
Пускай слова мои кровоточат.

* * *

Я — Рудаки — любить и жить устал.
Глаза от слез краснее, чем коралл.
Такую ревность я познал в разлуке,
Как будто в ад без времени попал.

* * *

С одной безбрежностью морской сравнима красота.
Там блещут зубки-жемчуга, коралловы уста.
Две брови — черные челны, чело — как волнолом
Над бурей, что таят глаза, где глубина чиста.

* * *

Завитки кудрей играют от покачивания стана,
Окружая ореолом щеки цвета аргувана.
Миллион сердец влюбленных эти локоны пленили,
Захлестнули наши души взлетом мягкого аркана.

* * *

Затеял в каджабоз игру коварный небосвод.
И, добрым проиграв и злым, он кольца раздает.
Прошла мгновенно ночь игры, идет прощальный круг,
Лишь мне счастливое кольцо никак не попадет.

* * *

Не обольщайся суетой и без забот живи.
Вольнолюбиво дни свои за годом год живи,
И не смотри на тех, кто сыт, доволен и богат,
Средь тех, которые бредут тропой невзгод, живи.

* * *

Еще я радость не познал свидания с тобой,
Налюбоваться не успел твоею красотой,
Вдруг слышу, голос прозвучал из выси голубой:
«Разлуки чашу пей до дна, налитую судьбой!»

* * *

Владыки мира все скончались, и ныне горсть земли они.
Пред смертью головы склонили и в вечность отошли они.
Скопили тысячи сокровищ и наслаждались высшей славой.
И что же! К дню своей кончины лишь саван донесли они.

* * *

Однажды время мимоходом отличный мне дало совет
(Ведь время, если поразмыслить, умней, чем весь ученый свет).

«О Рудаки, — оно сказало, — не зарься на чужое счастье.
Твоя судьба не из завидных, но и такой у многих нет».

* * *

Не для того черню я снег кудрей,
Чтобы грешить, как в цвете юных дней.
Но траур — одеяние печали,
А это — траур старости моей.

* * *

Сквозь оболочку мира глаз твой не видит жизни сокровенной,
Так научись глазами сердца глядеть на таинства вселенной;
На все, что зримо и телесно, гляди открытыми глазами,
Но сердце научи увидеть изнанку видимости брэнной.

* * *

Фату на лик свой опустили в смущенье солнце и луна,
 Как только с двух своих тюльпанов покров откинула она.
 И с яблоком сравнить я мог бы ее атласный подбородок,
 Но яблок с искусным дыханьем не знает ни одна страна.

* * *

Всевышний спас меня от горя, четыре качества мне дав:
 Прославленное имя, разум, здоровье и хороший нрав.
 Любой, кому даны всевышним четыре качества такие,
 Пройдет свой долгий путь без горя, людских печалей не узнав.

* * *

Все тленны мы, дитя, таков вселенной ход.
 Мы — словно воробей, а смерть, как ястреб, ждет.
 И рано ль, поздно ли — любой цветок увянет, —
 Своею теркой смерть всех тварей перетрет.

* * *

Пришла... — Кто? — Милая. — Когда? — Предутренней зарей.
 Спасалась от врага... — Кто враг? — Ее отец родной.
 И трижды я поцеловал... — Кого? — Уста ее.
 — Уста? — Нет. — Что ж? — Рубин. — Какой? —
 Багряно-огневой.

* * *

Те, перед кем ковер страданий постлало горе, — вот кто мы;
 Те, кто скрывает в сердце пламень и скорбь во взоре, вот кто мы;
 Те, кто игрою сил враждебных впряжен в ярем судьбы жестокой,
 Кто носится по воле рока в бурлящем море, — вот кто мы.

* * *

Если рухну бездыханный, страсти бешенством убит,
И к тебе из губ раскрытых крик любви не излетит,
Дорогая, сядь на коврик и с улыбкою скажи:
«Ах, как грустно! Умер, бедный, не стерпев моих обид!»

* * *

Слепую прихоть подавляй — и будешь благороден!
Калек, слепых не оскорбляй — и будешь благороден!
Не благороден, кто на грудь упавшему наступит.
Нет! Ты упавших поднимай — и будешь благороден!

* * *

Оставь михраб! Предпочитай пиры,
Где гурии Тараза, Бухары!
Живи для них! Мой бог молитв не любит,
Он для любовной создал нас игры.

ЗАГАДКА¹

Он без ушей отлично слышит, он хром, а поступь так легка;
Лишенный глаз, весь мир он видит, красноречив без языка;
Как стан любовницы, он гибок, змею движеньями подобен;
Он наделен печали цветом и грозной остротой клинка.

* * *

Моя душа больна разлукой, тоской напрасной ожиданья,
Но от возлюбленной, как радость, она приемлет и страданья.
Тебя ночами вспоминаю и говорю: великий боже!
Отраднa и разлука с нею, каким же будет день свиданья!

¹ Разгадка: калам — тростниковое перо.

* * *

О Рудаки, будь волен духом, не так, как прочий люд, живи!
И разумом, и сердцем светел, как мудрецы живут, живи!
Не думай, что тебе лишь плохо, для всех же — мир благоустроен,
Пойми: плохого много в мире; ты для благих минут живи!

РАЗРОЗНЕННЫЕ БЕЙТЫ

* * *

Точеной тросточке, блестящей и красивой,
Не стать плакучею зеленокудрой ивой.

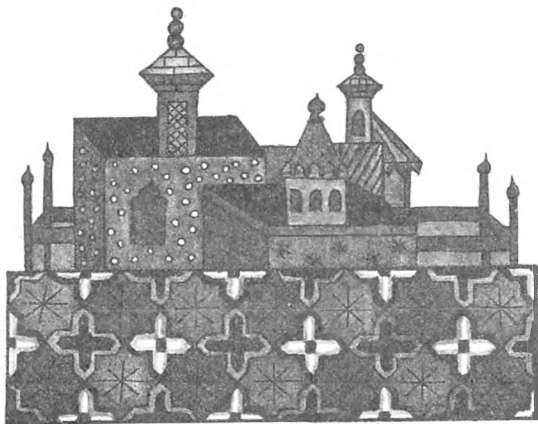
* * *

К тебе стремится прелесть красоты,
Как вниз поток стремится с высоты.

* * *

Поцелуй любви желанный — он с водой соленой схож:
Тем сильнее жаждешь влаги, чем неистовее пьешь.

ИБН СИНА

С таджикского

Г А З Е Л И

* * *

Кто на земле блаженств не ищет, тот
Их в небесах навечно обретет.

Нам воздержанье, венчанное вздохом,
При жизни очищение дает.

И в рай однажды вступит, кто поодаль
Здесь оставлял страстей водоворот.

И ангелов у ног своих увидит,
Кто отрешится от земных забот.

А ты, моя красавица, я знаю,
Стремишься поступать наоборот.

Тебе от наслаждения отречься
Жизнь, полная соблазна, не дает.

Земная радость — это лишь мгновенье
Пред вечностью, которая нас ждет.

Уединись, как Бу Али. Мгновенье
Предпочитать бессмертью не расчет.

* * *

Бальзам души, — прозрачное вино,
Чья лаловость затмить смогла давно

Багрянец роз, печали утоляет,
И возродить глотку его дано

Былую радость, словно птицу Феникс!
Слегка кувшина приподнимем дно,

Течет вино из глиняного горла.
И пения Барбада слаще, но

Как наставленья отчее попоцдни
Бывает горьким, что не мудрено.

А равнодушным пить вино нет смысла,
Но, кто умен, в нем истины зерно

Находит не с поникшей головою.
По шариату пить запрещено

Вино глупцу, но шариат не вправе
Пить запрещать и умным заодно.

Иль за невежд нам пребывать в ответе,
Которые когда-то предавно

Решили, будто по вине неверных
Луна переломилась. И вино

За пьяные поступки неповинно
И отвечать за дурней не должно.

И тот, чей пред вином незыблем разум,
Пусть ведает, что выпить не грешно!

Добро и зло таится в винных чашах,
И у вина прозрачного вольно

Мне в рабстве быть. И, как росую розы,
Вновь лики женщин увлажнит оно.

Тому, кто пьет, как Бу Али, ей-богу,
В суть Истины проникнуть суждено!

* * *

Благородный муж не зря почитать привык закон
И не должен преступать десяти запретов он.

А из этих десяти шесть запретов, говорят,
Не нарушит, хоть убей, истинный аристократ:

Черной завистью себя не унизь перед людьми,
Честен будь, чтоб о тебе не сказали: плутоват.
Хоть нагрянула нужда, не взывай к другим с мольбой,
А когда в достатке сам, будь на помощь тороват.

Богом всуе не клянись, стоном боль не выдавай,
Если даже ликом стал от недуга желтоват.

Знай: не стоит этот мир и вопроса одного,
Тяжкий вздох — один конец в нем,
исполненном утрат.

Круг Каабы — свод небес, сквозь него пройдет лишь тот,
Кто пред богом и людьми не был в жизни виноват.

В нарды смерть играет. Мы — словно шашки в той игре.
Мир — доска, а день и ночь — две игральные кости, брат.

* * *

На свете был я несколько днейков,
Прошел сквозь бурю логово песков,

Над мудрецом смеялся и при этом
Невежду возносил до облаков.

Ничтожно льстил и гневу предавался,
Теперь душа грязнее каблуков.

И пламень, что из сердца высекал я,
Кропил слезами, как из родников.

Избавиться от дьявольских страстей я
Не в силах был, как пленник от оков.

Гулял, очей веселья не смыкая,
Но жатва, — норов у нее таков, —
Являясь в срок, под корень косит злаки,
Пришлось пожать все то, что я посеял,
Как в мире повелось спокон веков.

Что делать? Я к своей вернулся сути,
Уйдя от суеты, как от клыков.

Где был — не знаю, а куда исчез я,
Не скажет ни один из знатоков.

К Ы Т А

* * *

Ты к дружбе с каждым встречным не стремись
И тайн не поверяй кому попало,
Гони лжеца, пройдохи сторонись,
Иначе повредишь себе немало.

И воле подлеца не покорись,
Не превышай дозволенного меры,
А запятнаешь честь, как ни винись,
Как слез ни лей — слезам не будет веры.

* * *

«Темен век, — подумал я, — милосердия в нем нет,
И давно у доброты стал подслеповатым взор.
Зодиака полный круг описали семь планет,
И великое число на тот свет с долин и гор
Благороднейших мужей за двенадцать лет ушло,
И обратно ни один не вернулся до сих пор».

* * *

...На поклонников спешишь неприязнь обрушить ты,
 Кровь из раненых сердец растеклась под стать зари.
 Из пучины жизни ты у порога своего
 Вытащишь пустую сеть иль с жемчужиной внутри?

О наследниках заботясь дни и ночи напролет,
 Что бы ни было, за это их отец не упрекнет.
 Но превратна жизнь, и могут ждать наследников напасти,
 И отца они за это не корят пусть в свой черед.

Лжи и пагубной страсти тенета стремись разорвать,
 Поведешься с ничтожным и станешь, как дурень, отвратен.
 Но гармонию мира способен ли смертный постичь,
 Чей приход и уход для него самого непонятен?

РУБАИ

* * *

Хоть на тысячу частей расщепил я волосок,
 Но, как прежде, до сих пор я от истины далек.
 К совершенству путь искал, не дал бог удачи мне,
 И в познаниях я себя на раскаянье обрек.

* * *

«Кто я такой? — сам вопрошал не раз. —
Пришел сюда надолго иль на час?
Обрел ли счастье и покой?» Наверно,
Не то б заплакал тысячами глаз.

* * *

Велик от Земли до Сатурна предел,
Невежество в нем я осилить хотел.
Я тайн разгадал в этом мире немало,
А смерти загадку, увы, — не сумел.

* * *

С двумя-тремя ослами близ мечети,
Что мнят себя премудрыми на свете,
Кажись ослом, чтобы тебя гяуром
Не объявили вдруг невежды эти.

* * *

Меня в безбожье обвинять — заведомый обман,
Нет веры крепче, чем моя, везде, где чтут Коран.
И если я гяур, тогда вы можете считать,
Что правоверных больше нет на свете мусульман.

* * *

На твое лишь милосердьё уповаем мы, аллах,
Нерадивые в молитвах, неповинные в грехах.
Твоя воля беспредельна, потому смогли возникнуть:
В сердце грешника — надежда, а в душе святоши — страх.

* * *

Отлетела моя юность — ненаглядная весна,
Стал похож я на вершину — это времени вина.
И меня, раз белоглав я, жизнь-кормилица по праву
Из сосков надежды черным молоком поить вольна.

* * *

Когда создан был влюбленный небесами в честь земли
И хмельную чашу страсти ему выпить поднесли,
Словно мед смешав янтарный с молоком, о Бу Али,
Не твою ли душу с телом влили в этого Али?

* * *

Вино — твой друг, пока тверёз, а если пьян — то враг,
Змеинный яд оно, когда напился, как дурак.
Немало может быть вреда во многом, дорогой,
А в малом прок великий есть, что знать обязан всяк.

* * *

Когда с моим врагом мой друг находит лад,
Такого друга я оставить буду рад.
Сидевшей на змее ты мухи стерегись
И меда сторонись, попал в который яд.

* * *

До того, как беспомощным стать стариком,
Делай дело, с которым, как мастер, знаком,
Чтоб потом не корить себя за нерадивость,
Все успеи совершить ты, усердьем влеком.

* * *

Привычно иным, как охотничьим псам,
Вынюхивать тайну, что дичь по лесам.
Как пленницу, тайну храни неусыпно,
Сбежит — ее пленником станешь ты сам.

* * *

Твоя коса, как эфа, опасна, говорят.
Но заглянуть боится в твой изумрудный взгляд.
И по спине сползает до самых пят и вьется
Дорогами земными твоей походке в лад.

* * *

Не всякая красotka, что нас пьянить вольна,
Свой нрав у золотого переняла вина,
Но потому подобна сама вину бывает,
Что часто повергает, как недруг, нас она.

* * *

О, вырвись, душа, из коварных тенет
Соблазны и славы, и звона монет.
Тебе для спасенья дается мгновенье
Меж раем и адом, знай, выбора нет.

* * *

О солнце-странник, ты одно такое в вышине,
Из мрака ночи возвратись с подарками ко мне.
Как я влюбленного едва ль встречало ты хоть раз.
Пыль на лице моем лежит, в душе моей — печаль.

* * *

Мир — это тело мироздания, душа которого — господь,
И люди с ангелами вместе даруют чувственностью плоть,
Огонь и прах, вода и воздух — из их частиц мир создан сплошь,
Единство в этом, совершенство, все остальное в мире — ложь.

* * *

Каждый образ и каждый исчезнувший след
В усыпальницу времени лягут на тысячи лет.
И на круги своя наши годы когда возвратятся,
Сохраненное бережно явит всевышний на свет.

* * *

Бог звездное ожерелье успел к утру разорвать
И в синюю чашу звезды швырнул, жемчугам под стать.
Он накануне ночи бывает, как я, влюбленным
И поступать как безумец готов на заре опять.

* * *

Чару, полную любви, сердце, пей до дна, как роза,
И в одежду облачись, чтоб была красна, как роза.
У любви, что у свечи, золотой язык багритя,
И грешна твоя вина, если глух пред ним, как роза.

* * *

Кустистая роза. И несколько рук
К подолу ее потянулись вокруг.
Влюбленные жадно цветы обрывали,
И разорвался подол ее вдруг.

* * *

Огненным ветром роза, как девушка, обнажена.
Нам в честь ее целомудрия, кравчий, налей вина!
Пусть дочка лозы походит цветом на эту розу,
За непорочность которой осушим чаши до дна.

* * *

Я — плач, что в смехе всех времен порой сокрыт, как роза.
Одним дыханьем воскрешен или убит, как роза.
И в середину брошен я на всех пирах, как роза.
И вновь не кровь моя ль горит на всех устах, как роза?

* * *

Какое сердце познает тайны ее хоть часть?
Какое ухо сумеет к слову ее припасть?
Светит луна иль солнце — возлюбленная прекрасна,
Но разве ее красою мой взор насладится всласть?

* * *

Суть в существе твоём отражена,
Не сможет долго тайной быть она,
Не потому ль, что суть любой природы
В поступке, словно в зеркале, видна.

* * *

О боже, твои совершенны творенья,
Почто угрожаешь нам за прегрешенья?
Мы разве вольны в своих грешных поступках?
Когда мы грешны — ниспошли нам прощенье!

* * *

Из блаженств носил я пояс. Не осталось ничего.
Жил, о деле беспокоясь. Не осталось ничего.
Будь свечою — изошел бы я слезами от тоски,
Был бы чашею Джамшида — разлетелся б на куски.

* * *

Жемчуг с губ ее сорву не затем, чтоб класть в карман,
Все фальшиво наяву, что ложится нам в карман.
Я решил зашить карман. И любимая сквозь смех
Мне сказала: — Много ль тех, кто, как ты, зашил карман?

* * *

Из дома чуть свет я уйду за высокой звездой,
Уйду от сует, что меня окружают ордой.
Оставив одежду в руках материнских, уйду я,
Чтоб, как Иисусу, омыться святою водой.

* * *

Поступку, чтобы пользу произвел,
Дан смысл, как подлежащему глагол.
Творца деянье в том и в этом мире
Не замысла ль венчает ореол?

* * *

Основа двух начал — дыханье: вдох и выдох,
И жизнь на том стоит в многообразных видах.
Но вечна ли ее воздушная основа?
На это даст ответ, кто был на панихидах.

* * *

Огнем и влагой тела, второй душой его
Зовется кровь, но только в темницу отчего
Заточена на годы, отпущенные нам?
И почему порою не стоит ничего?

* * *

Пять чувств, от слуха и до зренья,
Даются нам для внешнего общенья,
А мысль и память внутреннюю службу
Несут, определяя все решенья.

* * *

Налейте вина мне, пусть длятся года,
Налейте, чтоб радость была молода.
Вино — что огонь, но земные печали
Уносит оно, как живая вода.

* * *

Заслугам грехи предпочли вы считать,
Но ради аллаха молю вас опять:
Вы пламень возмездия не раздувайте,
Зачем меня гневу небес предавать?

Д В У С Т И Ш И Я

* * *

Растительную если ты предпочел еду,
То с пищею скромной будь строго не в ладу.

* * *

Не лезь в огонь и к банному котлу
Не прижимайся, если он в пылу.

С арабского

ПОЭМА О ДУШЕ

Душа, покинув облачный чертог,
В тебя вселилась, как задумал бог,
Она лучеподобна и незрима,
Ее познать один лишь разум смог.

Когда, своей свободе вопреки,
Она в оправе брэнной появилась,
То возвратиться на небо стремилась,
Потом смирилась, не тая тоски.

Но райского чертога благодать
В презренном мире не позабывала,
И, как среди руин, она немало
Страдала, обреченная страдать.

Кочевьем ей, покинутым, пустым,
Где вьется пыль под ветром, словно дым,
Казалось человеческое тело,
И ангелов не виделось над ним.

Она сидела, словно взаперти,
Она взывала: — Господи, прости,
Тоскую я по вольному простору,
Дай снова мне свободу обрести.

Когда же внял ее мольбе аллах,
Призвав к себе на звездных небесах,
Она возликовала, покидая
Того, чье тело превратилось в прах.

Песнь радости как было не запеть
Пред тайной ей, которую узреть
Нé может смертный, ведь с познания тайны
Она бессмертье обретала впредь.

Но для чего господь ее с небес
Низверг на землю грешную вначале?
Иль, как в огне, обжечь ее в печали
Хотел он до открытия завес?

* * *

Былое жилище, ты стерто превратностью жизни,
Затоптано в прах. А кого предавать укоризне

За все, что случилось? Иль, может, надгробие это
Над прахом твоим? Зыбкой памяти черная мета?

Не ты ли, исчезнув, со временем тайною стала?
И прошлое мне эту тайну раскрыть завещало.

Наследую камни разрушенных я водостоков,
Немало по ним дождевых прожурчало потоков.

И камень очажный в ложбинке, что, словно украдкой,
Меж холмиков, черной прижался к земле куропаткой.

На нем от огня виден след мне, действительно вечный,
Такой же в груди остается от муки сердечной.

Былое жилище, ты помнишь, как тучи косматы
Клубились над кровлей и слышались грома раскаты,

Как стрелами небо пронзали веселые грозы?
Пора над тобою пролить им кровавые слезы,

Оплакать всех тех, кого помнят развалины эти,
Безумно любивших и добрыми слывших на свете.

О, если б могли нам о прошлом поведать руины,
Далеких событий пред нами возникли б картины.

Но я утверждаю, что смысла полны и значенья
Безмолвные речи, что к нам обращают каменья.

Поверьте, о многом поведать нам могут руины,
Сослаться могу на свои, для сравненья, седины.

Они говорят, что зазубрился нрав мой, а в слове
Былой остроты не хватает и пылкости крови.

Седины не в радость, но в это же самое время
Надежда все чаще подать нам старается стремя.

Быть самоуверенным в поздние годы опасно:
Себе самому ты ошибкой грозишь ежечасно.

Что вижу я ныне? В упадке и честь, и ученость,
И в прошлом осталась мысли людской утонченность.

Сегодня к тому же не видят в достоинствах проку,
Возносят невежд и легко предаются пороку.

И мир предстает мне обителью знати и черни,
Где хаос и тлен, где пируют могильные черви.

А может быть, сам он мертвец, преисполненный гнева,
Червей этих жрет, улажая голодное чрево?

Мир сгинет в грехе иль, как праведник, встанет из праха?
Проведать могу ли я предначертанье аллаха?

К перу припадая, пишу: не стремитесь к богатству
И помните: алчность подобна всегда святотатству.

К перу припадая, еще я пишу на бумаге:
Подобен скоту, кто забыл благочестье во благе.

Жизнь верхом блаженства лишь может казаться животным
При сытой жратве и хозяйском уходе добротном,

Под пологом синим и тайною звездной цифири
Богаты одни, а другие — мудры в этом мире.

Но с мудрыми разве богатые могут сравниться?
Хоть жребий мне выпал среди богатеев родиться.

На льва похожу я, что в джунглях живет одиноко,
Когда с богачами соседствую волею рока.

На голову выше сородичей прочих не я ли? —
Но это понять хоть один из них может едва ли.

Кого удивят они? Чем они могут гордиться,
И разве цена их с моею ценою сравнится?

Я — дождь благодатный, они — суховею подобны,
Я — знаньями славен, они — неразумны и злобны.

Перо свою верность хранит мне в мгновенье любое,
Руке не изменит меч острый мой на поле боя.

И в бой я кидаюсь с весельем души беззаботным,
И враг отступает подобно трусливым животным.

И небо от пыли и пролитой крови чернеет,
Хоть за полдень только, а кажется, что вечереет.

Захватим добычу мы, благословляя удачу,
И враг за убитых заплатит нам выкуп в придачу.

Теперь я хочу, соблюдая законы приличья,
Напомнить невеждам, чье слышится косноязычье:

В речах языку нанести вы стремитесь увечье,
Он мог бы погибнуть, когда б не мое красноречье.

Вокруг знатоки утверждать до сих пор не устали,
Что должен язык говорить лишь моими устами.

Повсюду известна наукой моя увлеченность,
Познания копье не моя ль заточила ученость?

Учителем стал я всех тех, кто учиться желает,
На гибель невеждам пусть знамя науки блистает.

Да жаль, что судьба не всегда мне дарит свою милость.
Поддержка друзей на укоры сегодня сменилась.

Когда б против рока пойти я решился в гордыне,
Не зная упрека, всего бы добился я ныне.

Не страх за себя ощущал я в иные минуты,
Боялся я вызвать слепое безумие смуты.

И если продлен будет век мой превратной судьбою,
Поверженных в прах я увижу врагов пред собою.

Хоть станут оплакивать люди мои неудачи,
Не буду участвовать в их преждевременном плаче.

И черные тучи моей не закроют дороги.
Меч спрятан в ножнах, но безмолвен до первой тревоги.

Кузнец из железа скует, проявляя упорность,
Коню удила для того, чтоб являл он покорность.

И верится людям, что нити есть волосяные,
Которыми рты зашивают в години иные.

При жизни пророка и первых наследников веры
Бестрепетно овцы паслись возле львиной пещеры.

Собой справедливость венчала и землю, и воды,
И не враждовали тогда меж собою народы.

А ныне вражда, как зима, воцарилась повсюду,
А скорбная доля досталась бесправному люду.

* * *

Давайте память воздадим всем жившим здесь когда-то
И наши слезы посвятим ушедшим без возврата.

Был краток их нелегкий век, что натрудил им руки,
А как печалимся давно мы в горестной разлуке!

Нельзя желать, чтобы вокруг все было так, как было,
Унять вращающийся круг какая может сила?

Ничто не вечно под луной, смысл бренности не скроешь,
Зачем сокровища копить — не станет и сокровищ.

Моим хулителям, друзья, поведайте при встрече,
Что буду без обиняков к ним обращать я речи.

И от решенья своего не отступлюсь, ей-богу.
Его не зря я оседлал, как скакуна в дорогу.

Начнем молиться или вновь в слезах над словом дышим,
Мы снова недругов своих не видим и не слышим.

Когда я плакал о Сауд, то слез моей кручины
С ресниц немало пролилось на скорбные руины.

И поднял я глаза свои, склоненные, как лозы,
И сердцу лить я приказал невидимые слезы,

Где превратились во прах былого дома стены,
Еще я сердцу приказал не совершать измены.

Подруги милые Сауд — прекрасные созданья,
Но сердцем овладеть моим явилось к ним желанье.

Они старались в него вселить любви тревогу,
Но в сердце бедное мое закрыл я им дорогу.

Как мой наветчик ни силен, он не имеет мочи
Десницу дня укоротить или десницу ночи.

Душою чуток я всегда, как истый мусульманин,
Но бедный слух мой, что не глух, наветами изранен.

И седина меня корит, все приложив старанья,
И ежедневно говорит о пользе воздержанья.

Хоть соглашаюсь всякий раз я с грустной сединою,
Не в силах молодость забыть под желтою луною,

Моей не рано ль седина прельстилась головою,
И привечает только мрак, гнездясь над ней совою?

И седины все чаще мне слышны напоминая,
Что, как ни пыжусь, отвратить не в силах увяданья.

Похоже, скряга из угла, став тощим, как бумага,
Меня поносит лишь за то, что я, как он, не скряга.

Подслеповатый бросив взгляд, как будто бы из щели,
Меня считает он не тем, кто есть я в самом деле.

Он говорит, что у меня, как сито, руки в дырах,
А эти руки столько раз поддерживали сирых.

И добавляет: «Вижу я, ты постарел, мошенник,
Хоть проку нет тебе в деньгах, а ты все жаждешь денег.

Хоть ты уже как лунь седой, но, словно подаянья,
Утехи просишь молодой в порыве упования».

Хоть я увенчан сединой, смотрю на жизнь иначе.
И в ней, чем больше раздаю, тем становлюсь богаче.

Меня чернят молвой худой за пламень страсти поздней,
Мол, надо деве молодой моих бояться козней.

Но прибегать не привыкать клеветникам к обману,
И той, что встретится со мной, я делать зла не стану.

Слоном от века верблюжат пугают повсеместно,
А слон ни в чем не виноват, что каждому известно.

* * *

Желанья твоего не спросит седина
И в должный срок, как снег, появится она.

Коль хочешь скрыть ее — покрась иль остриги,
Но что ушла она, ты сам себе не лги.

А если седины возник лишь первый след,
А ты, как от беды, кричишь на целый свет,

В смятении каком окажешься, когда
Вся голова твоя окажется седа.

Зеленую листву пленительных утех
Холодный ветер в срок срывает как на грех.

На жизненном пути не избежать утрат,
И знай, на нем цветут не только розы, брат.

Превратна наша жизнь, и путник не один,
Уйдя, порос травой задолго до седин.

Быть алчным стерегись и, сохраняя честь,
Не требуй от судьбы ты большего, чем есть.

Знай, будит жадность в нас погибельную страсть
И кто охвачен ей, тому легко пропасть.

Стяжатели богатств впадают в маету,
При этом обречен их дух на нищету.

Воистину из нас тот муж исполнен сил,
Кто губительную страсть в душе своей смирил.

И счастье тот познал вдали от суеты,
Кто на мученье шел во имя правоты.

Без меры жрал и пил обжора вечер весь,
Пока не ощутил в своем желудке резь.

Обжора враг себе, а льстец — другому враг,
Он убивает нас, хотя желает благ.

Скользя по волосам, не так ли гребень вот
Из нашей головы с корнями волос рвет?

Ты прочь гони льстеца, а грешника приветь,
Когда клянется он жить благородно впредь.

И, голову сломя, кидаться не спеши
В тот промысел, какой тревожен для души.

Ты юношу наставь, а старика почти,
Виновного юнца со злобой не шерсти.

Ты вспомни, что, когда был молод и удал,
Такие же, как он, ошибки совершал.

И юноше совет ты подавай, любя,
Но старика учить — спаси господь тебя.

Совет твой для него, хоть ты в большой чести,
Колючка, что ладонь пронзает до кости.

Завистники во мне старались вызвать гнев,
Но я сдержал себя, его преодолев.

И в придорожный прах отбросил потому
Я каждого из них, подобного дерьму.

И не подняться им из праха никогда,
И выше звезд других взошла моя звезда.

* * *

Завистникам дивлюсь я неспроста:
Чернят мой ум их злобные уста.

Я чист душой, не в этом ли причина
Усердья тех, чья совесть не чиста?

Пускай клеветуют. Не сразят скалы
В горах рогами дикие козлы.

И не страшна невежд хула и ругань
Для юноши, чьи помыслы светлы.

* * *

Готов больного исцелить всевышний,
В заботе этой я, как врач, не лишний.

И в бейтах вновь, не делая секретов,
Подать обязан несколько советов:

Когда лицом больной от крови пылок,
Пиявки след поставить на затылок.

Он мало пищи должен есть мясной,
Не пить вина ни капельки одной.

А перед сном тепло не укрываться,
И соком розы утром умываться.

Все исключить от гнева до испуга
И ворот не застегивать свой туго.

Больной, к моим прислушавшись советам,
Здоровым станет, я уверен в этом.

* * *

В чистом воздухе паря, ядовитых змей, как мух,
Чистого нашатыря убивал великий дух.

Если раджи взять мискаль и мискаль нашатыря,
А потом перемешать, то, как сказано, не зря

Осушивший эту смесь ощутит блаженства час,
И спасти она должна от любой отравы нас.

* * *

Вода из кувшина, да хлеба кусок,
Да платье в заплатах, как старый мешок,
Вот все, что имел я под желтой луною,
Где пленников алчности губит их рок.

Клянусь, ни один из всесильных владык,
Хоть подать со всех получать он привык,
И ни один из эмиров на свете,
Который гаремом и войском велик,

Большого счастья — едва ли достигли,
Чем сам я — всех дервишей бедный двойник.

* * *

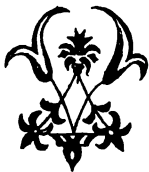
Кто незряч — не видит солнца, хоть и на небо глядит,
Смысл прозренья для невежды за семью замками скрыт.
Беды все, как из железа, для которых я магнит,
И ко мне из них любая устремиться норовит.
Богу жалуясь на жизнь я, что меня она все старит
И, оставшись молодой, беззаботно вдаль летит.

* * *

Спеши, мой брат, из мира суеты,
Здесь истину постичь не сможешь ты:
Земля — жилище временное наше,
Где чаянья исполнены тщеты.
Вражда стучит мечами о щиты,
А споры все ничтожны и пусты.
Мы истину познаем лишь на небе,
И сжечь пора нам за собой мосты.
И не дано надежной нам опоры:
Мы — на песке стоящие шесты.

* * *

Избавлюсь скоро от мирских кручин,
Увижу, что не видел ни один
Ни человек, ни джинн. Уйду отсюда,
Где жил, пронзаем стрелами годин.
Щит кованый они пробить могли,
Где нищему, стоящему в пыли,
Скупился поднести кусок лепешки
Иной владелец пахотной земли.
Где легкие задачи разрешали,
Но пред бедою головы теряли.

* * *

Возвысить душу звеньями стремись,
Она вместит их, словно звезды высь.
Душа — светильник, чей огонь познать,
Аллаха мудрость — масло для него.
Погас светильник — это знак того,
Что кончилось твое существованье.

* * *

Кто знает цену сущности своей,
Тот самый предостойный из людей,
И помнит он, кто в совершенной форме
Явил его в подлунный мир страстей.

Растений души чувственным под стать,
И сходство их нетрудно доказать,
Но как душа, что чувственной зовется,
Верх над меньшей сестрой сумела взять?

И тем, чей ум пытлив в молодые лета,
Я говорю: — Есть не одна примета,
Что утверждает неопровержимо
Родство всех душ со дня творенья света.

На вещи готов сослаться знаки,
Где окружают нас цветы и злаки.
О, сколько бедствий правит в этом мире,
Где сонмы душ блуждают, как во мраке.

* * *

О детстве сны ты видишь до сих пор,
Хоть молодость уже за гранью гор.
Почто, скажи, хоть кудри в седине,
Картины детства видишь ты во сне?

Был в юности ты дьяволу сродни,
Но вешних лет давно померкли дни,
И остудить, как пашню, что черна,
Твою башку сумела седина.

И чернокрылых птиц висков твоих
Когтили враз два сокола седых. ✓

Как будто стерлись юности черты,
И словно потерял из виду ты
Возлюбленной жилище, где, не слаб,
Когда-то отличался твой рубаб.

Черт юности блистательный чекан
Не седина ли скрыла, как туман?

А дом любимой, в силу торжества,
Собою застит буйная листва.

Седины подают о смерти весть,
А зелень — знак, что жизни вечно цвeсть.
Таков закон людского бытия,
В противоборство с ним вступил бы я.

И поднял бунт, но он непоборим,
Как путами, повязаны мы им.

Судьбы неотвратимость понял я,
Тогда терпимость родилась моя.

Мир совратить, аллах его прости,
Меня пытался с верного пути.

И ошибался, будучи неправ,
Я, ложный путь за истинный приняв.

Среди людей живу, дела верша,
Но им моя неведома душа.

В завидной высоте плывет она,
Над подлостью людской вознесена.

И мучились в догадках сколько раз
Те, кто в слепом невежестве погряз,
Чтоб выяснить, а кто же я такой,
Ученостью смутивший их покой?

Б Е Й Т Ы

* * *

Я прославился, и тесен для деяний стал мне свет,
Высоко ценюсь я ныне, да купца с деньгами нет.

* * *

Заклинаю тебя, небо, бога ради, дай ответ:
Ты вращаешься, но есть ли в этом смысл какой иль нет?

* * *

О достоинствах твоих рассказать немой бы смог,
Я бы перечислил их, но душою изнемог.

* * *

Я в темницу заточен был наветчикам в угоду,
И в раздумье погружен, как мне выйти на свободу.

* * *

По ушедшей молодости траур я ношу теперь.
Почему же ночь проходит в черном, не познав потерь?

* * *

Когда умрем, то все до одного
Познаем, что не знаем ничего.

* * *

«Я стократ щедрей тебя», — похваляется иной,
А просители придут, повернется к ним спиной.

* * *

Сердца наши скальной породы связала любовь оттого,
Что ты неприступна, как камень, а я — терпеливей его.

* * *

Басмой волосы окрашу, снова буду молодым,
Но не ранее, чем ворон сможет стать, как я, седым.

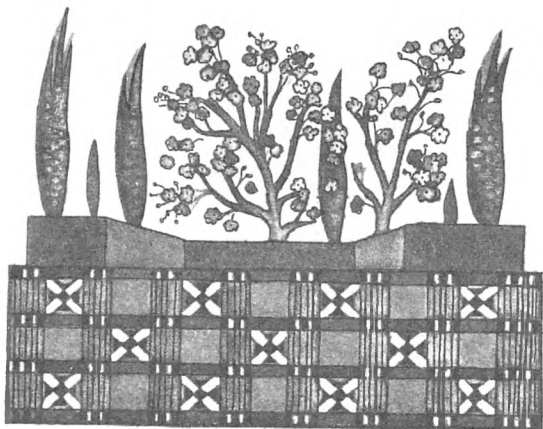
* * *

Она косы смоляные расплела, пугая ночь,
Лик сиял ее при этом, и бежала в страхе ночь.

* * *

Воистину чудесные дела: возносятся безмозглые тела,
Их наделила тупостью природа, а родовая знатность вознесла.

НАСИР ХОСРОВ

Назидательные главы из «Книги света»

В ПОРИЦАНИЕ СВЯТОШАМ

О ищущий! Дойди до сердца всех явлений,
Без сердцевины нет ни знаний, ни умений.

Лишь истину познав, о правде говори!
Не знающий пути — не годен в главари.

О, не влагай руки в неведомую руку,
Чтобы, стремясь вперед, не колесить по кругу.

У истины святой есть полунощный тать:
Не вздумай же ему ты ноги лобызать.

На рынке бытия воров шныряет свора.
Так береги карман и в каждом бойся вора.

Пройдет ли тот слепец дорогой до конца,
Который вожаком берет себе слепца?

Скорбящий! Отыщи поводья такого,
Чтоб для тебя нашел сочувственное слово.

Во всей подлунной нет обиднее обид,
Чем величать ханжу: «Священный Баязид!»

Послушаешь иных — аллахова порода!
А поразведает — ни племени, ни рода...

Как драгоценный клад в развалинах зарыт,
Так праведника дух под рубищем сокрыт.

Из пыли и шипов на свет выходит роза.
Не образ пред тобой: тут жизненная проза.

В ПОРИЦАНИЕ РОСТОВЩИКАМ

«Жалей» ростовщика: ведь из своих палат
Бедняга перейдет в неугасимый ад!

При взгляде на него презреньем насладимся:
Базарный пес — и тот почтенней лихоимца.

Одушевлен ли сей бездушный человек,
Который за дирхем нас душит целый век?

Который, окружен роскошеством и негой,
Способен бедняка лишить его ночлега?

Зато, когда скупец испустит бранный дух,
Сынок устроит пир с толпою потаскух.

Тот скряга целый век гонялся за наживой,
А этот спустит все, хоть юный, да плешивый...

Сундук ростовщика — сам по себе порок!
И благо совершит — пойдет оно не впрок.

Не пей ты с ним вина — хоть умирай от жажды:
Кровавая слеза сокрыта в капле каждой.

Позорит ростовщик не только прах, но тверды!
С брезгливостью к нему притронется и смерть.

И хоть миллионы лет гореть в аду он будет,
Сам дьявол навсегда в котле его забудет.

В ОСУЖДЕНИЕ ПОЭТОВ-ПАНЕГИРИСТОВ

Не трать на низкого хвалебных слов —
Кто ожерелья тратит на ослов?
О суетном печешься ты напрасно,
Ведь царство двух миров тебе подвластно,
И сам себя стыду ты предаешь,
Когда твой рот твердит повсюду ложь,
Когда ты хвалишь низкое деянье —
Честь предаешь свою на поруганье,
Твой о «великом» шаха просит стих,
Позор для разума в словах твоих.
Не восхваляй, не оскорбляй при этом
Умы, что проникают в мрак за светом,
Как те поэты, ты не пустословь —
Честь потеряв, вернуть не сможешь вновь,

Ни назиданьем их стихотворенья,
Ни мудростью не радовали зренье,
Стремится к золоту такой поэт,
Душа слепая не увидит свет.
Чего желают эти пустомели,
Ослов одевши блеском ожерелий?
Эмиром слова быть — певца удел.
Пусть бог хранит его от этих дел.

В ПОРИЦАНИЕ ЦАРЯМ И ВЛАСТЬ ИМУЩИМ

Как отвратительна властителя душа:
Изволь с ним говорить почтительно дыша.

Самовлюбленный лев с когтями и клыками
Обидчив, как цветок, дрожащий лепестками.

Когда объявит шах торжественный прием,
Не сами ль небеса сгибаются при нем?

И кажутся тогда почтенные мужчины
Кишеньем черноты, собраньем чертовщины.

Вот гадина юлит раздавленным хвостом,
Вон жаба перед ним дрожит с умильным ртом...

Когда он поутру подымет не в духе,
Просители бледны, как неземные духи.

Но если благоден и примет их гурьбой,
Как он на них глядит? Что видит пред собой?

Семь отроков пускай предстанут из Эфеса,
Явлению не придаст ни веры он, ни веса.

Да хоть бы сам мудрец о небо оперся —
Для шаха глас его — не выше лая пса.

К воскрылиям души он полон неприязни,
Христа вторично он подверг бы лютой казни.

Зато к ослу Христа он нежностью согрет,
Копыто превратив в священный амулет.

ХВАЛА РЕМЕСЛЕННИКАМ

Ремесленник! Нет в мире лучшей доли.
Не царь, но и не раб. Всегда на вольной воле.

Стучит он или шьет на трудовой скамье,
Но вечером поет в родной своей семье.

Пускай не каждый день по горло сытым ходит,
Но умножает он все то, что производит.

Под молотом его золотые искры мчатся...
И видят лишь добро жена и домочадцы.

Он в полночь сладко спит в куренье мирных снов,
А на заре опять среди своих обнов.

Тачает или шьет, варит или грохочет,
Он низменных страстей не знал и знать не хочет...

До смерти дни свои он знает наперед.
Доволен им господь. Доволен и народ.

Трудолюбив. Шутлив. Общительного нрава.
Осанна ремеслу! Ремесленнику слава!

Нет! Равного ему не сыщете нигде:
Ведь и самим царям нужна в его труде.

ХВАЛА ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАМ

Но труд ремесленника миру не сгодится,
Когда у пахаря зерно не уродится.

Как славен труд его, Адама древний труд!
Что с земледелием сравниться может тут?

Он демонов зимы богатствами встречает,
Зверей и диких птиц в хозяйстве приручает.

Крестьянин — что ни год, то открывает клад:
Здесь пашня у него, а там цветущий сад.

Кормилец добрый он создания любого,
Будь это человек, овца или корова.

И если только он на ремесло в обмен
Торгашески на хлеб не подымает цен,

То во вселенной нет и не было от века
Подобного ему святого человека.

Да будет всяк из нас велик своим трудом!
Здесь ключ от бытия. Здесь наш очаг и дом.

ЗНАНИЕ

Под присмотром всегда держи свои владенья,
Ибо владенье ждет забот и наблюденья.

Два уха у тебя, два глаза у тебя —
Вот для твоих ворот надежнейшие звенья.

Учись и познавай! В превратностях судьбы
Познания твои — одно твоё спасенье.

Кто знания щитом себя вооружил,
Тот в шуме бытия не знает треволнения.

Еще один совет: ты послухам не верь!
Молва всегда молва: шумит! Но тем не меньше

Услышанным словам, услышанным вестям
С увиденным тобой — не может быть сравнения.

Поэтому слушков, как зайцев, не лови:
Всему, что услышал, потребуй подтвержденья.

И, наконец, еще: слова не есть дела.
Деянье — это плоть! Слова же — только тени...

Ты можешь сотни лет о жемчуге твердить,
Но если не нырнешь — он твой лишь в сновиденье.

РАЗУМ

Разумному внушает разум одно и то же — навсегда.
Остерегайся зла, запомни: зло — величайшая беда.

Ни хищникам, ни травоядным не уподобся — ты не зверь,
Но если зло творишь — от зверя чем отличаешься теперь?

Увы, подобна злая воля змее-гюрзе! Сойди с тропы,
Не то ужалит — ведь от страха к земле прикованы стопы!..

Но у души есть крылья: разум! Крылата разумом душа,
Взлетит из пропасти глубокой, освобождением дыша...

Взнесись на этих крыльях выше! Внизу, над разумом глумясь,
Тебя невежество поймает... Не поддавайся! — втопчет в грязь.

ДОБРОДЕТЕЛЬ

Да будет жизнь твоя для всех других отрадой.
Дари себя другим, как гроздь винограда.

Но если нет в тебе такой большой души —
То маленькая пусть сияет, как лампада.

Не огорчай людей ни делом, ни словом.
К любой людской тоске прислушиваться надо!

Болящих — исцеляй! Страдающих — утешь!
Мучения земли порой жесточе ада.

Ты буйство юности, как зверя, укроти.
Отцу и матери всегда служи отрадой.

Не забывай о том, что мать вспоила нас,
Отец же воспитал свое родное чадо.

Поэтому страшись в беспечности своей
В их старые сердца пролить хоть каплю яда.

К тому же — минет час: ты старцем станешь сам,
Не нарушай же, брат, священного уклада.

Итак, живи для всех. Не думай о себе.
И жребий твой блеснет, как высшая награда.

ДРУЖБА

Ты знаешь, сердце, что такое друг?
Он должен быть твоей судьбою — друг.

Для этого иди такой тропой,
Чтоб восхищался бы тобою друг.

Ищи такого, чтобы за него
Не жаль пожертвовать собою, друг!

Но в то же время, чтобы за тебя
Рискнул бы также головою друг.

Когда такого в жизни ты найдешь,
Не становись к нему спиною, друг.

В любой тоске, в томлении любом
Придет с улыбкою родною друг.

Два века надо жить, чтобы понять,
Чтобы осмыслить золотое — «друг»...

Не шутка это — хорошо дружить,
А дружба — дело непростое, друг.

Деяньем дружбу нужно доказать —
Не всякий друг тебе душою друг.

ДРУГ И НЕДРУГ

Ты должен различать, кто друг тебе, кто недруг,
Чтоб не пригреть врага в своих сердечных недрах.

Где неприятель тот, который в некий час
Приятностью своей не очарует нас?

Где в мире мы найдем тот корень единенья,
Который не покрыт корой и даже тенью?

Собака, что визжит и ластится, как друг,
Она своим друзьям не изменяет вдруг.

Собака — говорю! Но так ли ты уверен,
Что подлинный твой друг тебе до гроба верен?

И сердцевину тайн, доверенных ему,
Не обнажит вовек по слову своему?

Испытывай друзей и голодом и жаждой.
Любовью испытай! Но только раз — не дважды.

Кто дружбе изменил хотя бы только раз,
Тому уж веры нет, хоть пой он, как сааз.

И пусть перед тобой юлит гадючье тело,
Башку ей разmozжить скорей — благое дело.

Поэтому-то я твержу одно и то ж:
Кто так тебя поймет, как сам себя поймешь?

Лишь те-то и друзья не на словах — на деле,
Кто наши кандалы и на себя б надели.

ЖАДНОСТЬ И НИЗОСТЬ

По ногам опутан ты, поскольку жадно пожелал чего-нибудь,
Жадность ты от рук отмой без спора — выйдешь на свободный,
чистый путь.

Алчно и угрюмо не гляди ты на принадлежащее другим:
Имя потеряет именитый, ежели он жадностью томим.

Желтые всегда у алчных лица, сытому желудку вопреки;
Алчности, — кто мужеством гордится, — голову скорее отсеки!

В жизни затруднение любое легким, я советую, сочти —
Так преодолешь легче вдвое непреодолимое почти!

Иве подражаешь ли плакучей — каждый ей тревожен ветерок...
Солнце и луна — пример получше: нам невозмутимости урок.

Будь на этом поприще достоин мужественных воинов в бою:
Враг твой — вожделение, ты — воин, в твердость мы поверили
твою.

Коркою будь сыт — но на свободе; в рубище — но истинной красы.
Счастья нет у жалких, чьи по моде кольцами закручены усы!

Жадный — ты унижен, как собака. Кто не поиграл твоей судьбой?
Жадность от себя отринь, тогда ты будешь властелином над собой!

ДВУЛИЧИЕ

Слова, которые пошли с делами врозь
И жизнь в которые вдохнуть не удалось, —

На дыню «дастамбуй» похожи, как ни грустно:
Она — красавица — душиста, но безвкусна...

Благоразумному указываю путь:
Игральным шариком иль мячиком не будь!

Польстив играющим, в низкопоклонстве пылком
Мяч обращен ко всем лицом, а не затылком.

А ты не сей того, что пожинать не рад,
Те не болтай слова, что самому претят.

ЯЗЫК

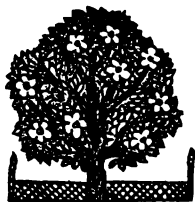
Прекрасен рот. Но в логовище рта
Беда для человека заперта.

Язык его таит и зло и грех.
Молчанье — вот сокровище для всех!

Но коли речь не можешь устеречь,
Так пусть добром твоя блистает речь.

Слова любви — как золото зари...
Такое, если можешь, — говори!

Но слово зла скатится с языка —
Гони его, как беркут бирюка!

КАСЫДЫ

СПОР С БОГОМ

Ты, о боже, в малом теле муравья
Смог вселенную громадную замкнуть, —
Между тем не увеличил муравья,
Не уменьшил и вселенную ничуть.

Цепи гор, сковавших Запад и Восток,
В створках раковин умеешь затворить;
Не успеет оком человек моргнуть —
Ты вселенную успеешь сотворить.

Чтобы листья покорялись ветерку,
Чтобы твердь стояла крепко, — ты решил...
На пути, ведущем, господи, к тебе,
Человек претерпевает свыше сил.

Ведь природа человечья и душа
Тем и разнятся, что видят не одно...
Семя древа искушения в сердца
Сам ты кинул, сотворив людей, — давно.

Ведь посеявший ячменное зерно,
Не надеется пшеницу собирать.
Сам до века ты основу заложил
Темных дел, за кои будешь нас карать.

Если созданы мы только для молитв, —
Для чего ты создал дьявола, господь?
Много слов для разговора я припас, —
Страха все же не могу я побороть.

Не могу в своем неверии принять
От подвижников невежественных весть.
Слово разума я только признаю:
Перл — в жемчужных только раковинах есть.

Все ж настаивать на сказанном боюсь:
Где спасенье, коль разгневаешься вдруг?
Вдруг ты твердость непреклонную явишь,
Кто натянет тетиву на твердый лук?

Как же быть во время Страшного суда?
Как мы счета наши старые сведем?
Коль не вырвешь многогрешный мой язык,
Значит, можно не молчать перед судом?

А лишить меня, создатель, языка
Разве будет справедливо? Нет и нет!
Почему же справедливость соблюдать
Ты даешь твоим творениям завет?

Коль присутствовать изволишь на суде,
Вовсе мыслить я, пожалуй, не смогу.
Коль другому поручишь меня пытать —
Для чего за ним, как дурень, побегу?

Всеблагому и премудрому зачем
Подменять себя другим в отместку мне?
Прикажи меня отправить прямо в ад —
Пользы нет в пустопорожней болтовне.

Мир загробный не таков, как мир земной:
Там насилие и взятки ни к чему.
На тебя ведь все возложены дела —
Исполняй же! В чем задержка — не пойму.

Грех не нужен был покорному рабу —
Ты греху открыл лазейку, боже, сам.
Сам ты дьявола уловки поощрил,
Проложив ему стезю к людским сердцам.

Нам молиться, правый боже, ты велишь
И паломничество в Мекку совершать:
Не подобен ли охотнику на серн —
Ловишь дичь, когда ей снится благодать?

Сам на серну ты кричишь: «Беги! Беги!»
Сам борзую натравить спешишь тотчас.
Помолиться нам приказываешь ты
И науськиваешь дьявола на нас.

Для извечного, владыка, существа
Не пригоже друга стравливать с врагом.
Выгнал злого из обители своей,
Чтобы нас теперь обхаживать кругом.

Я пучиною сомнений поглощен,
То надеждами, то страхами объят.
Рай в уплату за покорность обещаю,
Созерцаешь, как меня толкают в ад.

Все обиды от красавиц, боже мой!
Так иль этак, жить приходится, терпя.
Но виновны ли болгарки предо мной?
Нет, всевышний, это козни — от тебя!

Разве смеет возмутиться человек?
Соблазнительниц, одну другой лютей,
В дальнем крае ты разводишь, о господь,
Для того чтобы дурачить нас, людей.

Ты мечту и вожделенье сочел,
В жилах жажду наслаждения разжег,
Чтобы вовсе истомился человек,
Чтобы места он найти себе не мог.

Кто же, страсти в человеке пробудив,
У существ розовощекой красоты
Покрывало их стыдливости украл
Для бесчестия людского, как не ты?

Ты желудки сделал жадными к еде,
Чтобы рыскать нам за пищей день и ночь, —
Всем, что чисто и нечисто, человек
Набивать свою утробищу не прочь.

Члены тела моего — мои враги:
Порываются к прелестницам земным, —
Жадной плотью, поборающей меня,
Я всечасно ненавидим и томим.

Но когда бы эти плотские блага
Не давали наслаждений без числа,
Мне осталось бы слоняться по степям
Терпеливо, наподобие осла.

И зачем угрюмой злобы семена
В человеке ты для роста поместил?
Неужели ради Страшного суда,
Ради мук меня из глины замесил?

Если ты свое подобие творил —
Не игральную костяшку на кону, —
Что ж глумишься над созданием своим?
Для чего еще ты создал сатану?

Много есть еще вопросов у меня,
Но боюсь тебе загадки задавать.
Если, впрочем, бессловесным надо быть,
Ты бы должен был скотом меня создать.

Буду спорить в день последнего суда!
Впрочем, можешь у меня отнять язык,
А не то тебе придется отвечать,
Чтобы я свое невежество постиг.

Прикажи меня поглубже спрятать в ад!
Что за прок с тобою спорить всякий раз?
Ты, когда мы честно молимся тебе,
«Соврати их!» — сатане даешь приказ.

Если сам ты без песчинки на ступнях,
Как ты создал, повторяю, сатану?
Словом, столько в этом деле темноты,
Что рукой на богословие махну.

Если создал ты хороших и дурных,
В наказаньях и наградах смысла нет,
Безупречных ты иметь желаешь слуг?
Нас, плохих, зачем ты выпустил на свет?

По природе я — железная руда:
Содержать в себе алмазы не могу.
Сотни раз меня в горниле переплавь,
Я все тот же, пред которым ты в долгу.

Зло даешь и получаешь плату злом —
Чем ты лучше в этом случае меня?
Пусть я плох — но я тобою сотворен...
А не нравлюсь — так не делал бы меня!

* * *

В горьких раздумьях моих вся истомилась душа.
Тщетно я людям внимал, мудрых возжаждав речей.

Лгал мне и тот и другой, лгали глупец и слепец,
Стал у пророка искать я указанья путей, —

Но про Корана стихи тщетно я спрашивал всех,
Молвить кому бы я смог: душу мне знаньем согрей!

Дом я покинул тогда; бросил, в скитанья спеша,
Сад, где пестрели цветы, тканей узорных пестрей.

Лгал мне и тюрк, и араб, некто из Синда, индус,
Старый румиец, и лгал так же мне сын твой, о Рей!

Спрошен был мною в пути тот, кем не чтится творец,
И манихей, и сабей, спрошен был мною еврей.

Часто, на камни ложась, из облаков свой шатер
Я мастерил и в глуши спал наподобье зверей.

Я по горам проходил выше высокой луны,
Спутником рыб по волнам несся я ветра быстрей.

То я блуждал по пескам жарче горячей золы,
То по стране, где зимой мрамора тверже ручей.

То между осыпей шел, то вдоль потоков седых,
То в бездорожье, в горах старого мира старей.

То пред верблюдами брел, тяжело веревку влача,
То, словно вьючная тварь, с ношею, — мимо дверей,

В город из города шел, всюду людей вопрошал,
К берегу дальних земель плыл я по шири морей.

* * *

Вот взмыл орел с высоких скал. Он, по обычаю орла,
Добычу свежую искал, раскрыв два царственных крыла.

Он хвастал крыльев прямизной, их необъятной шириной:
«Весь мир под крыльями держу. Кто потягается со мной?

Ну, кто в полете так высок? Пускай поднимется сюда!
Кто? Ястреб, или голубок, или стервятник? Никогда!

Поднявшись, вижу волосок на дне морском — так взгляд остер.
Дрожь крыльев мухи над кустом мой зоркий различает взор».

Так хвастал, рока не боясь, — и что же вышло из того?
Стрелок, в засаде притаюсь, из лука целился в него.

Прошла под крыльями стрела... Так было роком суждено, —
И мигом сбросили орла с высоких облаков на дно.

Упав, орел затрепетал, как рыба на сухом песке.
Он участь рыбы испытал, и огляделся он в тоске.

И удивился: до чего железка с палочкой просты, —
Однако сбросила его с недостижимой высоты.

И понял, почему стрела, догнав, унизила орла:
Его же собственным пером она оперена была.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ЮМГАНЕ

Друг отшатнулся от меня вчера,
Увидев, что прошла моя пора.

Любимая дорогу позабыла
Сюда, ко входу моего шатра.

Неужто потому, что исхудал я —
Стал тоньше соколиного пера,

Ты не узнал меня, мой собеседник,
Со мною проводивший вечера?

Мой стан, как ручка посоха, согнулся...
Когда дохнули зимние ветра,

Увял мой цвет, и лик румяный бледен
Стал, как зола угасшего костра...

Но против гнета времени слепого
Есть в сердце сила у меня одна,

Моя опора и моя защита, —
Величие духовное — она.

Над разумом моим и над душою
Власть небесами диву не дана.

Хоть все, что сделать мог со мной, он сделал:
Гляди, как плоть моя измождена.

И побелела борода, что прежде
Была, как амбра свежая, черна.

Но эта плоть жемчужнице подобна,
И в ней жемчужина заключена.

Стремиться буду к действенному знанью,
Пока стена Юмгана мне верна.

Я страха перед временем не знаю,
Я независим, жизнь моя вольна.

Покамест на меня не взглянет время,
Мысль от него моя отвращена.

Судьбы-верблюда моего веревка
Не будет в руки шаху отдана.

Стремлением к презренному величию
Моя одежда не загрязнена.

И никогда, пока владею телом,
Душа врагу не будет предана.

Вовек не будет милость недостойных,
Как оскорбленье, мне нанесена.

По степи знаний и высоких споров
Крылатого гоню я скакуна.

В пыли его копыт тропа кривая
Противников теряется, темна.

Эй, Носибиде, невежда, враг Алиа,
Что так мила тебе со мной война?

Ты, как змея, шипишь и угрожаешь,
Но мне твоя угроза не страшна.

Злорадствуешь, что жизнь моя в Юмгане
Любви и состраданья лишена?

Как в недрах гор скрываются алмазы,
Так мысль моя — в горах блестит она.

*

Вышел волк голодный, видит — полн ягнят простор степной,
Медленно проходит стадо мирной пастьбою ночной.

Режет волк овец. А овцы щиплют сочную траву.
Волк и овцы наполняют с жадностью желудок свой,

Волк траве — ягненок мирный, а для волка он — трава.
Помни это! Редко встретишь меткий оборот такой.

Помни это выражение, зорче в жизнь свою взглядишь:
Волком быть или ягненком — бойся участи любой!

Ты в погоне за ягненком? Но, глупец, не забывай:
На тебя как на ягненка смотрит кто-нибудь другой.

Ты не волк и не ягненок? Почему же при дворе
Состоишь? Без оговорок дашь ли мне ответ прямой?

Не гордись, что хлеб пшеничный и ягненка ешь, а друг
Черствый хлеб, отсеков полный, ест с холодной водой.

Одинаково придется, как тебе, так и ему,
Вечность пролежать недвижно без обеда под землей.

Разве ты услышишь это, разве сердцем ты поймешь,
Если уши внемлют пенью, если взгляд пленен игрой?

Удивительного хочешь. Чуда в жизни ищешь ты.
Что ж в окно через решетку смотришь ты на мир земной?

Нет, гляди и удивляйся на себя, что скован ты
Цепью крепкою под этой высью вольной, голубой!

Что в неведении жалком чистая твоя душа,
Как сова, живет в руинах, в сумрачной степи глухой!

Что тебе от этих пышных цветников, садов, дворцов?
Плоть твоя — чертог прекрасный, панорама — разум твой.

Спишь ты сладко. Над тобою днем и ночью небосвод
Колыбельным пеньем веет, а не громом, не грозой.

Если жизнь провезть ты хочешь, как осел, в еде и сне,
Ты душой увязнешь в муках, как в грязи осел зимой.

Чтоб с лицом, покрытым прахом, не предстать пред судией,
Чистою водою знанья лик души своей омой!

Баня, мускус и бальзамы старости не победят:
Старые стирать одежды и уютжить — труд пустой.

Ведь они не обновятся... наставления прими,
Хоть совет полезный горек, как целительный настой.

Сохрани же от Худжата хорасанского навек
Слово доброго совета, слово мудрости живой!

* * *

В тени чинары тыква подросла,
Плетей раскинула на воле без числа,

Чинару оплела и через двадцать дней
Сама, представь себе, возвысилась над ней.

«Который день тебе? И старше кто из нас?» —
Стал овощ дерево испытывать тотчас.

Чинара скромно молвила в ответ:

«Мне — двести... но не дней, а лет!»

Смех тыкву разобрал: «Хоть мне двадцатый день,

Я — выше!.. А тебе расти, как видно, лень?..»

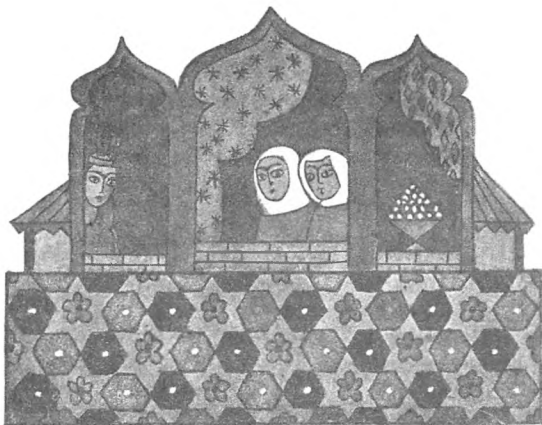
«О тыква! — дерево ответило, — с тобой

Сегодня рано мне тягаться, но постой,

Вот ветер осени нагонит холода, —

Кто низок, кто высок — узнаем мы тогда!»

ОМАР ХАЙЯМ

РУБАИ

* * *

Я раскаянья полон на старости лет.
Нет прощенья мне, оправдания нет.
Я, безумец, не слушался божьих велений —
Делал все, чтобы только нарушить запрет!

* * *

Друг, не тревожься, удел свой вверяя судьбе,
И не горюй о потерях в напрасной борьбе,
Ибо, когда разорвется каба твоей жизни, —
Что не сбылось, что сбылось — безразлично тебе.

* * *

К черту пост и молитву, мечеть и муллу!
Воздадим полной чашей аллаху хвалу!
Наша плоть в бесконечных своих превращениях
То в кувшин превращается, то в пиалу.

* * *

Прощалась капля с морем — вся в слезах!
Смеялось вольно море — всё в лучах!
«Взлетай на небо, упадай на землю —
Конец один: опять — в моих волнах».

* * *

Раскаянья обеты забыли мы теперь
И наглухо закрыли для доброй славы дверь.
Мы вне себя; за это ты нас не осуждай:
Вином любви мы пьяны, не лоз вином, поверь!

* * *

Ты, который ушел и пришел со согбенным хребтом,
Ты, чье имя забыто в мятущемся море людском,
Стал ослом, твои ногти срослись, превратились в копыта,
Борода твоя выросла сзади и стала хвостом.

* * *

Милосердия, сердце мое, не ищи,
Правды в мире, где ценят вранье, — не ищи.
Нет еще в этом мире от скорби лекарства.
Примиришь — и лекарств от нее не ищи.

* * *

Если в лучах ты надежды — сердце ищи себе, сердце,
Если ты в обществе друга — сердцем гляди в его сердце.
Храм и бесчисленность храмов меньше, чем малое сердце
Брось же свою ты Каабу, сердцем ищи себе сердце.

* * *

Рыба утку спросила: «Вернется ль вода,
Что вчера утекла? Если — да, то — когда?»
Утка ей отвечала: «Когда нас поджарят —
Разрешит все вопросы сковорода!»

* * *

Пусть сердце мир себе державой требует
И вечной жизни с вечной славой требует.
А смерть наводит лук — и от него
Всей жизни жертвою кровавой требуют.

* * *

Когда тело мое на кладбище снесут —
Ваши слезы и речи меня не спасут.
Подождите, пока я не сделаюсь глиной,
А потом из меня изготовьте сосуд.

* * *

Пока медресе и мечети во прах не падут,
Дела мудрецов-каландаров на лад не пойдут.
Покамест неверием вера, а верой неверье не станут, —
Поверь мне, — средь божьих рабов мусульман не найдут.

* * *

В Книге Судеб ни слова нельзя изменить.
Тех, кто вечно страдает, нельзя извинить.
Можешь пить свою желчь до скончания жизни:
Жизнь нельзя сократить и нельзя удлинить.

* * *

Деяньями этого мира разум мой сокрушен,
Мой плащ на груди разодран, ручьями слез орошен.
Фиал головы поникшей познания вином не наполнить, —
Нельзя ведь сосуд наполнить, когда опрокинут он.

* * *

Пока твой не смешали с гончарной глиной прах,
Пока другим не служишь ты кружкой на пирах,
Пей сам, скорее, чаще! Про ад и рай забудь...
Нет времени нам думать о всяких пустяках.

* * *

Пусть буду я сто лет гореть в огне,
Не страшен ад, приснившийся во сне;
Мне страшен хор невежд неблагородных, —
Беседа с ними хуже смерти мне.

* * *

В этом году в рамазане цвет распустился в садах,
И тяжелее оковы у разума на ногах.
Если бы люди решили, что наступил шаввал,
Если б запировали, — дай, всемогущий аллах!

* * *

Всё пройдет — и надежды зерно не взойдет,
Все, что ты накопил, ни за грош пропадет.
Если ты не поделишься вовремя с другом —
Всё твое достоянье врагу отойдет.

* * *

Жизнь мгновенная, ветром гонима, прошла,
Мимо, мимо, как облако дыма, прошла.
Пусть я горя хлебнул, не хлебнув наслажденья, —
Жалко жизни, которая мимо прошла.

* * *

Когда под утренней росой дрожит тюльпан
И низко, до земли, фиалка клонит стан,
Любуюсь розой я: как тихо подбирает
Бутон свою полу, дремотой сладкой пьян!

* * *

Моей руке держать кувшин вина — отрада;
Священных свитков ей касаться и не надо:
Я от вина промок, — не мне, ханжа сухой,
Не мне, а вот тебе опасно пламя ада.

* * *

Старость — дерево, корень которого сгнил.
Возраст алые щеки мои посинил.
Крыша, дверь и четыре стены моей жизни
Обветшали и рухнуть грозят со стропил.

* * *

Я страдать обречен до конца своих дней,
Ты же день ото дня веселишься сильней.
Берегись! На судьбу полагаться не вздумай:
Много хитрых уловок в запасе у ней.

* * *

Цветочек вывел ли из почвы рок хоть раз,
Чтоб не сломить его, не растоптать тотчас?
Когда бы облака, как влагу, прах копили —
Из них бы милых кровь без устали лилась.

* * *

Вино запрещено, но есть четыре «но»:
Смотря кто, с кем, когда и в меру ль пьет вино.
При соблюдении сих четырех условий
Всем здравомыслящим вино разрешено.

* * *

Зложелатель никогда цели не достигнет.
Сделай зло — и зло в ответ злобного постигнет.
Я хочу тебе добра — ты мне зла желаешь,
Злись, почтенный, — но меня злоба не настигнет.

* * *

Слышал я, что в раю, мол, сады и луга,
Реки меда, кисельные, мол, берега.
Дай мне чашу вина! Не люблю обещаний.
Мне наличность презренная дорога.

* * *

Прошу могилу мне с землей сровнять, да буду
Смиренья образцом всему честному люду;
Затем, смесив мой прах с пурпуровым вином,
Покрышку вылепить к кабацкому сосуду.

* * *

О жестокое небо, безжалостный бог!
Ты еще никогда никому не помог.
Если видишь, что сердце обуглено горем, —
Ты немедля еще добавляешь ожог.

* * *

До щек ее добраться — нежных роз?
Сначала в сердце тысячи заноз!
Так гребень: в зубья мелкие изрежут,
Чтоб слаще плавал в роскоши волос!

* * *

И я, седобородый, в силок любви попал,
И вот в руке сверкает искрящийся бокал!
Рассудок терпеливый мне сшил халат заслуг,
А рок мой прихотливый все в клочья изорвал.

* * *

Благородство и подлость, отвага и страх —
Все с рожденья заложено в наших телах.
Мы до смерти не станем ни лучше, ни хуже —
Мы такие, какими нас создал аллах!

* * *

Росток мой — от воды небытия,
От пламени скорбей — душа моя.
Как ветер, я кружу, ищу по свету —
Где прах, в который превратился я?

* * *

Никто из тех, кто гонит из фиников вино,
И тех, кто ночь проводит в молитве, все равно
Не знают твердой почвы; все тонут, как в волнах...
Не спит один, а в мире все в сон погружено.

* * *

Часть людей обольщается жизнью земной,
Часть — в мечтах обращается к жизни иной.
Смерть — стена. И при жизни никто не узнает
Высшей истины, скрытой за этой стеной.

* * *

В день, когда оседлали небес скакуна,
Когда дали созвездиям их имена,
Когда все наши судьбы вписали в скрижали, —
Мы покорными стали. Не наша вина.

* * *

Великие, что знания стяг взметнули,
Светилами поэзии сверкнули,
И те из тьмы не вырвались ночной —
Нам сказку рассказали и уснули.

* * *

Тот, кто с юности верует в собственный ум,
Стал в погоне за истиной сух и угрюм.
Притязающий с детства на знание жизни,
Виноградом не став, превратился в изюм.

* * *

Будешь в обществе гордых ученых ослов,
Постарайся ослом притвориться без слов,
Ибо каждого, кто не осел, эти дурни
Обвиняют немедля в подрыве основ.

* * *

Я презираю лживых, лицемерных
Молитвенников сих, ослов примерных.
Они же, под завесой благочестья,
Торгуют верой хуже всех неверных.

* * *

У занимающих посты больших господ
Нет в жизни радостей от множества забот,
А вот подите же: они полны презренья
Ко всем, чьи души червь стяжанья не грызет.

* * *

Не избежать конца пути земного,
Вели же принести вина хмельного!
Глупец, ведь ты не золото, тебя,
Раз закопав, не откопают снова.

* * *

Я знаю этот вид напыщенных ослов:
Пусты, как барабан, а сколько громких слов!
Они — рабы имен. Составь себе лишь имя,
И ползать пред тобой любой из них готов.

* * *

Тот, кто следует разуму, — доит быка.
Умник будет в убытке наверняка!
В наше время доходней валять дурака,
Ибо разум сегодня в цене чеснока.

* * *

Лицемеры, что жизнью кичатся святой,
Грань кладут между телом и вечной душой.
Полный кубок вина я поставлю на темя,
Если даже мне темя разрежут пилой.

* * *

Не осталось мужей, коих мог уважать,
Лишь вино продолжает меня убаживать.
Не отдергивай руку от ручки кувшинной,
Если в старости некому руку пожать.

* * *

Все цветы для тебя в этом мире цветут,
Но не верь ничему — все обманчиво тут.
Поколения смертных придут — и уйдут.
Рви цветы — и тебя в свое время сорвут.

* * *

Даже гений — творенья венец и краса —
Путь земной совершает за четверть часа.
Но в кармане земли и в подоле у неба
Живы люди — покуда стоят небеса!

* * *

Пусть будет, пьяницы, кабак наполнен вами,
Плащи ханжей святых пускай охватит пламя,
Клочки почтенных ряс из шерсти голубой
Пускай волочатся под пьяными ногами!

* * *

Мы с тобою — добыча, а мир — западня.
Вечный ловчий нас травит, к могиле гоня.
Сам во всем виноват, что случается в мире,
А в грехах обвиняет тебя и меня.

* * *

Не таи в своем сердце обид и скорбей,
Ради звонкой монеты поклонов не бей.
Если друга ты вовремя не накормишь —
Все сожрет без остатка наследник-злодей.

* * *

Скоро праздник великий, аллаху хвала!
Скоро все это стадо пропьяется дотла:
Воздержанья узду и намордник намаза
Светлый праздник господень снимает с осла!

* * *

Отрекись от поста и пещер в этом мире земном.
Пусть я волосом бел, буду вечно дружить я с вином.
В чаше жизни моей семь десятков исполнилось весен,
Если мне не теперь пировать, то когда же потом?

* * *

Сокровенною тайной с тобой поделюсь.
В двух словах изолью свою нежность и грусть.
Я во прахе с любовью к тебе растворюсь,
Из земли я с любовью к тебе поднимусь.

* * *

Скакуна твоего, небом избранным шах,
Подковал золотыми гвоздями аллах,
Путь-дорогу серебряным выстелил снегом,
Чтоб копыта его не ступали во прах.

* * *

Так как собственной смерти отсрочить нельзя,
Так как свыше указана смертным стезя,
Так как вечные вещи не слепишь из воска —
То и плакать об этом не стоит, друзья!

* * *

Тот гончар, что слепил чаши наших голов,
Превзошел в своем деле любых мастеров.
Над столом бытия опрокинул он чашу
И страстями наполнил ее до краев.

* * *

Не холоден, не жарок день чудесный.
Цветы лугов обрызгал дождь небесный.
И соловей поет — мы будем пить! —
Склоняясь к розе, смуглой и прелестной.

* * *

Строителя увидел я, что возводил жилье,
Ногами глину он топтал и унижал ее.
А глина молвила ему: «Полегче! Близок час —
Получит столько же пинков и естество твое!»

* * *

Жизнь — то шербет на льду, а то — отстой вина,
Плоть брэнная в парчу, в тряпье ль облачена —
Все это мудрецу, поверьте, безразлично,
Но горько сознавать, что жизнь обречена.

* * *

Кто в чаше Жизни капелькой блеснет —
Ты или я? Блеснет и пропадет...
А виночерпий Жизни — миллионы
Лучистых брызг и пролил, и прольет...

* * *

Египет, Рим, Китай держи ты под пятой,
Владыкой мира будь — удел конечный твой
Ничем от моего не будет отличаться:
Три локтя савана и пять земли сырой.

* * *

Веселись! Невеселые сходят с ума.
Светит вечными звездами вечная тьма.
Как привыкнуть к тому, что из мыслящей плоти
Кирпичи изготовят и сложат дома?

* * *

Мы уйдем без следа — ни имен, ни примет.
Этот мир простоит еще тысячи лет.
Нас и раньше тут не было — после не будет.
Ни ущерба, ни пользы от этого нет.

* * *

Кого из нас не ждет последний Страшный суд,
Где мудрый приговор над ним произнесут?
Предстанем же в тот день, сверкая белизною:
Ведь будет осужден весь темноликий люд.

* * *

«А вот, — вставляет кто-то, — говорят,
Что будет смотр: и кто испорчен — в ад
Швырнут и — вдребезги! Не верю! Сплетни!
Наш Добрый Друг устроит все на лад...»

* * *

Не молящимся грешником надобно быть —
 Веселящимся грешником надобно быть.
 Так как жизнь драгоценная кончится скоро —
 Шутником и насмешником надобно быть.

* * *

В этом мире глупцов, подлецов, торгашей
 Уши, мудрый, заткни, рот надежно зашей,
 Веки плотно зажмурь — хоть немного подумай
 О сохранности глаз, языка и ушей!

* * *

От излишеств моих — разве Ты обнищал?
 Что за прибыль Тебе, если я отощал?
 Я смиренно прошу, чтобы Ты, милосердный,
 Нас пореже карал и почаще прощал!

* * *

Приход мой небу славы не доставил,
 И мой уход величья не прибавил.
 Мне так и не дано постичь, зачем
 Я в мир пришел, зачем его оставил.

* * *

Я на чужбине сердцем изнываю,
Бреду без цели, горестно зываю.
Мне счастья жизнь не принесла, прошла...
И где достигнет смерть меня — не знаю.

* * *

Не одерживал смертный над небом побед.
Всех подряд пожирает земля-людоед.
Ты пока еще цел? И бахвалишься этим?
Погоди: попадешь муравьям на обед!

* * *

Счастлив тот, кто в шелку и парче не блистал,
Книгу славы мирской никогда не листал.
Кто, как птица Симург, отрешился от мира,
Но совою, подобно Хайяму, не стал.

* * *

Твой разум дел мирских не повернет,
Жизнь по твоим желаньям не пойдет,
Дашь иль не дашь вина — ты помни, кравчий,
Что все пройдет, все в бездне пропадет.

* * *

Книга жизни моей перелистана — жалы
От весны, от веселья осталась печаль.
Юность-птица: не помню, когда прилетела
И когда унеслась, легкокрылая, вдаль.

* * *

В молитве и посте я, мнилось мне, нашел
Путь к избавлению от всех грехов и зол;
Но как-то невзначай забыл про омовенья,
Глоток вина хлебнул — и прахом пост пошел.

* * *

Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Смерть терзает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справиться: как там дела?

* * *

Цветам и запахам владеть тобой доколе?
Доколь добру и злу твой ум терзать до боли?
Ты хоть Земземом будь, хоть юности ключом —
В прах должен ты уйти, покорен общей доле.

* * *

Пришел я в этот мир по принуждению,
Встречал недоуменьем каждый день я,
А ныне изгнан, так и не поняв
Исчезновенья смысл и цель рожденья.

* * *

Я смерть готов без страха повстречать,
Не лучше ль будет там, чем здесь, — как знать?
Жизнь мне на срок дана. Верну охотно,
Когда пора наступит возвращать.

* * *

Разум к счастью стремится, все время твердит:
«Дорожи каждым мигом, пока не убит!
Ибо ты — не трава и когда тебя скосят —
То земля тебя заново не возродит».

* * *

Я над книгою жизни упрямо гадал,
Вдруг с сердечною болью мудрец мне сказал:
«Нет прекрасней блаженства — забыться в объятьях
Луноликой красы, чьи уста словно лал».

* * *

Моя будь воля — не родился б я,
Не умер бы, поверь, будь власть моя.
Родиться, натерпеться мук, исчезнуть...
Не лучше ли покой небытия!

* * *

Если бы я властелином судьбы своей стал —
Я бы всю ее заново перелистал
И, безжалостно вычеркнув скорбные строки,
Головою от радости небо достал!

* * *

О мой шах, без певцов, и пиров, и без чаши вина
Для меня нетерпима цветущая, в розах, весна.
Лучше рая, бессмертья, и гурий, и влаги Кавсара
Сад, и чаша вина, и красавицы песнь, и струна.

* * *

Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда.
Быть сановным и важным — не стоит труда.
Не нужны всемогущему господу богу
Ни усы твои, друг, ни моя борода!

* * *

О, если б, захватив с собой стихов диван,
Да в кувшине вина и сунув хлеб в карман,
Мне провести с тобой денек среди развалин —
Мне позавидовать бы мог любой султан.

* * *

Знаю, сущность твоя недоступна уму,
Мои бунт иль покорность тебе ни к чему,
Я, погрязший в грехах, жив одною надеждой:
Милосердный, простишь ты рабу своему.

* * *

Попрекают Хайяма числом кутежей
И в пример ему ставят непьющих мужей.
Были б столь же заметны другие пороки —
Кто бы выглядел трезвым из этих ханжей!

* * *

«Как там — в мире ином?» — я спросил старика,
Утешаясь вином в уголке погребка.
«Пей! — ответил. — Дорога туда далека.
Из ушедших никто не вернулся пока».

* * *

Мир — мгновенье, и я в нем — мгновенье одно.
Сколько вздохов мне сделать за миг суждено?
Будь же весел, живой! Это брренное зданье
Никому во владенье навек не дано.

* * *

Сбрось обузу корысти, тщеславия гнет,
Злом опутанный, вырвись из этих тенет,
Пей вино и расчесывай локоны милой:
День пройдет незаметно — и жизнь промелькнет.

* * *

Знайся только с достойными дружбы людьми,
С подлецами не знайся, себя не срами.
Если подлый лекарство нальет тебе — вылей!
Если мудрый подаст тебе яду — прими!

* * *

Закон незыблемый внушен сердцам людей,
Но сказано: «Ему покорствовать не смей!»
Увы! Что делать мне с приказом и запретом:
«Ты чашу наклони, но капли не пролей!»

* * *

Мы только куклы, вертит нами рок, —
Не сомневайся в правде этих строк.
Нам даст покувыркаться и запрячет
В ларец небытия, лишь выйдет срок.

* * *

Спросил у чаши я, прильнув устами к ней:
«Куда ведет меня череда ночей и дней?»
Не отрывая уст, ответила мне чаша:
«Ах, больше в этот мир ты не вернешься. Пей!»

* * *

Не лучше ли за кубком тебе всю мысль отдать,
Чем тупо пред михрабом поклоны отбивать?
О первый и последний, о сущность всех существ!
Дай мне блаженство, муки, что сам захочешь дать.

* * *

Если истину сердцу постичь не дано,
Для чего же напрасно страдает оно?
Примиришь и покорствуешь бесстрастному року,
Ибо то, что предписано, — сбыться должно!

* * *

Жизнь твою режут острой косою ночи и дни.
Но не владычат пусть над тобой ночи и дни!
С полною чашей радуйся, пой — ночи и дни.
Смертен ты. Вечной идут чередой ночи и дни.

* * *

Ранним утром, о нежная, чарку налей,
Чанг настрой и на чанге играй веселей.
Ибо в прах превратило и Джама и Кея
Это вечное круговращение дней.

* * *

Я вчера наблюдал, как вращается круг,
Как спокойно, не помня чинов и заслуг,
Лепит чашу гончар из голов и из рук,
Из великих царей и последних пьянчуг.

* * *

Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай!
Ну, а кто не грешил — разве жил? Отвечай!
Чем ты лучше меня, если мне в наказание
Ты ответное зло совершил? Отвечай!

* * *

Небо! Что сделал я? Что ты терзаешь меня?
Ты бегодне целый день подвергаешь меня.
Город заставишь обегать за черствый кусок,
Грязью за чашку воды обливаешь меня.

* * *

Лунным светом у ночи разорван подол...
Ставь кувшин поскорей, виночерпий, на стол!
Когда мы удалимся из дольного мира,
Так же будет луна озарять этот дол.

* * *

Дух мой чистый, ты гость в моем теле земном!
Я с утра подкреплю тебя чистым вином,
Чтобы ты не томился в обители праха,
До того как проститься со мной перед сном.

* * *

Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!
Нет из мрака возврата, о сердце мое!
И не надо надеяться, о мое сердце!
И бояться не надо, о сердце мое!

* * *

Как полон я любви, как чуден милой лик,
Как много я б сказал и как мой нем язык!
Не странно ль, господи? От жажды изнываю,
А тут же предо мной течет живой родник.

* * *

С той, чей стан — кипарис, а уста — словно лал,
В сад любви удались и наполни бокал,
Пока рок неминуемый, волк ненасытный,
Эту плоть, как рубашку, с тебя не сорвал!

* * *

Вхожу в мечеть смиренно, с поникшей головой,
Как будто для молитвы... но замысел иной:
Здесь коврик незаметно стащил я в прошлый раз;
А он уж поистерся, хочу стянуть другой.

* * *

Тревога вечная мне не дает вздохнуть,
От стонов горестных моя устала грудь.
Зачем пришел я в мир, раз — без меня ль, со мной ли —
Все так же он вершит свой непонятный путь?

* * *

Из всего, что аллах мне для выбора дал,
Я избрал черствый хлеб и убогий подвал,
Для спасенья души голодал и страдал, —
Ставши нищим, богаче богатого стал.

* * *

Смеялась роза: «Милый ветерок,
Сорвал мой шелк, раскрыл мой кошелек
И всю казну тычинок золотую —
Смотрите — щедро кинул на песок».

* * *

Джамшида чашу я искал, не зная сна,
Когда же мной земля была обойдена,
От мужа мудрого узнал я, что напрасно
Так далеко ходил — в моей душе она.

* * *

Убывает гордыня в сердцах от вина,
Сущность мира становится ясно видна.
Выпив чарку, смирился бы сам сатана,
До земли поклонился б Адаму спьяна!

* * *

Тот усердствует слишком, кричит: «Это — я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это — я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки —
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это — я!»

^ * * *

Гляжу на землю я и сном объятых вижу;
Взираю в глубь земли — землю взятых вижу;
В твою, небытие, пустыню взор вперив —
Тех, кто ушли уже, и незачатых вижу.

* * *

Смерть я видел, и жизнь для меня — не секрет,
Снизу доверху я изучил этот свет.
Вот вершина моих наблюдений: на свете
Ничего, опьянению равного, нет!

* * *

Смертный, думать не надо о завтрашнем дне,
Станем думать о счастье, о светлом вине.
Мне раскаянье бог никогда не дарует,
Ну а если дарует — зачем оно мне?

* * *

В дни цветения роз свою волю с цепей я спущу,
И нарушу святой шариат, и святош возмущу.
В сонме юных красавиц весны зеленеющий луг
Я в тюльпановый ярко-багряный цветник превращу.

* * *

Раб страстей, я в унынье глубоком — увы!
Жизнь прожив, сожалею о многом — увы!
Даже если простит меня бог милосердный,
Стыдно будет стоять перед богом — увы!

* * *

Ты, боже, глину мял, — что делать мне?
Ты ткань мою соткал, — что делать мне?
Все, что свершаю — доброе и злое, —
Ты сам предначертал, — что делать мне?

* * *

Увы, глоток воды хлебнуть не можешь ты,
Чтоб не прибавил рок и хмеля маеты;
Не можешь посолить ломоть ржаного хлеба,
Чтоб не задели ран соленые персты.

* * *

Когда б я отравил весь мир своею скверной, —
Надеюсь, ты б меня простил, о милосердный!
Но ты ведь обещал в нужде мне руку дать:
Не жди, чтоб сделалась нужда моя безмерной.

* * *

Считают, будто я неверный — верно,
Развратник, ринд и полон скверны — верно.
У каждого суждение свое,
А я такой, как есть. Что верно — верно!

* * *

Назовут меня пьяным — воистину так!
Нечестивцем, смутьяном — воистину так!
Я есмь я. И болтайте себе что хотите:
Я останусь Хайямом. Воистину так!

* * *

Как долго пленными нам быть в тюрьме мирской?
Кто сотни лет иль день велит нам жить — с тоской?
Так лей вино в бокал, покуда сам не стал ты
Посудой глиняной в гончарной мастерской.

* * *

Над краем чаши мы намазы совершаем;
Вином пурпуровым свой дух мы возвышаем;
Часы, что без толку в мечетях провели,
Отныне в кабаке наверстывать решаем.

* * *

Когда-то просвещал нас синклит седых бород,
Когда-то восхищал нас и нашей мысли плод...
А что в конце осталось? Последний вывод вот:
Сюда прилив примчал нас, отсюда вихрь несет.

* * *

Безгрешными приходим — и грешим,
Веселыми приходим — и скорбим.
Сжигаем сердце горькими слезами
И сходим в прах, развеяв жизнь как дым.

* * *

Мы источник веселья — и скорби рудник,
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, — многолик.
Он ничтожен — и он же безмерно велик!

* * *

Сердце, воспряны! Мы по струнам рукой проведем,
Доброе имя уроним с утра за вином.
Коврик молитвенный в доме питейном заложим,
Склянку позора и чести, смеясь, разобьем.

* * *

В мире временном, сущность которого — тлен,
Не сдавайся вещам несущественным в плен.
Сущим в мире считай только дух вездесущий,
Чуждый всяких вещественных перемен.

* * *

Этот мир — эти горы, долины, моря —
Как волшебный фонарь. Словно лампа — заря.
Жизнь твоя — на стекле нанесенный рисунок,
Неподвижно застывший внутри фонаря.

* * *

Чтоб счастье испытать, вида себе налей,
День нынешний презри, о прошлых не жалей,
И цепи разума хотя б на миг единый,
Тюремщик временный, сними с души своей.

* * *

Ты, муфтий, нас беспутнее подчас,
 Мы во хмелю тебя трезвей в сто раз.
 Пьешь кровь людскую, кровь лозы мы тянем, —
 По чести: кровожадней кто из нас?

* * *

Твои дары, о жизнь, — унынье и туга;
 Хмельная чаша лишь одна нам дорога,
 Вино ведь — мира кровь, а мир — наш кровопийца,
 Так как же нам не пить кровь кровного врага?

* * *

Бросать не стоит в будущее взгляд,
 Мгновенью счастья будь сегодня рад.
 Ведь завтра, друг, и мы сочтемся смертью
 С ушедшими семь тысяч лет назад.

* * *

Мы чалму из тончайшего льна продадим
 И корону султана спьяна продадим.
 Принадлежность святош, драгоценные четки,
 Не торгуясь, за чашу вина продадим.

* * *

Не прав, кто думает, что бог неумолим, —
Нет, к нам он милосерд, хотя мы и грешим.
Ты в кабаке умри сегодня от горячки —
Сей грех он через год простит костям твоим.

* * *

Мы попали в сей мир, как в силочек — воробей.
Мы полны беспокойства, надежд и скорбей.
В эту круглую клетку, где нету дверей,
Мы попали с тобой не по воле своей.

* * *

Держит чашу рука, а другая — Коран:
То молюсь до упаду, то до смерти пьян.
Как лишь терпит нас мраморный свод бирюзовый —
Не кафиры совсем, не совсем мусульман.

* * *

Дураки мудрецом почитают меня,
Видит бог: я не тот, кем считают меня.
О себе и о мире я знаю не больше
Тех глупцов, что усердно читают меня.

* * *

Лучше пить и веселых красавиц ласкать,
Чем в постах и молитвах спасенья искать.
Если место в аду для влюбленных и пьяниц,
То кого же прикажете в рай допускать?

* * *

Если хочешь покоиться в неге блаженной
И у ног своих мир этот видеть надменный,
Перейди в мою веру, учись у меня:
Пей вино, но не пей эту горечь вселенной!

* * *

Ухожу, ибо в этой обители бед
Ничего постоянного, прочного нет.
Пусть смеется лишь тот уходящему вслед,
Кто прожить собирается тысячу лет.

* * *

Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сладостями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.

* * *

Страстью раненный, слезы без устали лью,
Исцелить мое бедное сердце молю,
Ибо вместо напитка любовного небо
Кровью сердца наполнило чашу мою.

* * *

Нет мне единомышленника в споре,
Мой вздох — один мой собеседник в горе.
Я плачу молча. Что ж, иль покорюсь,
Иль уплыву и скроюсь в этом море.

* * *

Небо! Вечно в сражении ты и в борьбе со мной,
Для других ты бальзам, для меня же недуг ты злой.
Долгий прожил я век, примириться хотел с тобою,
Все напрасно! Опять на меня ты идешь войной!

* * *

Из верчения гончарного круга времен
Смысл извлек только тот, кто учен и умен,
Или пьяный, привычный к вращению мира,
Ничего ровным счетом не мыслящий в нем!

* * *

Если б мне всемогущество было дано —
Я бы небо такое низвергнул давно
И воздвиг бы другое, разумное небо,
Чтобы только достойных любило оно!

* * *

Эта жизнь — солончак. Вкус у жизни такой,
Что сердца наполняются смертной тоской.
Счастлив тот, кто ее поскорее покинет.
Кто совсем не родится — познает покой.

* * *

Для того, кто за внешностью видит нутро,
Зло с добром — словно золото и серебро.
Ибо то и другое — дается на время,
Ибо кончатся скоро и зло, и добро.

* * *

Коль день прошел, о нем не вспомяни,
Пред днем грядущим в страхе не стони.
О прошлом и грядущем не печалься,
На миг один в блаженстве утони!

* * *

Мы ненадолго в этот мир пришли
И слезы, скорбь и горе обрели.
Мы наших бед узла не разрешили,
Ушли — и горечь в душах унесли.

* * *

Меня, когда умру, вы соком лоз омойте
И над могилою хвалу вину пропойте.
Где в Судный день мой прах искать, я вам скажу:
Сады, вокруг кабаков цветущие, разройте.

* * *

Я небосводом брошен на чужбину;
Что дал сперва, он отнял половину.
И я из края в край на склоне лет
Влачу, как цепи, горькую судьбину.

* * *

Благоговейно чтят везде стихи Корана.
Но как читают их? Не часто и не рьяно.
Тебя ж, сверкающий вдоль края кубка стих,
Читают вечером, и днем, и утром рано.

* * *

Покамест ты жив — не обижай никого.
Пламенем гнева не обжигай никого.
Если ты хочешь вкусить покоя и мира,
Вечно страдай, но не угнетай никого.

* * *

Под этим небом жизнь — терзаний череда,
А сжалится ль оно над нами? Никогда!
О нерожденные! Когда б о наших муках
Вам довелось узнать, не шли бы вы сюда.

* * *

Двери в этой обители: выход и вход,
Что нас ждет, кроме гибели, страха, невзгод?
Счастье? Счастлив живущий хотя бы мгновенье.
Кто совсем не родился — счастливее тот.

* * *

Круг небес, неизменный во все времена,
Опрокинут над нами, как чаша вина.
Эта чаша, которая ходит по кругу,
Не стони — и тебя не минует она.

* * *

Принеси заключенный в кувшине рубин —
Он один мой советчик и друг до седин.
Не сиди, размышляя о бренности жизни, —
Принеси мне наполненный жизнью кувшин!

* * *

Всём сердечным движениям волю давай,
Сад желаний возделывать не уставай,
Звездной ночью блаженствуй на шелковой травке:
На закате — ложись, на рассвете — вставай.

* * *

Приемли, что дает круговорот времен,
И с полной чашею, как шах, садись на трон,
Бунт и покорность — прах перед лицом аллаха, —
Испей же свой фиал, что миром поднесен!

* * *

Руины прошлого размыл разлив. И краше —
С краями полная — блистает жизни чаша.
Не будь беспечным, друг. Судьба, как тать в ночи,
Придет и унесет пожитки жизни нашей.

* * *

Жильцы могил гниют дни, месяцы, года,
Немало их частиц исчезло без следа.
Какой же хмель свалил их с ног и не дает им
Прийти в сознание до Страшного суда?

* * *

Хоть сотню проживи, хоть десять сотен лет,
Придется все-таки покинуть этот свет.
Будь падишахом ты иль нищим на базаре —
Цена тебе одна: для смерти санов нет.

* * *

Слышал я: под ударами гончара
Глина тайны свои выдавать начала.
«Не топчи меня! — глина ему говорила. —
Я сама человеком была лишь вчера».

* * *

Так как вечных законов твой ум не постиг —
Волноваться смешно из-за мелких интриг.
Так как бог в небесах неизменно велик —
Будь спокоен и весел, цени этот миг.

* * *

Не ставь ты дураку хмельного угощенья,
Чтоб оградить себя от чувства отвращенья:
Напившись, криками он спать тебе не даст,
А утром надоест, прося за то прощенья.

* * *

Защитник подлых — подлый небосвод
Давно стезей неправедной идет.
Кто благороден — подл пред ним сегодня,
Кто подл — сегодня благороден тот.

* * *

Круг небес ослепляет нас блеском своим.
Ни конца ни начала его мы не зрим.
Этот круг недоступен для логики нашей,
Меркой разума нашего не измерим.

* * *

Беспощадна судьба, наши планы круша,
Час настанет — и тело покинет душа.
Не спеши, посиди на траве, под которой
Скоро будешь лежать, никуда не спеша.

* * *

Когда вселенную настигнет день конечный,
И рухнут небеса, и Путь померкнет Млечный, —
Я, за полу схватив создателя, спрошу:
«За что же ты меня убил, владыка вечный?»

* * *

Если небо враждою опять не повеет — не чудо ли?
Не побьет нас камнями, как рассвирепеет, — не чудо ли?
Если кадий, достоинство, честь на вино променяв,
Банг у нас в медресе не посетит — не чудо ли?

* * *

Виночерпий! Расплавленный лал принеси.
Лунолика! В кубок уста погрузи,
Ибо жаркие губы любимой и кубок
С этой огненной влагою — в кровной связи.

* * *

С тех пор как отличать я руки стал от ног,
Ты руки мне связал, безмерно подлый рок,
Но взыщешь и за дни, когда мне не сверкали
Ни взор красавицы, ни пьяных гроздий сок.

* * *

Тот, кто милых красавиц с улыбкой сдружил,
Кто в скорбящее сердце страданье вложил,
Если счастье не дал нам — не ропщем, не плачем,
Ибо многих он даже надежды лишил.

* * *

И пылинка — живую частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была,
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!

* * *

Чья плоть, скажи, кувшин, тобою стала?
Певца влюбленного, как я, бывало?
А глиняная ручка, знать, была
Рукой, что шею милой обвивала?

* * *

Как много было зорь и сумерек до нас!
Недаром небесам кружиться дан приказ.
Будь осторожнее, ступню на землю ставя:
Повсюду чей-нибудь прекрасный тлеет глаз.

* * *

Где сонмы пировавших здесь до нас?
Где розы алых уст, нарциссы глаз?
Спешу, покамест плоть не стала прахом,
Как прах твой плотью раньше был сто раз.

* * *

Все, что будет: и зло, и добро — пополам
Предписал нам заранее вечный калам.
Каждый шаг предначертан в небесных скрижалях,
Нету смысла страдать и печалиться нам.

* * *

О кравчий! Цветы, что в долинах пестрели,
От знойных лучей за неделю сгорели.
Пить будем, тюльпаны весенние рвать,
Пока не осыпались и не истлели.

* * *

Ты к людям милосерд? Да нет же, не похоже!
Изгнал ты грешника из рая отчего же?
Заслуга велика ль — послушного простить?
Прости ослушника, о милосердный боже!

* * *

Миром правят насилие, злоба и месть.
Что еще на земле достоверного есть?
Где счастливые люди в озлобленном мире?
Если есть — их по пальцам легко перечесть.

* * *

Сей караван-сарай, где то и дело день
Спешит, как гостя гость, сменить ночную тень, —
Развалины хором, где шли пиры Джамшидов,
Гробница, что дает Бахрамам спящим тень.

* * *

О сердце, твой удел — вовек, не зная сна,
Из чаши скорби пить, испить ее до дна.
Зачем, душа, в моем ты поселилась теле,
Раз из него уйти ты все равно должна?

* * *

Жизнь моя — не запойное чтение книг.
Я с хвалебной молитвою к чарке приник.
Если трезвый рассудок — твой строгий учитель,
Ты рассудка не слушай: он — мой ученик!

* * *

Пей вино, ибо радость телесная — в нем.
Слушай чанг, ибо сладость небесная — в нем.
Променяй свою вечную скорбь на веселье,
Ибо цель, никому не известная, — в нем.

* * *

Хоть мудрец — не скупец и не копит добра,
Плохо в мире и мудрому без серебра.
Под забором фиалка от нищентва никнет,
А богатая роза красна и щедра!

* * *

Мне заповедь — любовь, а не Коран, о нет!
Я — скромный муравей, не Сулейман, о нет!
Найдете у меня лишь бледные ланиты
И рубище — не шелк и не сафьян, о нет!

* * *

От безбожья до бога — мгновенье одно.
От нуля до итога — мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь — ни мало ни много — мгновенье одно!

* * *

Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы:
Твой шатер подпирают гнилые столбы.
Если плотью душа, как палаткой, укрыта —
Берегись, ибо колья палатки слабы!

* * *

О невежды! Наш облик телесный — ничто,
Да и весь этот мир поднебесный — ничто.
Веселитесь же, тленные пленники мига,
Ибо миг в этой камере тесной — ничто!

* * *

От стрел, что мечет смерть, нам не найти щита:
И с нищим и с царем она равно крута.
Чтоб с наслажденьем жить, живи для наслажденья,
Все прочее — поверь! — одна лишь суета.

* * *

Ты видел мир, но все, что ты видал, — ничто.
Все то, что говорил ты и слышал, — ничто.
Итог один, весь век ты просидел ли дома
Иль из конца в конец мир исшагал, — ничто.

* * *

Как нежно щеки розы целует ветерок!
Как светел лик подруги, и луг, и ручеек!
Не говори о прошлом: какой теперь в нем прок?
Будь счастлив настоящим. Смотри, какой денек!

* * *

Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе.
Трезвон колоколов — язык смиренья рабий.
И рабства черная печать равно лежит
На четках и кресте, на церкви и михрабе.

* * *

Словно солнце, горит, не сгорая, любовь.
Словно птица небесного рая — любовь.
Но еще не любовь — соловьиные стоны.
Не стонать, от любви умирая, — любовью!

* * *

Чаша вина мне дороже державы Кавуса,
Трона Кубада и славы отважного Туса.
Стоны влюбленных, что слышатся мне на рассвете,
Выше молитв и отшельнического искуса.

* * *

Плачет роза под прессом: «Зачем из меня
Соки жмут перегонщики, масло гоня?»
«Годы горя и слез, — соловей отвечает, —
Вот цена одного безмятежного дня!»

* * *

Не знаю тайны я вращения небосвода,
Лишь за невзгодою меня гнетет невзгода.
Смотрю на жизнь свою и вижу: жизнь — прошла.
Что дальше будет? — Тьма, и нет из тьмы исхода.

* * *

В день завтрашний нельзя сегодня заглянуть,
Одна лишь мысль о нем стесняет мукой грудь.
Кто знает, много ль дней тебе прожить осталось?
Не трать их попусту, благоразумен будь.

* * *

Разум мой не силен и не слишком глубок,
Чтобы замыслов божьих распутать клубок.
Я молюсь и аллаха понять не пытаюсь —
Сущность бога способен постичь только бог.

* * *

Если б мне этой жизни причину постичь —
Я сумел бы и нашу кончину постичь.
То, чего не постиг я, в живых пребывая,
Не надеюсь, когда вас покину, постичь.

* * *

Звездный купол — не кровля покоя сердец,
Не для счастья воздвиг это небо творец.
Смерть в любое мгновение мне угрожает.
В чем же польза творенья? Ответ, наконец?

* * *

Небо — пояс загубленной жизни моей,
Слезы павших — соленые волны морей.
Рай — блаженный покой после страстных усилий,
Адский пламень — лишь отблеск угасших страстей.

* * *

В этом мире не вырастет правды побег.
Справедливость не правила миром вовек.
Не считай, что изменишь течение жизни,
За подрубленный сук не держись, человек!

* * *

Когда плачут весной облака — не грусти.
Прикажи себе чашу вина принести.
Травка эта, которая радует взоры,
Завтра будет из нашего праха расти.

* * *

Снова вешнюю землю омыли дожди,
Снова сердце забилося у мира в груди.
Пей с подругой вино на зеленой лужайке —
Мертвецов, что лежат под землей, разбуди!

* * *

Поменьше в наши дни имей друзей, протак.
Будь на признанья скуп, не слушай льстивых врак.
А погляди с умом — и ты увидишь сразу:
Тот, кому верил ты, он твой предатель, враг!

* * *

Жизнь с крючка сорвалась и бесследно прошла,
Словно пьяная ночь, беспросветно прошла,
Жизнь, мгновенье которой равно мирозданию,
Как меж пальцев песок, незаметно прошла!

* * *

Если низменной похоти станешь рабом —
Будешь в старости пуст, как покинутый дом.
Оглянись на себя и подумай о том,
Кто ты есть, где ты есть и — куда же потом?

* * *

Чтоб угодить судьбе, глушить полезно ропот.
Чтоб людям угодить, полезен льстивый шепот.
Пытался часто я лукавить и хитрить,
Но всякий раз судьба мой посрамляла опыт.

* * *

Некто мудрый внушал задремавшему мне:
«Просыпайся, счастливым не станешь во сне.
Брось ты это занятие, подобное смерти.
После смерти, Хайям, отоспишься вполне!»

* * *

Можно ль первому встречному тайну открыть?
С кем о том, что я знаю, мне здесь говорить?
Я в таком положенье, что суть моей тайны
Перед миром, увы, не могу возгласить.

* * *

Поутру просыпается роза моя,
На ветру распускается роза моя.
О, жестокое небо! Едва распустилась —
Как уже осыпается роза моя.

* * *

Смысла нет перед будущим дверь запирать,
Смысла нет между злом и добром выбирать.
Небо мечет вслепую игральные кости.
Все, что выпало, надо успеть проиграть.

* * *

С вином и розами я шествовал доселе,
Не привели они меня к желанной цели;
Однако в сторону я не сверну: друзей
Бросать на полпути пристойно ль в самом деле?

* * *

Мы бродили всю жизнь по горам и долам,
Путь домой находили с грехом пополам.
Но никто из ушедших отсюда навеки
Не вернулся обратно, не встретился нам.

* * *

Словно ветер в степи, словно в речке вода,
День прошел — и назад не придет никогда.
Будем жить, о подруги мои, настоящим!
Сожалеть о минувшем — не стоит труда.

* * *

Этот свод голубой и таз на нем золотой
Долго будет кружиться еще над земной суетой.
Мы — незваные гости, пришли мы на краткое время,
Вслед кому-то — пришли мы, пред кем-то — уйдем чередой.

* * *

Кто урод, кто красавец — не ведает страсть.
В ад согласен безумец влюбленный попасть.
Безразлично влюбленным, во что одеваться,
Что на землю стелить, что под голову класть.

* * *

В мечетях, в храмах, в капищах богов
Боятся ада, ищут райских снов.
Но тот, кто сведущ в таинствах творенья,
Не сеял в сердце этих сорняков.

* * *

С людьми ты тайной не делись своей,
Ведь ты не знаешь, кто из них подлец.
Как сам ты поступаешь с божьей тварью,
Того же жди себе и от людей.

* * *

Вразуми, всемогущее небо, невежд:
Где уток, где основа всех наших надежд?
Сколько пламенных душ без остатка сгорело!
Где же дым? Где же смысл? Оправдание — где ж?

* * *

Когда твой светлый дух покинет тело,
Иной хозяин в дом твой вступит смело.
Но не узнать ему, что стало с тем,
Что жизнью, страстью, мыслью пламенело.

* * *

Когда последний вздох испустим мы с тобой,
По кирпичу на прах положат, мой и твой.
А сколько кирпичей насушат надмогильных
Из праха нашего уж через год-другой!

* * *

Этой чаше рассудок хвалу воздает,
С ней влюбленный целуется ночь напролет.
А безумный гончар столь изящную чашу
Создает — и об землю без жалости бьет!

* * *

Много сект насчитал я в исламе. Из всех
Я нашел себе секту любовных утех.
Ты — мой бог! Подари же мне радости рая.
Слиться с богом, любовью пылая, — не грех!

* * *

Скорбеть о скорби будущей доколе?
Поверь, не радостна провидцев доля.
Будь радостен, не тесен мир для сердца,
А изменить судьбу — не в нашей воле.

* * *

Не убивай меня, небо, в своем опьяненье!
Видишь величье мое и твое униженье?
Из-за моей нищеты и вседневных скорбей
Проклял я сам этой жизни постыдной томлень!

* * *

Мои заслуги точно все до одной сочти;
Грехов же, ради бога, десятки пропусти:
Их ветреность раздует все адские огни.
Уж лучше, ради праха пророка, все прости.

* * *

Вчера в гончарную зашел я в поздний час,
И до меня горшков беседа донеслась.
«Кто гончары, — вопрос один из них мне задал, —
Кто покупатели, кто продавцы средь нас?»

* * *

Старайся принимать без ропота мученья,
Не жалуйся на боль — вот лучшее леченье.
Чтоб стал ты богачом, за нищенский удел
Благодари светил случайное стеченье.

* * *

Я научу тебя, как всем прийтись по нраву:
Улыбки расточай налево и направо,
Евреев, мусульман и христиан хвали —
И добрую себе приобретешь ты славу.

* * *

Чистый дух, заключенный в нечистый сосуд,
После смерти на небо тебя вознесут!
Там — ты дома, а здесь — ты в неволе у тела,
Ты стыдишься того, что находишься тут.

* * *

Если б небо вершило лишь праведный суд
И земной был закон справедлив, хоть и крут,
Если б там, наверху, справедливость царила,
Благородные разве бы мучились тут?

* * *

Веселись! Ибо нас не спросили вчера,
Эту кашу без нас заварили вчера.
Мы не сами грешили и пили вчера —
Все за нас в небесах предрешили вчера.

* * *

Смертный, если не ведаешь страха — борись.
Если слаб — перед волей аллаха смирись.
Но того, что сосуд сотворенный из праха,
Прахом станет, — оспаривать не берись.

* * *

О чадо четырех стихий, внемли ты вести
Из мира тайного, не знающего лести!
Ты зверь и человек, злой дух и ангел ты:
Все, чем ты кажешься, в тебе таится вместе.

* * *

Мне так небесный свод сказал: «О человек,
Я осужден судьбой на этот страшный бег.
Когда б я властен был над собственным вращеньем,
Его бы я давно остановил навек».

* * *

Чем за общее счастье без толку страдать —
Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
Лучше друга к себе привязать добротой,
Чем от пут человечество освобождать.

* * *

Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало,
Два важных правила запомни для начала:
Ты лучше голодай, чем что попало есть,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало.

* * *

Мгновеньями он виден, чаще скрыт.
За нашей жизнью пристально следит.
Бог нашей драмой коротает вечность!
Сам сочиняет, ставит и глядит!

* * *

Друг, в нищете своей отдай себе отчет!
Ты в мир ни с чем пришел, могила все возьмет.
«Не пью я, ибо смерть близка», — мне говоришь ты;
Но пей ты иль не пей — она в свой час придет.

* * *

Чужой стряпни вдохнуть всемирный чад?!
Класть на прорехи жизни сто заплат?!
Платить улыбки по счетам вселенной?!
— Нет! Я не так усерден и богат!

* * *

Прославься в городе — возбудишь озлобленье.
А домоседом стань — возбудишь подозренье.
Не лучше ли тебе, хотя б ты Хизром был,
Ни с кем не знаться — жить всегда в уединенье?

* * *

Повторенье, подражанье — мира этого дела.
Если бы не повторенье, жизнь бы праздником была, —
Награждались бы старанья, исполнялись бы желанья.
Тень угрозы бесполезной навсегда бы отошла.

* * *

Шейх блудницу стыдил: «Ты, беспутная, пьешь,
Всем желающим тело свое продаешь!»
«Я, — сказала блудница, — и вправду такая,
Тот ли ты, за кого мне себя выдаешь?»

* * *

У мертвых и живых один владыка — ты;
 Кто небо завертел над нами дико? — Ты.
 Я тварь греховная, а ты создатель мира;
 Из нас виновен кто? Сам рассуди-ка ты!

* * *

Виночерпий! Опять моя чаша пуста!
 Чистой влаги иссохшие жаждут уста,
 Ибо друга иного у нас не осталось,
 У которого совесть была бы чиста.

* * *

Познай все тайны мудрости! — А там?..
 Устрой весь мир по-своему! — А там?..
 Живи беспечно до ста лет счастливец...
 Протянешь чудом до двухсот!.. — А там?..

* * *

«Брось вино! Попадешь, — мне пророчат, — в беду:
 В день суда испекут тебя черти в аду!»
 Это так. Но не лучше ли вечного рая
 Миг божественной истины в пьяном бреду?

* * *

Слезами омываясь в день трикраты,
Доколе будешь сам терзать себя ты?
Пируй сегодня, пей и пей вино,
Пока не разомкнется круг заклтый!

* * *

Как надоели мне несносные ханжи!
Вина подай, саки, и вот что: заложи
Тюрбан мой в кабаке и мой молельный коврик:
Не только на словах я — враг всей этой лжи.

* * *

Гостившие здесь прежде поколенья
Дремали в грезах самообольщенья.
Садись и пей! Все речи мудрецов —
Пустынный прах и ветра дуновенье.

* * *

Так как смерть все равно мне пощады не даст —
Пусть мне чашу вина виночерпий подаст!
Так как жизнь коротка в этом временном мире,
Скорбь для смертного сердца — ненужный балласт.

* * *

Огню, сокрытому в скале, подобен будь,
А волны смерти все ж к тебе разыщут путь.
Не прах ли этот мир? О, затяни мне песню!
Не дым ли эта жизнь? Вина мне дай хлебнугы!

* * *

Нет различья: одна или тысяча бед.
Беспощадна к живущим семерка планет.
Беспощадны к живущим четыре стихии,
Кроме чаши вина — утешения нет!

* * *

Ты при всех на меня накликаешь позор:
Я безбожник, я пьяница, чуть ли не вор!
Я готов согласиться с твоими словами.
Но достоин ли ты выносить приговор?

* * *

Этот райский, с ручьями журчащими, край, —
Чем тебе не похож на обещанный рай?
Сколько хочешь валяйся на шелковой травке,
Пей вино и на ласковых гурий взирай!

* * *

Ты расставляешь западни на всех путях моих,
Гробишь убить, коль попадусь я вдруг в одну из них.
Ты сам ведь ставишь западни! А тех, кто в них попал,
Бунтовщиками ты зовешь и убиваешь их?!

* * *

Ни держава, ни полная злата казна
Не сравнятся с хорошею чаркой вина!
Ни венец Кей-Хосрова, ни трон Фаридуна
Не дороже затычки от кувшина!

* * *

Лживой книжной премудрости лучше бежать.
Лучше с милой всю жизнь на лужайке лежать.
До того, как судьба твои кости иссушит,—
Лучше чашу без усталости осушать!

* * *

Лучше в жизни всего избежать, кроме чаши вина,
Если пери, что чашу дала, весела и хмельна.
Опьянение, беспутство, поверь, от Луны и от Рыбы,
Это — лучшее здесь, если винная чаша полна.

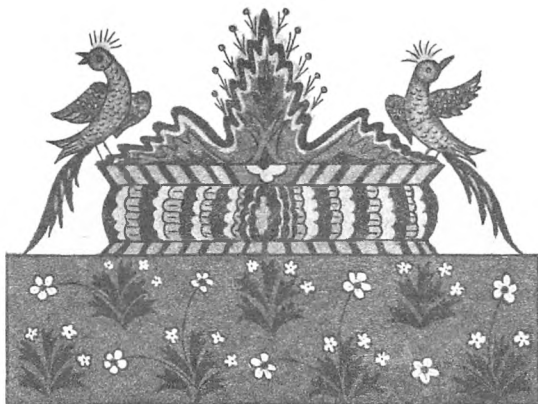
* * *

Оттого, что не праведен мир, не страдай,
Не тверди нам о смерти и сам не рыдай.
Наливай в пиалу эту алую влагу,
Белогрудой красавице сердце отдай.

* * *

Коли можешь, не тужи о времени бегущем,
Не отягчай души ни прошлым, ни грядущим.
Сокровища свои потрать, пока ты жив,
Ведь все равно в тот мир предстанешь неумущим.

СААДИ

ИЗ КНИГИ «БУСТАН»

**Глава первая
О СПРАВЕДЛИВОСТИ,
МУДРОСТИ И РАССУДИТЕЛЬНОСТИ**

Ануширван, когда он умирал,
Призвал Хормуза и ему сказал:

«Покинь чертоги мира и покоя,
Взгляни, мой сын, на бедствие людское!

Как можешь ты довольным быть судьбой,
Несчастных сонмы видя пред собой?

Мобеды оправдания не отыщут,
Что спит пастух, а волки в стаде рыщут.

Иди пекись о нищих, бедняках,
Заботься о народе, мудрый шах!

Царь — дерево, а подданные — корни.
Чем крепче корни, тем ветвям просторней.

Не утесняй ни в чем народ простой.
Народ обидев, вырвешь корень свой.

Путем добра и правды, в божьем страхе
Иди всегда, дабы не пасть во прахе.

Любовь к добру и страх пред миром зла
С рождения природа нам дала.

Когда сияньем правды царь украшен,
То подданным и Ахриман не страшен.

Кто бедствующих милостью дарит,
Тот волю милосердного творит.

Царя, что людям зла не причиняет,
Творец земли и неба охраняет.

Но там, где нрав царя добра лишен,
Народ в ярме, немотствует закон.

Не медли там, иди своей дорогой,
О праведник, покорный воле бога!

Ты, верный, не ищи добра в стране,
Где люди заживо горят в огне.

Беги надменных и себялюбивых,
Забывших судию, владык спесивых.

В ад, а не в рай пойдет правитель тот,
Что подданных терзает и гнетет.

Позор, крушение мира и оплота —
Последствия насилия и гнета.

Ты, шах, людей безвинно не казни!
Опора царства твоего они.

О батраках заботься, о крестьянах!
Как жить им в скорби, нищете и ранах?

Позор, коль ты обиду причинил
Тому, кто целый век тебя кормил».

И Шируйэ сказал Хосров, прощаясь,
Навек душой от мира отрекаясь:

«Пусть мысль великая в твой дух войдет.
Смотри и слушай, как живет народ.

Пусть в государстве правда воцарится,—
Иль от тебя народ твой отвратится.

Прочь от тирана люди побегут,
Дурную славу всюду разнесут.

Жестокий властелин, что жизни губит,
Неотвратимо корень свой подрубит.

Ушедшего от тысячи смертей
Настигнут слезы женщин и детей.

В ночи, в слезах, свечу зажжет вдовица —
И запылает славная столица.

Да, только тот, который справедлив,
Лишь тот владыка истинно счастлив.

И весь народ его благословляет,
Когда он в славе путь свой завершает.

И добрые и злые — все умрут,
Так лучше пусть добром нас помянут».

РАССКАЗ

Такой в Дамаске голод наступил,
Как будто бог о людях позабыл.

В тот год ни капли не упало с неба,
Сгорело все: сады, посевы хлеба.

Иссякли реки животворных вод,
Осталась влага лишь в глазах сирот.

Не дым, а вздохи горя исходили
Из дымоходов. Пищи не варили.

Деревья обезлиствели в садах,
Царило бедствие во всех домах.

Вот саранчи громады налетели...
И саранчу голодных толпы съели.

И друга я в ту пору повстречал, —
Он, как недужный, страшно исхудал.

Хоть он богатствами владел недавно,
Хоть был из знатных муж тот достославный.

Его спросил я: «Благородный друг,
Как бедствие тебя постигло вдруг?»

А он в ответ: «С ума сошел ты, что ли?
Расспрашивать об этом не грешно ли!

Не видишь разве, что народ в беде,
Что людям нет спасения нигде,

Что не осталось ни воды, ни хлеба,
Что стоны гибнущих не слышит небо?»

А я ему: «Но, друг, ведь ты богат!
С противоядием не страшен яд.

Другие гибнут, а тебе ль страшиться?
Ведь утка наводнения не боится».

И на меня, прищурившись слегка,
Взглянул он, как мудрец на дурака:

«Да — я в ладье! Меня разлив не тронет!
Но как мне жить, когда народ мой тонет?»

Да, я сражен не горем, не нуждой —
Сражен я этой общею бедой!

При виде мук людских я истомился,
О пище позабыл и сна лишился.

Я голодом и жаждой не убит,
Но плоть мою от ран чужих знобит!

Покой души утратит и здоровый,
Внимая стонам горестным больного.

Ведь ничего здесь люди не едят!..
И пища стала горькой мне, как яд».

Муж честный не смыкает сном зеницы
В то время, как друзья его в темнице.

*

Слышал ли ты преданий древних слово
О злых владыках времени былого?

В забвенье рухнул их величья свод,
Распались их насилие и гнет!

Что ж он — насильник — в мире добивался?
Бесследно он исчез — а мир остался.

Обиженный в день Страшного суда
Под сень Йездана станет навсегда.

И небом тот храним народ счастливый,
Где царствует владыка справедливый.

Но разоренье и погибель ждет
Страну, где в лапы власть тиран берет.

Служить тирану муж не станет честный.
Тиран на троне — это гнев небесный.

Султан, твое величье создал бог,
Но знай: он щедр, но и в расплате — строг.

Ты горше нищих будешь там унижен,
Коль будет слабый здесь тобой обижен!

Позор царю, коль он беспечно спит,
Когда в стране насилие царит.

Во всех заботах бедняков участвуй,
Будь с ними как пастух заботлив с паствой.

А если в царстве правды глас умолк,
То шах для стада не пастух, а волк.

Когда от сердца он добро отринет,
Он мир с недобрым будущим покинет.

Воспрянут люди. Бедствия пройдут,
А извергов потомки проклянут.

Будь справедливым, чтоб не проклинали!
Чтоб век твой добрым словом поминали!

Глава вторая О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Суть обрести в сей жизни быстротечной:
Покров истлеет, суть пребудет вечно.

Кто высшим знанием не овладел,
Тот в оболочке сути не имел.

Когда добро и мир несем мы людям,
То и в земле спокойно спать мы будем.

Ты здесь о жизни будущей своей
Заботься, не надейся на друзей.

Дабы не испытать страданий многих,
Не забывай о страждущих, убогих.

Сокровища сегодня раздавай,
Назавтра все, смотри, не потеряй!..

Возьми в далекий путь запас дорожный,
Знай — состраданье близких ненадежно.

Кто долю здесь для будущего взял,
Тот счастья мяч перед собой погнал.

Ничья молитва душу не утешит,
И всяк своей рукою спину чешет.

Все, что имеешь, миру открывай
И в землю, словно клад, не зарывай.

Блажен, кто в стужу бедняка укроет,
Грехи того рука творца прикроет.

От двери прочь скитальца не гони,
Чтоб не скитаться в будущие дни.

Мудрец, благодеяний грех чуждаться!
Твори добро, чтоб после не нуждаться.

Иди, давай бальзам больным сердцам,
Кто знает — вдруг больным ты будешь сам.

Иди, врачуй горенье ран душевных,
Не забывай о днях своих плачевных.

Давай просящим у твоих дверей,
Ведь ты не нищий у чужих дверей.

РАССКАЗ

В пустыне странник увидел усталый
Собаку, что от жажды издыхала.

Он в колпаке своем воды принес,
Но даже встать не мог несчастный пес.

И он простер собаке длань служенья,
Приподнял, напоил, принес спасенье.

Избранник видел все, что делал он,
И был тот муж во всех грехах прощен.

Ты, злой тиран, возмездья опасайся!
Стань щедрым, искупить свой грех старайся!

Собаку спасший был прощен. Итак,
Благотвори! Ведь выше пса — бедняк.

Будь щедрым, милосердным, сколько можешь,
Тем выше ты, чем больше щедрость множишь.

Пусть богачи кинтарами дарят,
Ты беден, но дороже твой кират.

Судья предвечный лишнего не спросит,
Пусть каждый в меру сил своих приносит.

Слона степной кузнечик тяжелей,
Коль им придавлен жалкий муравей...

РАССКАЗ

Дервиш, придя в суфийскую обитель,
Поведал: «Жил в Йемене повелитель.

Он счастья мяч перед собою гнал,
Он равных в щедрости себе не знал.

Весенней тучей над землей вставал он,
На бедных дождь дирхемов изливал он.

Но он к Хатаму неприязнен был,
С насмешкой о Хатаме говорил:

«Кто он такой? Мне он докучней тени!..
Нет у него ни царства, ни владений!»

Вот царь Йемена небывалый пир,
Как говорят, на весь устроил мир.

Вдруг раздалось Хатаму славословье,
Все гости стали пить его здоровье.

И зависть омрачила дух царя,
Раба он кликнул, злобою горя:

«Иди найди и обезглавь Хатама!
Со мною в славе спорит он упрямо».

В степь, где Хатам в ту пору кочевал,
Подосланный убийца поскакал.

И некий муж, как бы посланник бога,
Раба-посланца повстречал дорогой.

Сладкоречив тот муж, приветлив был,
Гонца к себе в шатер он пригласил.

Его в степи безлюдной обласкал он,
Вниманием его очаровал он.

А утром молвил: «Добрый гость, прости,
Но все ж у нас останься, погости!»

А тот в ответ: «Промедлить ни мгновенья
Нельзя!.. Дано мне шахом порученье!»

Сказал хозяин: «Тайну мне открой,
Я помогу тебе, пойду с тобой!»

«О благородный муж! — гонец ответил. —
Ты доблестен, и тверд, и духом светел,

Ты тайну нашу сохранишь. Так знай,
Хатама я ищу в станове Тай.

Хоть муж Хатам прославлен во вселенной,
Убить его велел мне шах Йемена.

О добрый друг! Мне милость окажи,
Дорогу мне к Хатаму укажи!»

Хозяин рассмеялся: «Меч свой смело
Бери, руби мне голову от тела.

Ведь я — Хатам. Пусть я хозяин твой,
Я поступлюсь для гостя головой!»

Когда Хатам склонился добровольно
Под меч, посланец издал крик невольной.

Не в силах от стыда поднять зениц,
Перед Хатамом он простерся ниц

И, руки на груди сложив покорно,
Сказал: «Когда бы умысел позорный

Исполнил я и вред тебе нанес,
Не человек я был бы, гнусный пес!»

И встал он, и, поцеловав Хатама,
Через пески в Йемен пустился прямо.

Султан Йемена меж бровей его
Прочел, что тот не сделал ничего.

«Где голова? — спросил. — Какие вести
Ты мне привез? Скажи во имя чести!

Быть может, в поединок ты вступил
И у тебя в бою не стало сил?»

Посланец пал на землю пред владыкой
И так ответил: «О султан великий!

Хатама видел я. Среди людей
Он всех великодушней и мудрей.

В нем доблесть, мужество и благородство,
Ему дано над всеми превосходство.

Груз милостей его меня сломил,
Великодушьем он меня сразил»

Все рассказал гонец. Ему внимая,
Йеменский царь восславил племя Тая.

И щедро наградил султан посла...
Хатаму щедрость свойственна была,

Как солнцу — свет, цветам. — благоуханье.
Хатаму славу принесли деянья».

Глава третья
О ЛЮБВИ,
ЛЮБОВНОМ ОПЬЯНЕНИИ И БЕЗУМСТВЕ

Прекрасны дни влюбленных, их стремленья
К возлюбленной, блаженны их мученья.

Прекрасно все в любви — несет ли нам
Страдания она или бальзам.

Влюбленный власть и царство ненавидит,
Он в бедности свою опору видит.

Он пьет страданий чистое вино;
Молчит, хоть горьким кажется оно.

Его дарят похмельем сладким слезы.
Шипы — не стражи ли царицы розы?

Страданья ради истинной любви
Блаженством, о влюбленный, назови!

Вьюк легок опьяенному верблюду,
Стремись, иди к единственному чуду!

Не сбросит раб с себя любви аркан,
Когда огнем любви он обуян.

Живут в тиши печального забвенья
Влюбленные — цари уединенья.

Они одни сумеют повести
Блуждающих по верному пути.

Проходят люди, их не узнавая,
Они — как в мире тьмы вода живая,

Они подобны рухнувшим стенам
Снаружи. А внутри — прекрасный храм.

Они, как мотыльки, сжигают крылья,
И шелкопряда чужды им усилья.

У них всегда в объятьях красота,
Повысохли от жажды их уста.

Не говорю: источник вод закрыт им,
Но жажду даже Нил не утолит им.

РАССКАЗ

Жил в Самарканде юноша. Был он
Индийскою красавицей пленен.

Она, как солнце, чары расточала,
Твердыню благочестья разрушала.

Казалось, красоту, какую мог,
В ней воплотил миров зиждитель — бог.

За нею вслед все взгляды обращались.
Ее встречавшие ума лишались.

Влюбленный наш тайком ходил за ней.
И раз она сказала гневно: «Эй!

Глупец, не смей, как тень, за мной влачиться.
Не для твоих тенет такая птица.

Не смей за мною по пятам ходить.
Не то рабам велю тебя убить!»

И тут влюбленному промолвил кто-то:
«О друг, займи себя другой заботой.

Боюсь, ты не достигнешь цели здесь,
А потеряешь даром жизнь и честь!»

Упреком этим горьким уязвленный,
Вздыхнув, ответил юноша влюбленный:

«Пусть под мечом я голову мою
В прах уроню и кровь мою пролью,

Но скажут люди: «Вот удел завидный!
Пасть от меча любимой — не обидно».

Меня позорить можешь ты, бранить, —
Я не уйду. Мне без нее не жить.

Что мне советуешь ты, ослепленный
Тщетою мира, лишь в себя влюбленный?

Она добра и благости полна,
Пусть хоть на казнь пошлет меня она!

Мечта о ней меня в ночи сжигает,
А утром снова к жизни возрождает.

Пусть у ее порога я умру,
Но жив, как прежде, встану поутру!»

Будь стоек всей душою, всюю кровью.
Жив Саади, хоть и сражен любовью.

* * *

Сказал от жажды гибнущий в пустыне:
«Счастлив, кто гибнет в водяной пучине!»

Ему ответил спутник: «О глупец,
В воде иль без воды — один конец».

«Нет! — тот воскликнул. — Не к воде стремлюсь я,
Пусть в океане Духа растворюсь я!»

Кто жаждет истины, я знаю, тот
Без страха бросится в водоворот.

Не дрогнет в жажде знания, не остынет,
Хоть знает он, что в тех волнах погибнет.

Любовь, влюбленный, за полу хватай.
«Дай душу!» — скажет. — Душу ей отдай

Ты увидешь в рай блаженства и забвенья,
Пройдя геенну самоотреченья.

Труд пахаря в пору страды суров,
Но пахарь сладко спит после трудов.

На сем пиру блаженства достигает
Тот, кто последним чашу получает.

РАССКАЗ

Спросили раз Меджнуна: «Что с тобой?
Что ты семьи чуждаешься людской?»

И что с Лейли, с твоей любовью, стало?
Ужель в тебе и чувства не осталось?»

Меджнун ответил, слез поток лия:
«Молю, отстаньте от меня, друзья,

Моя душа изнемогла от боли,
Не сыпьте же хоть вы на рану соли.

Да, друг от друга мы удалены,
Необходимости подчинены».

А те: «О светоч верности и чести,
Вели — Лейли передадим мы вести!»

А он им: «Обо мне — ни слова ей,
Чтобы не стало ей еще больней».

Глава четвертая О СМирЕНИИ

Из тучи капля долу устремилась
И, в волны моря падая, смутилась.

«Как я мала, а здесь простор такой..
Ничто я перед бездною морской!»

Она себя презрела, умалила;
Но раковина каплю приютила;

И перл, родившийся из капли той,
Царя венец украсил золотой.

Себя ничтожной капля та считала —
И красотой и славой заблестала.

Смиренье — путь высоких мудрецов,
Так гнется ветвь под тяжестью плодов.

РАССКАЗ

Бедняк ученый — в рвани и в грязи —
Сел среди знатных на ковре кази.

Взглянул хозяин колко — что за чудо?
И служка подбежал: «Пошел отсюда!

Ты перед кем сидишь? Кто ты такой?
Сядь позади иль на ногах постой!

Почета место здесь не всем дается,
Сан по достоинству лишь достается.

Зачем тебе позориться средь нас?
Достаточно с тебя на первый раз!

И честь тому, кто ниже всех в смиренье,
Не испытал позора униженья.

Ты впредь на месте не садись чужом,
Средь сильных не прикидывайся львом!»

И встал мудрец, в ответ не молвив слова.
Судьба его в те дни была сурова.

Вздых испустил он, больше ничего,
И сел в преддверье сборища того.

Тут спор пошел средь знатоков Корана.
«Да, да!» — «Нет, нет!» — орут как будто спяна.

Открыли двери смуты вековой,
И всяк свое кричит наперебой.

Их спор над неким доводом старинным
Сравнить бы можно с боем петушинным.

Так спорили в неистовстве своем
Факихи о Писании святом,

Так узел спора туго завязали,
Что, как распутать узел, и не знали.

И тут в одежде нищенской мудрец
Взревел, как лев свирепый, наконец:

«Эй, знатоки святого шариата,
Чья память знаньем истинным богата!

Не брань и крик, а доводы нужны,
Чтобы бесспорны были и сильны.

А я владею знания човганом». —
Тут общий смех поднялся над айваном:

«Ну, говори!» И он заговорил,
Раскрыл уста и глотки им закрыл.

Острой калама доводы нашел он,
От ложной их премудрости ушел он.

И свиток сути смысла развернул,
И, как пером, их спор перзчеркнул.

И закричали всем собраньем: «Слава!
Тебе, мудрец, твоим познаниям — слава!»

Как конь, он обогнал их. А кази
Был как осел, увязнувший в грязи.
Вздыхнув, свою чалму почета снял он,
Чалму свою пришельцу отослал он.

Сказал: «Прости! Хоть нет на мне вины,
Что я не угадал тебе цены!

Средь нас ты выше всех. И вот — унижен...
Мне жаль. Но да не будешь ты обижен!»

Пошел служащий к пришлецу тому,
Чтоб на главу его надеть чалму.

«Прочь! — тот сказал. — Иль сам уйду за дверь я!
Твоя чалма — венец высокомерья!

Слыть не хочу в народе как святой
С чалмою в пятьдесят локтей длиной.

«Маулана» нарекусь я, несомненно,
Но это званье будет мне презренно.

Вода да будет чистою в любом
Сосуде — глиняном иль золотом.

Ум светлый должен в голове таиться,
А не чалмой высокою кичиться.

Как тыква, велика твоя чалма,
Но в тыкве нет ни мозга, ни ума.

Не чванься ни усами, ни чалмою!
Чалма — тряпье, усы — трава травкою.

Те, кто подобны людям лишь на взгляд,
Но мертвы, как картины, — пусть молчат.

Сам одолей высоты перевала;
Зла людям не неси, как знак Зуала!

На плетево идет тростник любой,
Но ценен сахарный самим собой.

Тебя, с душою низкою такою,
Я званья «Человек» не удостою.

Стеклярусную понизь отыскал
В грязи глупец. Стеглярус так сказал:

«Ты брось меня! Я бисер самый бедный!
Я весь не стою и полушки медной».

Пусть в цветнике свинарь свинью пасет,
Но на свинью цена не возрастет.

Осел ослом останется вовеки.
По платью не суди о человеке!»

*

Так жгучим словом он обиду смыл
И чванных и надменных устыдил.

Обижен ими, он не пощадил их
И речью, как оружием, поразил их.

Да не потерпит гнета и обид
Муж правды и неправых истребит!

Кази сидел, подавленный — в позоре:
«О, стыд мне перед всеми! Стыд и горе!»

Он руки был свои кусать готов,
Молчал, не находя достойных слов.

А тот пришлец в убогом одеянье
Стремительно покинул их собрание.

Опомнились вельможи наконец,
Воскликнули: «Кто этот молодец?»

Слуга его разыскивал повсюду,
Вопросы обращал к простому люду.

И все в ответ: «Напрасно не ходи!
Был это наш учитель — Саади.

Стократ хвала ему, что речью меткой
Так отхлестал он вас — умно и едко!»

РАССКАЗ

Мудрец Лукман был черен, как арап,
Невзрачен, ростом мал и телом слаб.

Приняв за беглого раба, связали
Вождя людей и строить дом пригнали.

Хозяин издевался над рабом;
Но в год ему Лукман построил дом.

И тут внезапно беглый раб вернулся,
Хозяин все узнал и ужаснулся.

Валялся у Лукмана он в ногах.
А тот, смеясь: «Что мне в твоих слезах?»

Как я свою обиду вмиг забуду?
Твою жестокость век я помнить буду!

Но я тебя прощаю, человек.
Тебе — добро, мне — выучка навек.

Теперь ты в новом доме поселился,
Я новой мудростью обогатился:

Раб у меня есть; и я жесток с ним был,
Работой непосильною томил.

Но мучить я его не буду боле, —
Так тяжко было мне в твоей неволе».

Кто сам не знает, что такое гнет,
Тот сострадания к слабым не поймет.

Ты оскорблен правителем законным.
Не будь же груб с бесправным подчиненным!

Как тут Бахрамовых не вспомнить слов:
«Не будь, правитель, к подданным суров!»

Глава пятая О ДОВОЛЬСТВЕ ЮДОЛЮ

В ночи раздумий зажигал я лен¹,
И светоч речи мною был зажжен...

¹ В ночи раздумий зажигал я лен... — то есть зажигал светильник.

Стал восхвалять меня пустоголовый,
Пути признанья не найдя иного,

Но в похвалу он влил немало зла,
И зависть в каждом слове проросла.

Писал он: «Мысли Саади высоки!
Гласили так лишь древние пророки.

Но как он слаб, — кого ты ни спроси, —
В картинах битв — в сравненьях с Фирдоуси!»

Должно быть, он не знал, что мир мне нужен.
Что с громом браней сердцем я не дружен.

Но если нужно, как булатный меч,
Язык мой может жизнь врага пресечь.

Что ж, вступим в бой, но заключим условие:
Нам вражий череп будет — изголовье.

РАССКАЗ

Жил в Исфагане войска повелитель,
Мой друг — отважный, дерзостный воитель.

Всю жизнь он воевать был принужден,
Был город им и округ защищен.

С утра, разбужен шумом, ратным гулом,
Его в седле я видел с полным тулом.

Он львов отважным видом устрасал,
Быков рукой железной поразал.

Когда стрелу во вражий строй пускал он,
Без промаха противника сражал он.

Так лепесток колючка не пронзит,
Как он пронзал стрелой железный щит.

Когда копье бросал он в схватке ратной,
Он пригвождал к челу шелом булатный.

Как воробьев, он истреблял мужей, —
Так саранчу хватает муравей.

Коль он на Фаридуна налетел бы,
Тот обнажить оружие не успел бы.

С его дороги пардус убегал,
Он пасти львов свирепых раздирал.

Схватив за пояс вражьих войск опору,
Богатыря он подымал на гору.

Он настигал врага быстрей орла
И разрубал секирой до седла.

Но в мире был он добрым и беззлобным,
Нет вести ни о ком ему подобном.

Он с мудрыми учеными дружил
В те дни, как лучший друг он мне служил.

Но вот беда на Исфаган напала,
Судьба меня в иной предел угнала.

В Ирак ушел я, переехав в Шам,
И прижился я, и остался там.

Я жил в стране, где помнили о боге
В заботах, и надежде, и тревоге.

Довольство там царило и покой.
Но потянуло вдруг меня домой.

Пути судьбы затаены во мраке...
И снова очутился я в Ираке.

В бессоннице я там обрел досуг.
Мне вспомнился мой исфаганский друг.

Открылась память дружбы, словно рана:
Ведь с одного с ним ел я дастархана.

Чтоб повидать его, я в Исфаган
Пошел, найдя попутный караван.

И, друга увидав, я ужаснулся:
Его могучий стан в дугу согнулся.

На темени — седины, словно снег;
Стал хилым старцем сильный человек.

Его настигло небо, придавило,
Могучей длани силу сокрушило.

Поток времен гордыню преломил;
Главу к коленям горестно склонил.

Спросил я: «Друг мой, что с тобою стало?
Лев превратился в старого шакала».

Он усмехнулся: «Лучший божий дар
Я растерял в боях против татар.

Я, как густой камыш, увидел копыя,
Как пламя — стягов боевых охлопья.

Затмила туча пыли белый свет,
И понял я: мне счастья больше нет.

Мое копые без промаху летало,
Со вражеской руки кольцо сбивало.

Но окружил меня степняк кольцом,
Звезда погасла над моим челом.

Бежал я, видя — сгнула надежда,
С судьбой сражаться выйдет лишь невежда.

Ведь не помогут щит и шлем, когда
Погаснет счастья светлая звезда.

Когда ты ключ победы потеряешь,
Руками дверь победы не взломаешь.

На воинах моих была броня
От шлема мужа до копыт коня.

Как только рать туранская вспыхнула,
Вся поднялась на битву наша сила.

Мы молнии мечей, сказать могу,
Обрушили на войско Хулагу.

Так сшиблись мы, — сказать хотелось мне бы, —
Как будто грянулось об землю небо.

А стрелы! Как от молний грозowych,
Нигде спасенья не было от них.

Арканы вражьи змеями взлетали,
Сильнейших, как драконы, настигали.

Казалась небом степь под синей мглой,
Во мгле мерцал, как звезды, ратный строй.

Мы скоро в свалке той коней лишились
И, пешие, щитом к щиту сразились.

Но счастье перестало нам светить,
И наконец решил я отступить.

Что сделать сильная десница может,
Коль ей десница божья не поможет?

Не дрогнули мы, не изнемогли —
Над нами звезды бедствия взошли.

Никто из боя не ушел без раны,
В крови кольчуги были и кафтаны.

Как зерна, — прежде в колосе одном, —
В тумане мы рассыпались степном.

Рассыпались бесславно те, а эти,
Как стая рыб, к врагу попали в сети.

Хоть наши стрелы сталь пробить могли,
Ущерба степнякам не нанесли.

Когда судьбы твоей враждебно око,
Что щит стальной перед стрелою рока?

Что воля перед волею судьбы,
О вы, предначертания рабы».

Глава шестая О ДОВОЛЬСТВЕ МАЛЫМ

В стяжании пекущийся о многом
Не знает бога, недоволен богом.

Сумей богатство в малом обрести
И эту правду жадным возвести.

Чего ты ищешь, прах, алчбой гонимый?
Злак не растет ведь на праще крутимой!

Живущий духом чужд телесных нег.
Забыв свой дух, убьешь его навек.

Живущий духом — доблестью сияет.
Живущий телом — доблесть убивает.

Суть человека постигает тот,
Кто сущность пса сперва в себе убьет.

О пище — мысли бессловесной твари,
Мысль человека — о духовном даре.

Блажен, кто сможет на земном пути
Сокровища познаний припасти.

Кому творенья тайна явной станет,
Тот света правды отрицать не станет.

А для невидящих, где мрак и свет,
Меж гурией и дивом розни нет.

Как ты в колодец, путник, провалился,
Иль твой — в степи открытой — взор затмился?

Как сокол в высь небесную взлетит,
Коль птицу камнем алчность тяготит?

Коль от алчбы себя освободит он,
Как молния, к зениту воспарит он.

Как можешь ты с крылатыми сравняться,
Когда привык вседневно объедаться?

Ведь ангелом парящим, как звезда,
Не станет жадный хищник никогда.

Стань Человеком в помыслах, в делах,
Потом мечтай об ангельских крылах.

Ты скачешь, как несомый злобным дивом,
На необъезженном коне строптивом.

Скрути узду, иль волю он возьмет,
Сам разобьется и тебя убьет.

Обжора тучный, духом полусонный,
Ты человек иль чан обремененный?

Утроба домом духа быть должна,
А у тебя она едой полна.

Бурдюк словам о боге не внимает,
И алчный от обжорства умирает.

Кто вечными пирами пресыщен,
Тот мудрости и знания лишен.

Глаза и плоть вовек не будут сыты,
И хоть кишки твои едой набиты,

Бездонная геенна, твой живот —
Еще, еще прибавьте! — вопиет.

Ел мало сам Иса, светильник веры,
Что ж кормишь ты осла его без меры?

Что приобрел ты в этом мире зла,
Сменивши откровенье на осла?

Ведь алчностью свирепой обуянных
Зверей и птиц находим мы в капканах.

Тигр над зверями царь, а поглядишь —
Попался на приманку, словно мышь.

И как бы мышь к еде ни кралась ловко,
Ее поймает кот иль мышеловка.

РАССКАЗ

Однажды скряга некий, полный страха,
Явился с просьбой к трону Хорезмшаха.

В прах перед шахом он лицо склонил,
Подобострастно просьбу изложил.

А скряге сын сказал недоуменно:
«Ответь на мой вопрос, отец почтенный,

Ведь кыбла там, на юге, где Хиджаз,
Что ж ты на север совершал намаз?»

Будь мудр, живи, страстями управляя,
У жадных кыбла каждый день другая.

Кто страсти низкой буйство укротит,
Себя от горших бедствий защитит.

Два зернышка ячменных жадный взял,
Зато подол жемчужин растерял.

Ты, мудрый, вождельня укроти,
Чтобы с сумою после не пойти.

Укороти десницу! Свет надежды
Не в длинном рукаве твоей одежды!

Кто от стяжанья духом не ослаб,
Тот никому не пишет: «Я твой раб!»

Просителя, как пса, порою гонят.
Кто мужа независимого тронет?

ГАЗЕЛИ

* * *

Коль с лица покров летучий ты откинешь, моя луна,
Красотой твоею будет слава солнца посрамлена.

Сбить с пути аскета могут эти пламенные глаза,
А от глаз моих давно уж отогнали отраду сна.

И давно бразды рассудка уронила моя рука.
Я безумен. Мне святыня прежней истины не видна.

Но Меджнуна не избавит от мучений встреча с Лейли,
Изнуренному водянкой чаша полная не полна.

Тот не искренний влюбленный, кто не выпьет из милых рук
Чашу огненного яда вместо искристого вина.

Как жалка судьба лишенных человечности и любви!
Ведь любовь и человечность — неразрывная суть одна.

Принеси огня скорее и собрание озари!
А с пустых руин налога не потребует и казна.

Люди пьют вино надежды, но надежд они лишены.
Я не пью, душа любовью к ней навеки опьянена.

Саади в себе не волен, он захлестнут петлей любви,
Сбит стрелой, чьим жалом ярость Афрасьяба сокрушена.

* * *

В дни пиров та красавица сердце мое привлекла,
Кравчий, дай нам вина, чтобы песню она завела.

В ночь на пиршестве мудрых ты нас красотой озарила.
Тише! Чтобы кутилы не знали, за кем ты ушла!

Ты вчера пиновала. Все видят — глаза твои томны.
Я от всех утаю, что со мною вино ты пила.

Ты красива лицом, голос твой мое сердце чарует,
Хорошо, что судьба тебе голос волшебный дала.

Взгляд тюрчанки — стрела, брови темные выгнуты луком,
Боже мой! Но откуда у ней эти лук и стрела?

Я — плененный орел, я сижу в этой клетке железной.
Дверцу клетки открой. И свои распахну я крыла!

Саади! Был проворен в полете, а в сети попался;
Кто же, кроме тебя, мог поймать его, словно орла?

* * *

Я влюблен в эти звуки, в этот сердце мне ранящий стон.
Я беспечен; и день мой проплывает неясно, как сон.

Ночи... Ночи бессонные в ожиданье моей светлоокой,
Но тускнеет пред нею свет, которым весь мир озарен.

Если вновь приведется мне лицо ее нежное видеть —
Сам себя я счастливым буду звать до скончанья времен.

Я — не муж, если скрою свою грудь от камней порицанья,
Муж душой своей твердой, как щитом, от копья огражден.

Не изведав несчастий, не достигнешь заветного счастья,
Кто дождался Новруза, стужу зимнюю вытерпел он.

Хоть жнецы были мудры, но Лейли они тайны не знали.
Лишь Меджнун ее ведал, кем был весь урожай их спален.

Сон влюбленных, что верой и богатствами мира играет,
Жатвы не собирает, а несметным добром наделен.

Ты другого арканом уловляй! Мы же — верные слуги,
Ведь не нужно стреножить скакуна, что давно приручен.

День вчерашний умчался, ну, а завтра пока не настало.
Саади, лишь сегодня ты и волен в себе, и силен!

* * *

О караванщик, сдержи верблюдов! Покой мой сладкий, мой сон
уходит.

Вот это сердце за той, что скрутит любое сердце, в полон уходит.

Уходит злая, кого люблю я, мне оставляя одно пыланье.

И полыхаю я, словно пламень, и к тучам в дымах мой стон уходит.

Я о строптивой все помнить буду, покуда буду владеть я речью.

Хоть слово — вестник ее неверный, едва придет он и вон уходит.

Приди — и снова тебе, прекрасной, тебе, всевластной, служить
я стану.

Ведь крик мой страстный в просторы неба, себе не зная препон,
уходит.

О том, как души бросают смертных, об этом люди толкуют разно.
Я ж видел душу свою воочью: она — о, горький урон! — уходит.

Не должен стоном стонать Саади, но все ж неверной кричу я: «Злая!»
Найду ль терпенье? Ведь из рассудка благоразумья канон уходит!

К Ы Т А

* * *

О утренний ветер, когда долетишь до Шираза,
Друзьям передай этот свиток рыдающих строк.

Шепни им, что я одинок, что я гибну в изгнание,
Как рыба, прибоем извергнутая на песок.

* * *

Если в рай после смерти меня поведут без тебя, —
Я закрою глаза, чтобы светлого рая не видеть,

Ведь в раю без тебя мне придется сгорать, как в аду,
Нет, аллах не захочет меня так жестоко обидеть!

* * *

Эй, пустомеля и болтун, как о любви ты смеешь петь?
Ведь стройно ты за жизнь свою десятка бейтов не связал!

Смотри, как в помыслах высок владыка слова Саади, —
Он пел любовь, одну любовь — земных владык не восхвалял.

* * *

Меня корят: «Зачем напрасно за недостойной ты стремишься?
Иль жадой самоистребленья ты, как безумец, обуянь?»

Отвечу я: «У ней стросите! Я — в тороках ее, как пленник,
Меня расспрашивать напрасно, на шее у меня — аркан».

* * *

Побежденным, угнетенным и томящимся в оковах
Молви: «Мука не навечно послана судьбою вам.

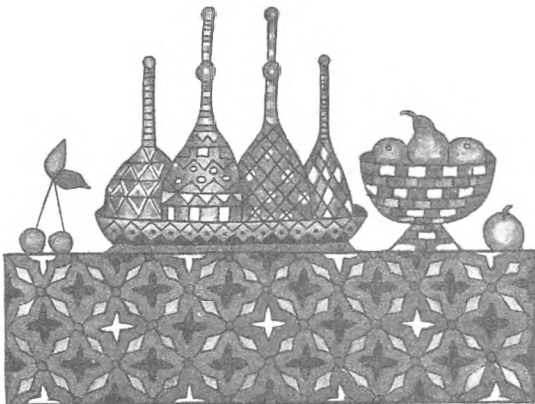
Срок настанет — ваши руки онемевшие развяжут
И, во сне схватив тирана, крепко свяжут по рукам».

* * *

Ты, падишах, не обольщайся словами низкого льстеца!
Ища корысти, он умеет коварства сети расставлять.

Невежда, пьющий кровь народа, — будь он носителем венца,
Не будет мудр от слов хатиба, не сможет справедливым стать.

РУМИ
ИЗ «МАСНАВИ»

Притчи

ПОСЕЛЯНИН И ЛЕВ

Однажды к пахарю забравшись в хлев,
В ночи задрал и съел корову лев

И сам в хлеву улегся отдыхать.
Покинул пахарь тот свою кровать,

Не вздув огня, он поспешил на двор —
Цела ль корова, не залез ли вор?

И льва нащупала его рука,
Погладил льву он спину и бока.

Льву думалось: «Двуногий сей осел,
Видать, меня своей коровой счел!

Да разве б он посмел при свете дня
Рукой касаться дерзкою меня?

Пузырь бы желчный лопнул у него
От одного лишь вида моего!»

Ты, мудрый, суть вещей сперва познай,
Обманной внешности не доверяй.

РАССКАЗ ОБ УКРАДЕННОМ БАРАНЕ

Барана горожанин за собой
Тащил с базара, — видно, на убой.

И вдруг в толпе остался налегке
С веревкой перерезанной в руке.

Барана нет. Добычею воров
Овчина стала, и курдюк, и плов.

Тот человек, в пропаже убедясь,
Забегал, бестолково суетясь.

А вор возле колодца, в стороне,
Вопил и причитал: «Ой, горе мне!»

«О чем ты?» — обворованный спросил.
«Я кошелек в колодец уронил.

Все, что имел я, — сто динаров там!
Достанешь — я в награду двадцать дам».

А тот: «Да это целая казна!
Ведь десяти баранов в ней цена.

Я одного барана потерял,
Но бог взамен верблюда мне послал!»

В колодец он с молитвою полез,
А вор с его одеждою исчез.

О друг, по неизвестному пути
Ты должен осмотрительно идти.

Но жадность заведет в колодец бед
Того, в ком осмотрительности нет.

О ТОМ, КАК ШАХ ТЕРМЕЗА ПОЛУЧИЛ «МАТ» ОТ ШУТА

Шах в шахматы с шутом своим играл,
«Мат» получил и гневом запылал.

Взяв горсть фигур, шута он по лбу хватъ.
«Вот «шах» тебе! Вот — «мат»! Учись играть!

Ферзем куда не надо — не ходи».
А шут: «Сдаюсь, владыка, пощади!»

Шах молвил: «Снова партию начнем».
А шут дрожал, как голый под дождем.

Сыграли быстро. Шаху снова «мат».
Шут подхватил заплатанный халат,

Под шесть тяжелых, толстых одеял
Забился, притаился и молчал.

«Эй, где ты там?» — шах закричал в сердцах.

А шут ему: «О справедливый шах,

Чтоб перед шахом правду говорить,

Надежно надо голову прикрыть.

«Мат» получил ты от меня опять.

Теперь твой ход — и мне несдобровать».

О ТОМ, КАК СТАРИК ЖАЛОВАЛСЯ ВРАЧУ НА СВОИ БОЛЕЗНИ

Старик сказал врачу: «Я заболел!

Слезотечение... Насморк одолел».

«От старости твой насморк», — врач сказал.

Старик ему: «Я плохо видеть стал».

«От старости, почтенный человек,

И слабость глаз, и покраснение век».

Старик: «Болит и ноет вся спина!»

А врач: «И в этом старости вина».

Старик: «Мне в пользу не идет еда».

А врач: «От старости твоя беда».

Старик: «Я кашляю, дышу с трудом».

А врач: «Повинна старость в том и в том.

Ведь если старость в гости к нам придет,

В подарок сто болезней принесет».

«Ах ты, дурак! — сказал старик врачу. —

Я у тебя лечиться не хочу!

Чему тебя учили, о глупец?
Лекарствами сумел бы врач-мудрец

Помочь в недомогании любом,
А ты — осел, оставшийся ослом!..»

А врач: «И раздражительность твоя —
От старости, тебе ручаюсь я!»

РАССКАЗ О ВИНОГРАДЕ

Вот как непонимание порой
Способно дружбу подменить враждой,

Как может злобу породить в сердцах
Одно и то ж на разных языках.

Шли вместе тюрок, перс, араб и грек.
И вот какой-то добрый человек

Приателям монету подарил
И тем раздор меж ними заварил.

Вот перс тогда другим сказал: «Пойдем
На рынок и ангур¹ приобретем!»

«Врешь, плут, — в сердцах прервал его араб, —
Я не хочу ангур! Хочу эйнаб!»

А тюрк перебил их: «Что за шум,
Друзья мои! Не лучше ли узум!»

¹ Ангур — виноград по-персидски; эйнаб — по-арабски;
узум — по-тюркски; стафиль — по-гречески.

«Что вы за люди! — грек воскликнул им. —
Стафилъ давайте купим и съедем!»

И так они в решении сошлись,
Но, не поняв друг друга, подрались.

Не знали, называя виноград,
Что об одном и том же говорят.

Невежество в них злобу разожгло,
Ущерб зубам и ребрам нанесло.

О, если б стоязычный с ними был,
Он их одним бы словом помирил.

«На ваши деньги, — он сказал бы им, —
Куплю, что нужно всем вам четверым,

Монету вашу я учетверю
И снова мир меж вами водворю!

Учетверю, хоть и не разделю,
Желаемое полностью куплю!

Слова несведущих несут войну,
Мои ж — единство, мир и тишину».

НАСТАВЛЕНИЕ ПОЙМАННОЙ ПТИЦЫ

Какой-то человек дрозда поймал.
«О муж почтенный, — дрозд ему сказал, —

Владелец ты отар и косяков.
Ты много съел баранов и быков.

Но пищей столь обильною мясной
Не пресыщен — насытишься ли мной?

Ты отпусти меня летать, а там
Тебе я три совета мудрых дам.

Один в твоей руке прощобечу,
Другой, когда на крышу я взлечу;

А третий — с ветки дерева того,
Что служит сенью крова твоего.

Моим советам вняв, пока ты жив,
Во всем удачлив будешь и счастлив.

Вот первый мой совет в твоих руках:
Бессмыслице не верь ни в чьих устах».

Свободу птице человек вернул,
И дрозд на кровлю весело вспорхнул.

Пропел: «О невозвратном не жалеЙ!
Когда пора прошла — не плачь о ней

И за потери не кляни судьбу!
Бесценный, редкий перл в моем зубу.

Дирхемов верных десять весит он...
Им был навеки б ты обогащен!

Такого перла больше не сыскать,
Да не тебе богатством обладать!»

Как женщина в мучениях родов,
Стонал, кричал несчастный птицелов.

А дрозд: «Ведь я давал тебе совет —
Не плачь о том, чему возврата нет!

Глухой ты, что ли, раз не внял тому
Разумному совету моему?

Совет мой первый вспомни ты теперь:
Ни в чьих устах бессмыслице не верь.

Как десять я дирхемов мог бы несть,
Когда дирхема три я вешу весь».

А человек, с трудом в себя пришед,
Просил: «Ну, дай мне третий твой совет».

А дрозд: «Ты следовал советам двум,
Пусть третий озарит теперь твой ум:

Когда болвана учат мудрецы,
Они посев бросают в солонцы,

И как ни штопай — шире, чем вчера,
Назавтра будет глупости дыра!»

ДЖУХА И МАЛЬЧИК

Отца какой-то мальчик провожал
На кладбище и горько причитал:

«Куда тебя несут, о мой родной,
Ты скроешься навеки под землей!

Там никогда не светит белый свет,
Там нет ковра, да и подстилки нет!

Там не кипит похлебка над огнем,
Ни лампы ночью там, ни хлеба днем!

Там ни двора, ни кровли, ни дверей,
Там ни соседей добрых, ни друзей!

О, как же ты несчастен будешь в том
Жилье угрюмом, мрачном и слепом! .

Родной! От тесноты и темноты
Там побледнеешь и увянешь ты!»

Так в новое жильё он провожал
Отца и кровь — не слезы — проливал.

«О батюшка! — Джуха промолвил тут. —
Покойника, ей-богу, к нам несут!»

«Дурак!» — сказал отец Джухе в ответ:
«Приметы наши все, сомненья нет!

Все как у нас: ни кровли, ни двора,
Ни хлеба, ни подстилки, ни ковра!»

СПОР МУСУЛЬМАНИНА С ОГНЕПОКЛОННИКОМ

Огнепоклоннику сказал имам:
«Почтенный, вам пора принять ислам!»

А тот: «Приму, когда захочет бог,
Чтоб истину уразуметь я мог».

«Святой аллах, — имам прервал его, —
Желает избавленья твоего;

Но завладел твоей душой шайтан:
Ты духом тьмы и злобы обуян».

А тот ему: «По слабости моей,
Я следую за теми, кто сильней.

С сильнейшим я сражаться не берусь,
Без спора победителю сдаюсь.

Когда б аллах спасти меня хотел,
Что ж он душой моей не завладел?»

ПОСЕЩЕНИЕ ГЛУХИМ БОЛЬНОГО СОСЕДА

«Зазнался ты! — глухому говорят. —
Сосед твой болен много дней подряд!»

Глухой подумал: «Глух я! Как пойму
Болящего? Что я скажу ему?

Нет выхода... Не знаю, как и быть,
Но я его обязан навестить.

Пусть я глухой, но сведущ и неглуп;
Его пойму я по движенью губ.

«Как здоровье?» — спрошу его сперва.
«Мне лучше!» — воспоследуют слова.

«И слава богу! — я скажу в ответ. —
Что ел ты?» Молвит: «Кашу иль шербет».

Скажу: «Ешь пищу эту! Польза в ней!
А кто к тебе приходит из врачей?»

Тут он врача мне имя назовет.
Скажу: «Благословляй его приход!»

Как за тебя я радуюсь, мой друг!
Сей лекарь уврачует твой недуг».

Так подготовив дома разговор,
Глухой пришел к болящему во двор.

С улыбкой он шагнул к нему в жилье,
Спросил: «Ну, друг, как здоровье твое?»

«Я умираю...» — простонал больной.
«И слава богу!» — отвечал глухой.

Похолодел больной от этих слов,
Сказал: «Он — худший из моих врагов!»

Глухой движенье губ его следил,
По-своему все понял и спросил:

«Что кушал ты?» Больной ответил: «Яд!»
«Полезно это! Ешь побольше, брат!»

Ну, расскажи мне о твоих врачах».
«Уйди, мучитель, — Азраил в дверях!»

Глухой воскликнул: «Радуйся, мой друг!
Сей лекарь уврачует твой недуг!»

Ушел глухой и весело сказал:
«Его я добрым словом поддержал.

От умиленья плакал человек:
Он будет благодарен мне весь век».

Больной сказал: «Он мой смертельный враг,
В его душе бездонный адский мрак!»

Вот как обрел душевный мир глухой,
Уверенный, что долг исполнил свой.

РАССКАЗ ОБ УКРАДЕННОМ ОСЛЕ

Внемлите наставления моим
И предостережения моим!

Дабы стыда и скорби избежать,
Не надо неразумно подражать.

В суфийскую обитель на ночлег
Заехал некий божий человек.

В хлеву осла поставил своего,
И сена дал, и напоил его.

Но прахом станет плод любых забот,
Когда неотвратимое грядет.

Суфии нищие сидели в том
Прибежище, томимые постом,

Не от усердия к богу — от нужды,
Не ведая, как выйти из беды.

Поймешь ли ты, который сыт всегда,
Что иногда с людьми творит нужда?

Орава тех голодных в хлев пошла,
Решив немедленно продать осла.

«Ведь сам пророк — посланник вечных сил —
В беде вкушать и падаль разрешил!»

И продали осла, и принесли
Еды, вина, светильники зажгли.

«Сегодня добрый ужин будет нам!» —
Кричали, подымая шум и гам.

«До коих пор терпеть нам? — говорят, —
Поститься по четыре дня подряд?»

Доколе подвиг наш? До коих пор
Корзинки этой нищенской позор?

Что мы, не люди, что ли? Пусть у нас
Веселье погостит на этот раз!»

Позвали — надо к чести их сказать —
И обворованного пировать.

Явили гостю множество забот,
Спросили — как зовут и где живет.

Старик, что до смерти в пути устал,
От них любовь и ласку увидал.

Один бедняге ноги растирал,
А этот пыль из платья выбивал.

А третий даже руки целовал.
И гость, обвороженный, им сказал:

«Коль я сегодня не повеселюсь,
Когда ж еще, друзья? Сегодня пусть!»

Пужинали. После же вина
Сердцам потребны пляска и струна.

Обнявшись, все они пустились в пляс.
Густая пыль в трапезной поднялась.

То в лад они, притопывая, шли,
То бородами пыль со стен мели.

Так вот они, суфии! Вот они,
Святые. Ты на их позор взгляни!

Средь тысяч их найдешь ли одного,
В чем сердце обитает божество?

*

Придется ль мне до той поры дожить,
Когда без притч смогу я говорить?

Сорву ль непонимания печать,
Чтоб истину открыто возглашать?

Волною моря пена рождена,
И пеной прикрывается волна.

Так истина, как моря глубина,
Под пеной притч порою не видна.

Вот вижу я, что занимает вас
Теперь одно — чем кончится рассказ,

Что вас он привлекает, как детей
Торгаш с лотком орехов и сластей.

Итак, мой друг, продолжим — и добро,
Коль отличишь от скорлупы ядро!

*

Один из них, на возвышеньях сев,
Завел печальный, сладостный напев.

Как будто кровью сердца истекал,
Он пел: «Осел пропал! Осел пропал!»

И круг суфиев в лад рукоплескал,
И хором пели все: «Осел пропал!»

И их восторг приезжим овладел.
«Осел пропал!» — всех громче он запел.

Так веселились люди до утра,
А утром разошлись, сказав: «Пора!»

Приезжий задержался, ибо он
С дороги был всех больше утомлен.

Потом собрался в путь, во двор сошел,
Но ослика в конюшне не нашел.

Раскинув мыслями, решил: «Ага!
Его на водопой увел слуга».

Слуга пришел, скотину не привел.
Старик его спросил: «А где осел?»

«Как где? — слуга в ответ. — Сам знаешь, где!
Не у тебя ль, почтенный, в бороде?!»

А гость ему: «Ты толком отвечай,
К пустым уверткам, друг, не прибегай!

Осла тебе я поручил? Тебе!
Верни мне то, что я вручил тебе!

Да и слова Писания гласят:
«Врученное тебе, отдай назад!»

А если ты упорствуешь, так вот —
Неподалеку и судья живет!»

Слуга ему в ответ: «При чем судья?
Осла твои же продали друзья!

Что с их оравой мог поделать я?
В опасности была и жизнь моя!

Когда оставишь кошкам потроха
На сохраненье, долго ль до греха.

Ведь ослик ваш для них — скажу я вам,
Был, что котенок ста голодным псам!»

Суфий слуге: «Допустим, что осла
Насильно эта шайка увела.

Так почему же ты не прибежал
И мне о том злодействе не сказал?

Сто средств тогда бы я сумел найти,
Чтоб ослика от гибели спасти!»

Слуга ему: «Три раза прибегал,
А ты всех громче пел: «Осел пропал!»

И уходил я прочь и думал: «Он
Об этом деле сам осведомлен

И радуется участи такой.
Ну, что ж, на то ведь он аскет, святой!»

Суфий вздохнул: «Я сам себя сгубил,
Себя я подражанием убил

Тем, кто в душе убили стыд и честь,
Увы, за то, чтоб выпить и поесты!»

СПОР ГРАММАТИКА С КОРМЧИМ

Однажды на корабль грамматик сел ученый,
И кормчего спросил сей муж самовлюбленный:

«Читал ты синтаксис?» — «Нет», — кормчий отвечал.
«Полжизни жил ты зря!» — ученый муж сказал.

Обижен тяжело был кормчий тот достойный,
Но только промолчал и вид хранил спокойный.

Тут ветер налетел, как горы, волны взрыл,
И кормчий бледного грамматика спросил:

«Учился плавать ты?» Тот в трепете великом
Сказал: «Нет, о мудрец совета, добрый ликом!»

«Увы, ученый муж! — промолвил мореход. —
Ты зря потратил жизнь: корабль ко дну идет!»

НАПУГАННЫЙ ГОРОЖАНИН

Однажды некто в дом чужой вбежал;
От перепугу бледный, он дрожал.

Спросил хозяин: «Кто ты? Что с тобой?
Ты отчего трясешься, как больной?»

А тот хозяину: «Наш грозный шах
Испытывает надобность в ослах.

Сейчас, во исполнение шахских слов,
На улицах хватают всех ослов».

«Хватают ведь ослов, а не людей!
Что за печаль тебе от их затей?

Ты не осел благодаря судьбе;
Так успокойся и ступай себе».

А тот: «Так горячо пошли хвататы!
Что и меня, пожалуй, могут взять.

А как возьмут, не разберут спроста —
С хвостом ты ходишь или без хвоста.

Готов тиран безумный, полный зла,
И человека взять взамен осла».

О ТОМ, КАК ХАЛИФ УВИДЕЛ ЛЕЙЛИ

«Ужель из-за тебя, — халиф сказал, —
Меджнун-бедняга разум потерял?

Чем лучше ты других? Смугла, черна...
Таких, как ты, страна у нас полна».

Лейли в ответ: «Ты не Меджнун! Молчи!»
Познанья свет не всем блеснет в ночи.

Не каждый бодрствующий сознает,
Что беспробудный сон его гнетет.

Лишь тот, как цепи, сбросит этот сон,
Кто к истине душою устремлен.

Но если смерти страх тебя томит,
А в сердце жажда прибыли горит,

То нет в душе твоей ни чистоты,
Ни пониманья вечной красоты!

Спит мертвым сном плененный суетой
И видимостью ложной и пустой.

О ТОМ, КАК ВОР УКРАЛ ЗМЕЮ У ЗАКЛИНАТЕЛЯ

У заклинателя индийских змей
Базарный вор, по глупости своей,

Однажды кобру сонную стащил —
И сам убит своей добычей был.

Беднягу заклинатель распознал,
Вздыхнул: «Он сам не знал, что воровал!

С молитвой к небу обратился я,
Чтобы нашлась пропавшая змея.

А ей от яда было тяжело;
Ей, видно, жалить время подошло...

Отвергнута была моя мольба.
От гибели спасла меня судьба».

Так неразумный молится порой
О пользе, что грозит ему бедой.

И сколько в мире гонится людей
За прибылью, что всех потерь лютей!

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ШУТ ЖЕНИЛСЯ НА РАСПУТНИЦЕ

Сказал сеид шуту: «Ну что ж ты, брат!
Зачем ты на распутнице женат?

Да я тебя — когда б ты не спешил —
На деве б целомудренной женил!»

Ответил шут: «Я на глазах у вас
На девушках женился девять раз —

Все стали потаскухами они,
Как почернел я с горя — сам взгляни!

Я шлюху ввел женой в свое жилье —
Не выйдет ли жены хоть из нее...

Путь разума увлек меня в беду,
Теперь путем безумия пойду!»

РАССКАЗ О НАПАДЕНИИ ОГУЗОВ

Разбой в степях привольных полюбя,
Огузы налетели, пыль клубя.

В селении добычи не нашли
И старцев двух, схватив, приволокли.

Скрутив арканом руки одному,
Кричали: «Выкуп — или смерть ему!»

А старец им: «О сыновья князей,
Что вам за прибыль в гибели моей?»

Я — беден, гол, убог. Какая стать
Вам старика бесцельно убивать?»

В ответ огузы: «Мы тебя казним,
Чтобы пример твой страшен был другим,

Чтоб сверстник твой, лишась душевных сил,
Открыл нам, где он золото зарыл».

Старик им: «Верьте седине моей,
Как я ни беден — он меня бедней».

А тот, несвязанный, вопил: «Он лжет!
Он в тайнике богатства бережет!»

А связанный сказал: «Ну, если так,
Я думал: я бедняк и он бедняк.

Но если будете предполагать,
Что мы условились пред вами лгать,

Его сперва убейте, чтобы я
Открыл от страха, где казна моя!»

КРИКИ СТОРОЖА

При караване караульщик был,
Товар людей торговых сторожил.

Вот он уснул. Разбойники пришли,
Все взяли и верблюдов увели.

Проснулись люди: смотрят — где добро:
Верблюды, лошади и серебро?

И прибежали к сторожу, крича,
И бить взялись беднягу сгоряча.

И молвили потом: «Ответ нам дай:
Где наше достоянье, негодяй?»

Сказал: «Явилось множество воров.
Забрали сразу все, не тратя слов...»

«А ты где был, никчемный человек?
Ты почему злодейство не пресек?»

Сказал: «Их было много, я один..
Любой из них был грозный исполин!»

А те ему: «Так что ты не кричал:
«Вставайте! Грабят!» Почему молчал?»

«Хотел кричать, а вору мне: молчи!
Ножи мне показали и мечи.

Я смолк от страха. Но сейчас опять
Способен я стонать, вопить, кричать.

Я онемел в ту пору, а сейчас
Я целый день могу кричать для вас».

ЗОЛОТЫХ ДЕЛ МАСТЕР И ЕГО ВЕСЫ

Раз, к золотому мастеру пришел,
Сказал старик: «Весы мне дай, сосед».

Ответил мастер: «Сита нет у нас».
А тот: «Не сито! Дай весы на час».

А мастер: «Нет метелки, дорогой».
Старик: «Ты что? Смеешься надо мной?»

Прошу я: «Дай весы!» — а ты в ответ —
То сита нет, а то метелки нет».

А мастер: «Я не глух. Оставь свой крик!
Я слышал все, но дряхлый ты старик.

И знаю я, трясущейся рукой
Рассыплешь ты песок свой золотой,

И за метелкою ко мне придешь,
И золото с землею подметешь,

Придешь опять и скажешь: «Удружи
И ситечко на час мне одолжи».

Начало зная, вижу я конец.
Иди к соседям с просьбою, отец!

Богатые соседи ссудят вам
Весы, метелку, сито... Вассалам!»

РАССКАЗ О ФАКИХЕ В БОЛЬШОЙ ЧАЛМЕ И О ВОРЕ

Факих какой-то (бог судья ему)
Лохмотьями набил свою чалму,

Дабы в большой чалме, во всей красе,
Явиться на собранье в медресе.

С полпуда рвани он в чалму набил,
Куском красивой ткани обкрутил.

Чалма снаружи — всем чалмам пример.
Внутри она — как лживый лицемер.

Клочки халатов, рваных одеял
Красивый внешний вид ее скрывал.

Вот вышел из дому факих святой,
Украшенный огромною чалмой.

Несчастье ждет, когда его не ждем, —
Базарный вор таился за углом.

Сорвав чалму с факиха, наутек
Грабитель тот со всех пустился ног.

Факих ему кричит: «Эй, ты! Сперва
Встряхни чалму, пустая голова!

Уж если ты как птица полетел,
Взгляни сначала, чем ты завладел.

А на потерю я не посмотрю,
Я, так и быть, чалму тебе дарю!»

Встряхнул чалму грабитель. И тряпье
И рвань взлетели тучей из нее.

Сто тысяч ключьев из чалмищи той
Рассыпалось по улице пустой.

В руке у вора лишь кусок один
Остался, не длиннее, чем в аршин.

И бросил тряпку и заплакал вор:
«Обманщик ты! Обманщику позор!

На хлеб я нынче заработать мог,
Когда б меня обман твой не увлек!»

О НАБОЖНОМ ВОРЕ И САДОВНИКЕ

Бродяга некий, забредя в сады,
На дерево залез и рвал плоды.

Тут садовод с дубинкой прибежал,
Крича: «Слезай! Ты как сюда попал?»

Ты кто?» А вор: «Я — раб творца миров —
Пришел вкусить плоды его даров.

Ты не меня, ты бога своего
Бранишь за щедрой скатертью его».

Садовник, живо кликнув батраков,
Сказал: «Видали божьих мы рабов!»

Веревкой вора он велел скрутить
Да как взялся его дубинкой бить.

А вор: «Побойся бога наконец!
Ведь ты убьешь невинного, подлец!»

А садовод несчастного лупил
И так при этом вору говорил:

«Дубинкой божьей божьего раба
Бьет божий раб! Такая нам судьба.

Ты — божий, божья у тебя спина,
Дубинка тоже божья мне дана!»

СПАСШИЙСЯ ВОР

Какой-то человек, войдя в свой дом,
Увидел вора, шарящего в нем.

Погнался он за вором, в пот вогнался.
И уж совсем он вора настигал,

Но закричал в ту пору вор другой:
«Эй, не беги, почтеннейший! Пстой!

Поди сюда, взгляни-ка — вот следы
К твоим дверям крадущейся беды!

Иди по ним, о добрый человек,
Чтоб не утратить все добро навек».

Подумал тот: «А вдруг ко мне опять
Другой злодей забрался воровать?»

Бегущего ловить какой мне прок?
Вернись-ка я скорей на свой порог.

А вдруг забравшийся ко мне злодей
Жену мою зарежет и детей!

Тот муж, видать, доброжелатель мой, —
Не зря советует спешить домой».

«О друг! — второго вора он спросил. —
Какие ты следы еще открыл?»

А вор ответил: «Видишь — три следа?
Вор этот подлый убежал туда!

За ним скорей, почтенный, поспешай,
Чтобы не скрылся этот негодяй».

«Ах ты, осел! — несчастный завопил. —
Ведь этот вор в моем жилище был,

Ведь я его почти уже догнал!
Ты задержал меня — и он удрал.

Ты мелешь о следах какой-то вздор!..
Что мне в следах, когда вот сам он — вор?»

А вор ему: «Увидя вора след,
Полезным счел я дать тебе совет».

Тот вору: «Или ты совсем дурак,
Иль сам ты вор. Всего вернее — так.

Я догонял, почти схватил его,
Ты закричал — я упустил его!»

Г А З Е Л И

* * *

О вы, рабы прелестных жен! Я уж давно влюблен!
В любовный сон я погружен. Я уж давно влюблен.

Еще курилось бытие, еще слагался мир,
А я, друзья, уж был влюблен! Я уж давно влюблен.

Семь тысяч лет из года в год лепили облик мой —
И вот я ими закален: я уж давно влюблен.

Едва спросил аллах людей: «Не я ли ваш господь?» —
Я вмиг постиг его закон! Я уж давно влюблен.

О ангелы, на раменах держащие миры,
Вздымайте ввысь познания трон! Я уж давно влюблен.

Скажите Солнцу моему: «Руми пришел в Тебриз!
Руми любовью опален!» Я уж давно влюблен.

Но кто же тот, кого зову «Тебризским Солнцем» я?
Не светоч истины ли он? Я уж давно влюблен.

* * *

Я видел милую мою: в тюрбане золотом,
Она кружилась и неслась и обегала дом...

И выбивал ее смычок из лютни перезвон,
Как высекают огоньки из камешка кремнем.

Опьянена, охмелена, стихи поет она
И виночерпия зовет в своем напеве том.

А виночерпий тут как тут: в руках его кувшин,
И чашу наполняет он воинственным вином.

(Видал ли ты когда-нибудь, чтобы в простой воде,
Змеясь, плясали языки таинственным огнем?)

А луноликой чашу ты поставил на крыльцо,
Поклон отвесил и порог поцеловал потом.

И ненаглядная моя ту чашу подняла
И вот уже припала к ней неутолимым ртом.

Мгновенно искры понеслись из золотых волос...
Она увидела себя в грядущем и былом:

«Я — солнце истины миров! Я вся — сама любовь!
Я очаровываю дух блаженным полусном».

* * *

Я — живописец. Образ твой творю я каждый миг!
Мне кажется, что я в него до глубины проник.

Я сотни обликов создал — и всем я душу дал,
Но всех бросаю я в огонь, лишь твой увижу лик.

О, кто же ты, краса моя: хмельное ли вино?
Самум ли, против снов моих идущий напрямик?

Душа тобой напоена, пропитана тобой,
Пронизана, растворена и стала как двойник.

И капля каждая в крови, гудящей о тебе,
Ревнует к праху, что легко к стопам твоим приник.

Все тело брэнное мое: лишь глина да вода...
Но ты со мной — и я звеню, как сказочный родник!

* * *

Вы, взыскующие бога средь небесной синевы,
Поиски оставьте эти, вы — есть Он, а Он — есть вы.

Вы — посланники господни, вы пророка вознесли,
Вы — закона дух и буква, веры твердь, ислама львы,

Знаки бога, по которым вышивает вкривь и вкось
Богослов, не понимая суть божественной канвы.

Вы в источнике бессмертья, тленье не коснется вас,
Вы — цинковка всеблагого, трон аллаха среди травы.

Для чего искать вам то, что не терялось никогда?
На себя взгляните — вот вы, от подошв до головы.

Если вы хотите бога увидеть глаза в глаза —
С зеркала души смахните муть смиренья, пыль молвы.

И тогда, Руми подобно, истиною озарясь,
В зеркале себя узрите, ведь всевышний — это вы.

* * *

О правоверные, себя утратил я среди людей.
Я чужд Христу, исламу чужд, не варвар и не иудей.

Я четырех начал лишен, не подчинен движенью сфер,
Мне чужды запад и восток, моря и горы — я ничей.

Живу вне четырех стихий, не раб ни неба, ни земли,
Я в нынешнем, я в прошлом дне — теку, меняясь, как ручей.

Ни ад, ни рай, ни этот мир, ни мир нездешний — не мои,
И мы с Адамом не в родстве — я не знавал эдемских дней.

Нет имени моим чертам, вне места и пространства я,
Ведь я — душа любой души, нет у меня души своей.

Отринув двойственность, я вник в неразделимость двух миров,
Лишь на неезираю я и говорю я лишь о ней.

Но скорбь, раскаянье и стыд терзали бы всю жизнь меня,
Когда б единый миг провел в разлуке с милою моей.

Ты до беспамятства, о Шамс, вином и страстью опьянен,
И в целом мире ничего нет опьянения нужней.

* * *

«Друг, — молвила милая, — в смене годов
Ты видел немало чужих городов.

Который из них всех милее тебе?»
«Да тот, где искал я любимых следов.

Туда сквозь игольное мог бы ушко
Я к милой пройти на воркующий зов.

Везде, где блистает ее красота,
Колодезь — мой рай и теплица — меж льдов.

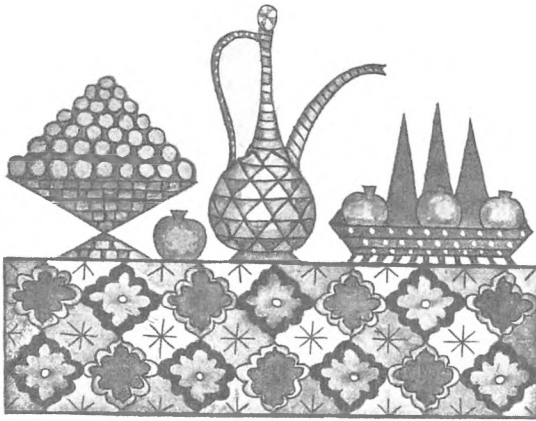
С тобою мне адовы муки милы,
Темница с тобой краше пышных садов;

Пустыня сухая — душистый цветник;
Без милой средь розовых плачу кустов.

С тобою назвал бы я светлым жильем
Могилу под сенью надгробных цветов.

Тот город я лучшим бы в мире считал,
Где жил бы с любимой средь мирных трудов».

КАМОЛ

ГАЗЕЛИ

* * *

Эта шумная улица кажется мне пустынной.
К самому себе я прикован здесь беспричинно.

Все брожу и мечтаю о милой своей отчизне...
О страна моя, родина! Вспомни заблудшего сына.

Если ты над собой не видал чужеземного неба,
Никогда не понять тебе, друг, и моей кручины!

Незнакомый язык... Непонятное пение птицы...
Здесь чужие дожди и чужая на обуви глина!

Глуховаты мы были к страданиям чужеземца, —
Ибо домом казалась любая родная долина.

Я чужой. Я брожу и мечтаю о родине милой...
О чужбина, чужбина, чужбина, чужбина, чужбина!

* * *

О, беспокойство снова и снова!
Дерзкая шутка мира земного!

Где твоя жалость, ветренный идол?
Кто ты — не может выразить слово.

Камень не мог бы вытерпеть столько!
Нет, не знавал я в жизни такого...

Боль причиняешь, вновь покидаешь,
К выходкам резвым вечно готова!

Если умру я в горькой разлуке,
Ты и не вспомнишь смеха бывшего...

Слез моих жемчуг топчешь ногами:
«Что ж, — отвечаешь, — в этом дурного?»

О, не печалься из-за Камола:
Быть одиноким — вовсе не ново!

* * *

Едва подует ветер с гор — он лепестки цветов сорвет,
Вода в арыках забурлит — роса на розу упадет.

Расцвета розы ждет нарцисс — он тоже расцветет тогда,
Молчат самшит и кипарис, лишь соловей поет тогда.

Хвала тому, кто услышал дыхание садов весной,
Познал благоуханье роз и соловьиный зов ночной.

Придет красавица в луга сказать, что я недаром жду,
Что плод желания созрел и роза расцвела в саду.

Но каждый, кто хоть раз видал ее лицо в тени волос,
Теряя разум, забывал и кипарис, и запах роз!

Уста затмить своей красотой напрасно пожелал цветок,
С куста садовник рвет цветы, и ветер к лепесткам жесток...

Камол, пусть вянет жизнь твоя, как вянут от ветров цветы,
Обрел ты счастье на земле — цветенье розы видел ты!

* * *

Тропкою мужества, друзья, направимся назло сомненьям,
На щедрый дастархан с вином молитвенную утварь сменим!

Весна и молодость теперь, пора для радостей настала!
Дать бой когда, как не сейчас — благословенным днем весенним?

Мы, винопийцы, отреклись от злого отречения снова!
Ханжам урок преподадим без нетерпенья и с уменьем.

«Закон» и «вера» — звук пустой — на звуки лютни мы заменим, —
В живую воду превратим слова, подобные камням!

Мы, словно ищущий Лейли, неуловимого желаем:
Меджнуны в поисках бредут с неутомимым исступленьем...

Нам птицы с пиршества небес приносят вести о любимых:
Найдут ли постники приют, взбираясь к небу по ступеням?

— Камол! Ты в книгах у святош видал божественное имя...
Забуди! Не надо этих книг: и в грош мы ханжества не ценим!

* * *

Счастья без этих слов и мук пусть не имеем мы!
Только оплакивать скорбь разлук и разумеем мы...

Влажными стали у нас глаза и запеклись уста,
Высохли наши и плоть и кровь — так пламеңеем мы!

Нищими сделала нас любовь, но не хотим богатств,
Бросив сокровище двух миров, не оскудеем мы!

Сердце покинуло грудь мою, кто же теперь мой друг?
Ветер, несущий слова любви, — слушать умеем мы...

Если в кадилънице горя ты сердце мое сожжешь,
Скажут, что твой аромат в золе вечно лелеем мы...

Радостно мне, что другого ты спрашиваешь обо мне:
«Нищего гнать от своих дверей разве не смеем мы?»

* * *

Где солнце дневное проходит, там ночью луна,
Где атом кружится, там солнца природа видна!

Привратник, уйди! Я — под сенью заветной стены,
Светило придет — и свиданий придут времена!

Сквозь щелку врываясь, ликующий луч говорит:
«С тобой не расстанусь!» — и ты его гнать не должна.

Давно уже солнце за тучей волнистых волос, —
Распутай скорее, мне света улыбка нужна!

И молвил Камол: «Голова закружилась, болит!»
Сказала: «Не надо, мой милый, гулять допьяна!»

* * *

Та, что вечно ускользала, где она теперь?
Добрым людям не сказала, где она теперь...

Над бессонным изголовьем ранний ветерок!
От отчаянья спасала... где она теперь?

В ней одной — недуг и лекарь, а спасенья нет!
Исцеляла и терзала... где она теперь?

Сердце приняло царицу в келью бедняка,
Удержать ее дерзало, — где она теперь?

В мир разрушенный из храма жить ушла душа,
Как жестоко наказала! Где она теперь?

Не найдешь Камола в келье, нет и в кабаке...
Та, что плакать приказала, где она теперь?

* * *

Скажите друзьям, что я болен, а целебного зелья нет!
Скажите, что лекаря-друга над печальной постелью нет!

Ресницами стрел я ранен и пламенем глаз обожжен,
А той, что лечила бы смехом, полным веселья, — нет!

Ах, в городе гурий красивых — чужестранец совсем один,
Как будто бы правоверному здесь новоселья нет!

Пусть розы в садах не найдется — соперницей быть твоей,
И мне соловья — соперника с волшебной свирелью — нет!

— Не плачь, о Камол, — советуешь? Ослеп я уже от слез,
А здесь ни лекарства, ни лекаря в горестной келье нет!

* * *

Пусть горем я охвачен, печаль — моя отрада,
Мне, пленному, спасенья от плена и не надо!

Бесчинство этой жизни, разрушенной тобою,
Стократ благополучней спокойного уклада!

Ты судишь незаконно, казнишь несправедливо,
Но лучше я не знаю закона и обряда!

«Мне раб такой не нужен, ступай, — твердишь, — на волю».
Но рабство у любимой — от вольности ограда!

Душа твоя изменам глаза твои учила, —
Теперь ты ловкий мастер убийственного взгляда!

Ты знаешь, сердце стало затравленною дичью,
Таков закон охоты! Где ловчому преграда?

Камол, оставь надежды! Тяжка твоя дорога.
Но не пройдя пустыни — добраться ли до сада?

* * *

Почудилось розе благоуханье рубашки твоей —
И, ворот тугой разорвав на себе, вздохнула сильней,

Увидела тех, кто весной на полянах любит гулять, —
Атласным подолом коснулась ладоней людей!..

Луна молодая редко в небе гуляет, стыдясь:
Куда уж ей до совершенства твоих бровей?..

Когда ты напишешь об этих рубиновых алых устах,
Пусть кровь, а не киноварь каплет с калама, о грамотей!

Стрела из колчана, полного стрел, поразила меня,
Но если бы сотня их в сердце вонзилась — и то не больней!

Никем сотворенными быть не могли такие уста,
Лишь воле творящего из ничего — поклониться сумеи!..

С израненным сердцем Камол не твердит — пощади!
Увы, не надеясь, он молит о смерти кинжалы очей!

* * *

Душе уста-рубины милей самой души!
Стройней ты кипарисов — их славу сокруши!

Спроси смелее, сердце, у той, чей лик — любви:
— Что красоты красивей? Загадку разреши!

Приходы и уходы внезапные твои
Приятней дуновенья в полуденной тиши...

Вглянись на сердце друга, душа моя, скорей:
О, как оно прекрасно, цветущее в глуши!

Хорош рассказ Камола, но милые уста,
Его передавая, стократно хороши!

* * *

Дружить с божествами, чьи радостны лица, желаю!
Приди, виночерпий! — с вином подружиться желаю.

Где чанг полнозвучный — наставник с изогнутым станом?
Его красноречием вновь насладиться желаю!

Друзья упоения — лютня и сок винограда,
Как с единовверцами, с ними я слиться желаю!

Вчера еще песня мой слух опьяненный пленяла,
Пусть, о певец, это вновь повторится, — желаю!

Как меткие копы — ресницы играющей пери:
Дать собственной крови из сердца пролиться желаю!

Мир — тесная клетка, а воздух страны твоей сладок,
Туда улетела б души моей птица. Желаю!..

Поменьше болтай, о Камол, с вожаком каравана...
От хитрых тебризцев в Шираз удалиться желаю!

* * *

О, если по ее щекам, подобным розы лепесткам,
Алмазы чистых слез текут, — они тюльпану сердце жгут.

И солнце и луну смутит ее разящая краса,
В смущенье на ее цветник ложится по ночам роса.

К своим рубиновым губам подносит пиалу она...
Ах, слаще меда рот ее, хмельней старинного вина.

Малейший дунет ветерок — взлетает прядь ее волос,
Как будто ночь бежит с лица и утро на лице зажглось...

У милых ног ее, Камол, не золото и серебро,
А жемчуг слез ты рассыпай: лишь в них ведь все твое добро.

* * *

Кровь из очей струится, на мир гляжу в упор —
Лицо твое исчезло, и нет луны с тех пор...

Твой облик — все, что в мире есть подлинно живого, —
А прочее — рисунок и мертвенный узор...

Весна и полнолуние над улицей заветной,
Над прочими — безлунный чернеется простор...

О сладостной улыбке слова мои несладки,
Меж праздною мечтою и правдою — раздор.

Кудрей твоих далеких впиваю дуновенье —
Особенно сегодня всему наперекор!

Но увядает, гаснет Камол в тоске по милой,
Как пленник, что жестокий услышал приговор.

* * *

Сумасшедшим я стал оттого, что любовь жестока, —
Пусть и лекарем будет любовь, — не глядит свысока!

Говорят обо мне — я изгнанник из дальней страны?
Но влюбленные — всюду чужие, они — облака...

Ты не слушай меня, если розы веселый покой
Соловьиные стоны туманят хотя бы слегка!

О господь мой! Скажи мне, кто нищий у этих дверей, —
Не соперник ли мой, утаивший надежду пока?

Слух наставника тонкий нельзя никому обмануть, —
Он прекрасного требует, не потерпев пустяка!

«Другом буду тебе, — говоришь, — но вдали от тебя...»
Иль напрасно брожу, если вечная цель далека?

День придет, о Камол! На утеху и радость любви
Другу сердце твое не твоя ли доставит рука?

* * *

Земля весною ранней тобой благоухает,
Тебя едва увижу — печаль моя стихает...

И мне, и всем, и саду лицо твое приятно!
Нарцисс о кипарисе слезами истекает...

Я цветников не слышу: меня благоуханье
Той улицы заветной повсюду настагает...

И венчика нарцисса глаза твои живее!
Их пламя колдовское то жжет, то потушает...

Камол в лицо такое глядит не отрываясь:
Тебя предпочитая, о розе не вздыхает!

* * *

Я спросил ее: — Кто ты и как тебя звать? — Отвечала: — Спроси у
луны.
— Но имеют ли имя кораллы-уста? — Возразила: — Души лишены!
— Но имен своих вовсе не знают цветы! Кто такой — этот розовый
рот? —
Улыбнулась одними губами опять: — Для улыбок цветы рождены!

Рассказал я: — С фонариком вор приходил этой ночью и сердце
украл! —

Показала: — Вот родинки — след и печать, как разбойничья совесть,
черны!

Я сказал: — Мою голову наземь, дитя, ты кидаешь, как мяч, —
но зачем? —

Ей приятно с кудрями моими играть; для игры човганы даны!

Я сказал: — Не слышали мы здесь о войне, а в груди моей тысячи
ран! —

Отвечала: — Ресницы возлюбленной, знай, как смертельные копья,
длинные!

Я спросил: — О Камол, за кудрями ее по какой ты дороге пойдешь?
— Выйди с утренним ветром, — сказала, — гулять и шагай до
индийской страны!..

* * *

Друг мой слезы увидел, меня пожалеть он решился, —
Щедрый, славный, над нищим склониться не устранился!
Змеи висят за ушами, на серебро они падают, —
Обе косы полюбил я и дважды рассудка лишился!
Слишком глаза твои пьяны: два близнеца-разбойника!
Есть и кинжалы у них, каждый вооружился!
Надвое сердце расколот, но, будто неверная грамота,
Мудрости нам не прибавили — вот я о чем сокрушился!
Стыд и печаль и терпенье в бедной душе обитают...
Пьян был чудак одураченный — снова слезой освежился.
Нет у Камола помимо горя и бед собеседников!
С ними беседой не брезгует: с ними давно подружился!

•

* * *

О мое упоение! Кудри твои из того же
Вещества, что и тонкие струны души, но дороже.

Вот причесывать стал ветерок гиацинты, и кудри
Сыплют лучшую амбру на это цветочное ложе!

Рассказали тебе о моем безнадежном безумстве
Только кудри твои — потому, что им жалок прохожий!

Говорю, на самшит, что неистовым ветром растерзан,
Тяжело извиваясь, — курчавые косы похожи!

Если сделать душистое масло из слез гиацинта —
И такое, боюсь, недостаточным окажется все же,

Чтобы косы твои, трижды благоуханные, вымыть, —
Ведь ни мускус, ни амбра так сладко не пахнут, о боже!

Кто украл эти кудри из верных ладоней Камола
И укрыл под венцом? Иль тебе мой соперник дороже?

* * *

Как сердца священный сосуд разбить, растоптать ты могла!
Неверности только верна ты, а преданность предала!

Сердца разбивают влюбленным высокие арки бровей, —
Я видел разбитые чарки, я мертвые видел тела...

Предутренный ветер уносит надежду на ласковый взор, —
Лишь эта мечта сердцевиной сердец упоенных была!

Не стыдно ли райскому дереву осанке твоей подражать?
Его кривизну обнаружив, ты честь у него отняла!

Пера язычок попытался в письме твое имя сказать, —
Убит, пополам расщепленный, — так боль расставания зла!

Ты молвила: «Кровью Камола следов моих пыль окупи...»
Ну, что ж, — понимает великий; цена ему в мире мала!

* * *

Пусть губы смеются и смех не замрет никогда!
Ты — сахар и жемчуг!.. Не ведай забот никогда!

Найти в сундучке приказала ты розовый пластырь,
Но сердце разбитое не заживет никогда...

Прочь кисть живописца с лохматой ее головою!
Сама покажись! Не обиден твой гнет никогда!

Хлопочет Камол, чтоб собакой лежать у порога:
Ведь ножку кумира гордец не сожмет никогда!

* * *

Лун, что, как ты, недоступно горды, я не видел.
И над собою счастливой звезды я не видел.

Высох я. Стал я подобен изглоданной кости —
Даже у псов твоих худшей еды я не видел.

Люди считают любовное горе тяжелым, —
Видя тебя, в нем особой беды я не видел.

Ты — как стрела, я — как лук, что согнули печали,
Встарь меж стрелою и луком вражды я не видел...

Сердце мое — как песок, пропускающий влагу.
Где же на нем этой влаги следы? Я не видел.

Слезы Камола до двери твоей докатились —
Даже в садах столь обильной воды я не видел.

* * *

Верящий в ее неверность поступает справедливо.
В договор вступил я честный с той, что действует фальшиво!

Я речам очей лукавых недоверчиво внимаю:
Слово пьяных и неверных редко не бывает лживо.

Милая сулит свиданье, как лекарство от недуга,
Но скажу я правду: это обещанье не правдиво.

Прелесть уст ее пунцовых на устах у всех повсюду,
Я же рта раскрыть не смею, чтоб сказать про это диво.

Как играть в човган? Разбиты все мячи сердец влюбленных,
На плечах игруньи кудри сплошь изогнуты игриво...

Знатоки придут в смятенье, если подлинный ценитель
Им прочтет стихи Камола вдохновенно и красиво.

* * *

Почему моя любимая постоянно обижается?
На обиженного ею же, как ни странно, обижается.

Говорю ей: полно, милая, почему ты так воинственна?
Где найдешь ты друга лучшего, без изъяна? Обижается...

О любви молчу безропотно, ведь она как роза нежная,
Что на ветра дуновение утром рано обижается.

Лучше я сдержу рыдания, спрячу глубже боль ревнивую,
Раз она так привередлива, так неожиданно обижается.

Если не оделит взгляд ее оба глаза лаской поровну —
Порознь каждый на рассеянный взгляд желанной обижается.

Думает Камол: наверное, тот любви не знает истинной,
Кто на милую обидчицу беспрестанно обижается.

* * *

Горе мой собеседник, а других не бывает.
Без друзей обхожусь я — в скорби их не бывает.

Озабочены люди мира неправотою,
У меня той заботы, что у них, — не бывает.

Мне вселенною стала страсть к моей, несравненной,
В голове и крупницы дум иных не бывает.

Кто со мною сравнится красноречьем любовным,
Ведь газелей, достойных глаз таких, — не бывает.

Горя, боли и тягот у меня сколько хочешь,
Все ж счастливей и краше дней моих не бывает.

С той поры, как ты скрылась навсегда, — у Камола
Беспечального сердца, глаз сухих не бывает.

* * *

Всю правду о любимой я сердцем друга знаю,
Я, а не ты, соперник, — добра ль подруга, знаю.

Зачем кебаб из сердца любовь любимой дарит
И как отныне сердцу придется туго — знаю.

Я сам нередко плакал от горестей любовных, —
Как соловей рыдает над розой юга, — знаю.

Спроси меня о вихре ее волос — отвечу:
Что значит для скитальца ночная выюга, — знаю!

Ты слышишь, ветер шепчет: — Отдай мне эти кудри,
Ведь я все ароматы садов и луга знаю.

— Не плачь, Камол, от боли, — любимая сказала, —
Бессилен врач, но средство я от недуга знаю.

* * *

Та, кого зовут зеницей ока моего,
Знает: без нее не вижу в мире ничего.

Много у нее уловок, лучшая из всех —
Убивающее душу взгляда колдовство.

Подстрелил стрелок оленя, но не знает дичь,
Кто ее смертельно ранил, кто и для чего...

— Заплети потуже косы, — тщетно я просил. —
Треплет ветер их, смущая друга твоего.

Тронув завиток, я умер. А она мне: — Что ж,
Ты желанного добился, только и всего!

Но когда на прах Камола тень кудрей падет —
В тело мертвого вернется вновь душа его.

* * *

О ты, чей жестокий обычай людские сердца разбивать,
Послушай, нельзя же и дружбу коварством лжеца разбивать!

Боюсь, что осколками сердца поранишь ты ноги свои.
Зачем же хрусталь драгоценный такого ларца разбивать?

Раз в жизни могла б ты позволить коснуться твоих завитков!
Нельзя же все чаянья нищих с упорством скупца разбивать!

Миндаль и фишашки ценимы лишь сходством с глазами и ртом,
Открой их, обидно же цельность такого лица разбивать.

Бессмертья и жизни Камола ты просишь за встречу одну, —
Сбей цену! Должна ли две жизни корысть продавца разбивать?

* * *

Сбылись заветные желанья души моей:
Всю ночь я был окутан шелком ее кудрей.

В силках волос я бился птицей, зато душа
Была свободна от жестоких своих цепей.

Не смог свести я глаз влюбленных с ее ресниц,
Хотя был тяжко ранен взглядом ее очей.

Чтоб жаркою щекой коснуться ее ступни,
Я омывал лицо слезами сто долгих дней.

Взметнулся я, как семя руты в огне печи,
Чтоб глаз дурной не угрожал мне разлукой с ней.

Лицо любимой защитило тебя, Камол,
От унижительной и горькой судьбы твоей!

* * *

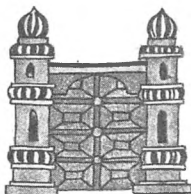
С каждым днем все сильнее к тебе я влеком.
Я подобной печали не знал ни о ком.

Сердце жарким костром полыхает в груди, —
Ни ему, ни рассудку покой не знаком.

Если благоразумным попробую стать —
Назовут меня люди смешным чудаком.

Сердце, то, что порой ты фальшивым зовешь,
В бессердечных руках стало грязи комком.

С той поры, как ты стала Камола терзать,
Он любовной премудрости стал знатоком.

* * *

Не заставляй с лукавым взглядом, исполненным огня, сражаться.
Как удрученному заботой с бедой день изо дня сражаться?!

Цепей своих волос кудрявых не отдавай зефиру в руки,
С ним, благодатным, нам, ревнивцам, зачем, его кляня, сражаться?

Я у дверей твоих, как нищий, всю ночь стоял. Молчи об этом,
Чтобы не стал со мной завистник, соперника вина, сражаться.

К твоим ногам меня повергни, пронзи стрелой одной ресницы,
Но не вели душе и телу — они навек родня — сражаться.

Кинь завиток волос Камолу — давай помиримся на этом.
С тобой, так пламенно любимой, не заставляй меня сражаться.

* * *

Избежать очарованья невозможно для людей,
Я уже подставил шею под кинжал в руке твоей.

Страсть моя к тебе не меньше, чем владычество стихий.
Сам стремлюсь к тому кинжалу, а ведь мог бы быть умней!

— Уступи меня другому, — дерзко молвила мне ты.
Чашу моего терпенья криво держишь, не пролей!

Кто прочел мои газели — увидал ее портрет.
В ком и черпать вдохновенье для искусства, как не в ней?

Вежливого обращения не дождешься от нее.
Уноси мои пожитки, ветер, от ее дверей!

Говорит народ: подальше убегай от женских чар,
Даже днем не уберечься от сетей ее кудрей.

Вот Камол тайком коснулся этих шелковых жгутов,
Так повесь на них же вора, о красавица, скорей!

* * *

Слезы бегут по лицу твоему ежечасно.
Стоны мои улетают во тьму ежечасно.

Есть кипарис на лужайке, увенчанный розой.
Как же губам не стремиться к нему ежечасно?

Если не милое имя твое, дорогая,
Что ж называть языку моему ежечасно?

Ранишь ресницами всех ты и справа и слева,
Луки бровей угрожают уму ежечасно.

Пыль от шагов твоих очи сурьмой обвела мне, —
Видеть бы людям на них ту сурьму ежечасно!

Тело Камола с душою его неразлучно —
Оба стремятся они к одному ежечасно.

* * *

Серебро двух рук бесценных в рукавах ты бережешь,
А цена сердцам уставшим от страданий — медный грош.

На чужбине рассыпаю жемчуг одиноких слез,
Ты ж над жемчугом и мною и слезинки не прольешь.

Что ж утехой послужит мне на пиршестве любви?
Кровь — вино, скорбь — собеседник. Не на тризну ль пир похож?

Говорят, соперник страшен, но когда свиданья жду —
Я не ведаю боязни, для меня весь мир хорош.

Но когда-нибудь я все же верный острый меч спрошу:
— Скоро ль недруга, о друг мой, надвое ты рассечешь?

Не считай Камола нищим, будет честью для него
Называться просто пылью, по которой ты пройдешь.

* * *

Если ночью луноликая в сад без покрывала выйдет, —
Значит, солнце до зари еще, разгоревшись ало, выйдет.

Мучает меня бессонница, словно соль глаза мне щиплет,
Пусть из глаз слезами горькими соль, что в них попала, выйдет!

Я отчаяньем и горечью пламя очага питаю,
Кровь моя из сердца бедного, что кебабом стало, выйдет.

Где следок замечу узенький — там я вынимаю землю,
И вода наружу чистая там, где ты ступала, выйдет.

* * *

Утром влюбленный с молитвой на жарких устах
Ищет дыханья любимой в священных словах.

На голове, как безумный, идти я готов,
К милой пути не найдешь, коль стоишь на ногах.

Полно вам плакать над тем, кто любовью убит.
Многих живущих живей утонувший в мечтах.

Плачущий, горькие слезы на землю роняй, —
Пыль из-под ног ее жалко смывать на щеках.

Воздух и ветер деревьям и розам нужны, —
Не от ее ли дыханья цветенье в садах?!

Тщетно вы ищите мускуса у кабарги —
Мускус душистый сегодня на этих кудрях.

Слышал Камол, что стихи его — бред, колдовство,
Что же так любо друзьям его в этих стихах?

* * *

Вне себя от нежной страсти — к милой смело убегаю.
И от горького земного я удела убегаю.

Хорошо, что быстроногим и проворным я родился,
От печали, чтобы сердце не скорбело, убегаю.

Кто меня застанет дома, если я свой дом покинул,
Если от всего, что раньше душу грело, убегаю!

Вижу я, что у порога моего стоит соперник, —
И, как нищий от собаки, ошалело убегаю.

Милая лишь раз внезапно убежала от Камола —
Я же от ревнивой муки то и дело убегаю.

* * *

Чем я снова заслужил равнодушное презрень?
С недостойными — добра, что тебе мое смирень!

Сто ночей провел без сна, а как встретились мы утром,
Не узнала ты меня, изменило, верно, зренье.

Для чего меня, как воск, расплавляешь ежечасно,
Если цель твоя — моей преданной души сожженье?!

Исподлобья посмотрел я на тоненькие брови,
Сердце шепчет: я опять потерпело поражение.

Ты гарцуешь на коне перед войском побежденным.
Но лежачего не бьют, — не довольно ль униженья?

Дым от пламени души поднимается, как знамя,
Для чего же мой кумир жаждет нового горенья?!

Разве диво, что Камол ныне стал твоей добычей, —
Сокол выпущен тобой на птенца без оперенья.

* * *

Ты в состязанье победила, всех за собою увлекла.
Фисташки губ полуоткрыла — зубов резьбою увлекла.

В тот день, как в шахматы терзаний, со мною начала играть —
Ладью мою и все, что было моей судьбою, увлекла.

Бесценный жемчуг аравийский в ее серьгах нам говорит,
Что розовую мочкой — сердце она б любое увлекла.

Я пролил столько слез о милой, что, как соломинку подняв,
Меня вода к ее подножью волной прибоя увлекла.

Я при смерти был на чужбине, но тяга к родине меня
На крыльях дум о черных косах для встреч с тобою увлекла.

Камол, то сердце, что могло бы еще сто лет служить тебе,
Она одним лукавым взглядом, увы, без боя увлекла.

* * *

Жизнь прошла, а другом ты не стала до сих пор.
Притесняешь нас и мучишь, как бывало, до сих пор.

Удивительное дело: столько вздохов, столько слез,
А тебя не беспокоит наше горе до сих пор!

Пьян любовью, нарушаю ныне трезвости обет,
Хоть вино меня нисколько не прельщало до сих пор.

Изнемог я, истомился от недуга своего,
Как же сердце от желаний не устало до сих пор?

Каждый человек находит выход из тюрьмы страстей.
А Камол в цепях любовных с дней начала до сих пор.

* * *

В ночь, когда снова вспыхнет огонь, что давно погас, —
Снова светильник счастья зажжется в полночный час.

Длинным, как волос милой, да будет фитиль,
Длинней, чем нить в иголке, да будет время для нас!

Нежной своей улыбкой огонь раздуваешь ты,
Сыплешь мне соль на рану — сверкает соль, как алмаз.

Если черное войско из Рума ты приведешь —
Мускус в Китае станет дешевле во много раз.

Если в Индию птица Камола песнь занесет —
Там соловей захочет воспеть огонь твоих глаз.

* * *

Мучим ревностью к стану ее кипарис на лугу.
Холодит его ноги вода ручейка на бегу.

Посмотри, от смущенья расплавилось зеркало вод,
Отражая, как розу, красавицу на берегу.

Не хочу я рассказов о еѳ разбитых сердцах,
Я, наслушавшись их, в сердце горести не сберегу.

Если срежут мне голову, как для калама тростник, —
Я приставлю другую и мозг той же страстью зажгу.

Эти губы украли и спрятали сердце мое, —
Покажи мне его, не приравнивай друга к врагу.

Чтоб колючки печали не смять под ногами в пути —
Превращу их в ресницы, чтоб взгляд твой сиял в их кругу.

Ты сказала Камолу: — Терпи, не смотри на меня. —
Прикажи мне другое, а этого я не могу!

* * *

Чтоб любоваться тобой, мало мне жизни одной.
Мне бы вторую прожить, только в две жизни длиной!

Ты мне сказала: не плачь, сердце твое исцелю.
Сердце разбито тобой, как исцелится больной?

По морю скорби плыву, — родинка с нежной щеки
Смотрит спокойно, как я с бурной сражаюсь волной.

Роза с нарциссом глядят грустно на прелесть твою.
Слезы у них на глазах и на одежде цветной.

Есть ли дорога без слез к легким твоим завиткам...
Без путеводной звезды путь невозможен ночной.

Веки смежает Камол, ни на кого не глядит.
Если ж закрыты глаза — мир нам не виден земной.

* * *

Если идешь ты меж роз — то бойся дороги опасной, —
Ноги шипами поранишь и руки с их кожей атласной,

Если заботливо спросишь: как твое сердце? — отвечу:
Спрашивать так о болящем — это обычай прекрасный.

Уж не от слез ли влюбленных черные кудри так вьются.
Только не слишком ли тяжек шее их груз ежечасный?

Хочешь святых поразить ты прелестью дивной своею.
Но не святыня ли чудо этой красы сладострастной?!

Все эти сладкие речи друга-поэта созданье,
Или за мной повторяет он их с надеждой напрасно?

Если Камол запевае песню о страсти к любимой, —
Должен покорно умолкнуть сам Саади сладкогласный.

* * *

Я спросил: человек или ангел ты? Говорит: и то и другое.
Сахар ты или соль на пиру мечты? Говорит: и то и другое.

О, скажи мне — тростник или жемчуг ты драгоценный со дна
морского?
Иль цветок, затмевающий все цветы? Говорит: и то и другое.

Я спросил: для того, кто тебя узрел, — это зеркало или месяц
Заблестали нежданно из темноты? Говорит: и то и другое.

Я спросил: что задумала втайне ты, — помутить ли мой бедный
разум
Или сердце рассечь мечом красоты? Говорит: и то и другое.

Я сказал: ты — утраченная душа, где ее отыскать — не знаю.
Совість сердца ты, взор ли самой правоты? Говорит: и то и другое.

Я взмолился: скажи, ты лишь обо мне, о Камоле, столь мало знаешь
Иль совсем далека мирской суеты? Говорит: и то и другое.

* * *

Ливень цветы оросил, и задрожала роза.
В зазеленевшей воде лик отражала роза.

Выпрямился кипарис, вскинул нарцисс ресницы.
Ранила их красотой и без кинжала роза.

Счастливо сердце того, кто по весне знал радость,
Пели ему соловьи, благоухала роза.

Друг, посетивший сады, с доброй пришел к нам вестью:
Мак зазелел в цветнике, без покрывала роза.

Я попытался писать повесть о том, что было...
Ветер судьбы разорвал все, что внушала роза.

Жизнь такова, о Камол, — гибнем от вздоха ветра.
Грез несвершенных моих так же увяла роза.

* * *

О сердце бедное, скажи, — где золото, где мощь твоя?
Из-за прелестниц — нищим стал я от хмельного питья.

Вино — рубин, а чаши цвет — как изумруд иль глаз гадюки,
Я пью до дна, чтоб ты ослеп, завистник — времени змея!

О тех, кого меж нами нет, пускай расскажет виночерпий,
Чтоб стала солона от слез напитка горькая струя.

Превозносили до небес в былые годы Сулеймана.
Теперь, — ячменных зерен горсть, — он стал добычей муравья.

Я этот мир сравню с пчелой. В его уладах много меда,
Но жало горечи и зла таится в чаше бытия.

Камол ослаб! Он, как свеча, роняет слезы золотые:
— Дождусь ли я свиданья с той, в ком золото и мощь моя?

* * *

Паломники о твой порог напрасно расшибают лбы.
Не сердце в мраморной груди, а черный камень Каабы.

Душа души — твои уста. Недаром голова моя
Достойней места не нашла, чем прах вблизи дверной скобы.

На землю тень отбросишь ты — и роз багрец, и зелень трав
Появятся на месте том, где вихрились песка столбы.

Ресницы взмокли у меня. Такого ливня мир не знал,
Когда сгушались в небесах несчетных облаков клубы.

— Во что ты ценишь поцелуй? — спросил. Спросила: — Что ты
дашь? —

Ответил: — Жизнью заплачу, ценою собственной судьбы!

А слезы хлынули, блестя, из самой сердца глубины
И начертали на лице твоём, Камол, слова мольбы.

* * *

Я губы и кудри искал, и вдруг — уколело — нашел!
Источник бессмертья среди зеленого дола нашел.

Блаженство за гробом сулят молеельщикам, старцам святым.
Я счастье земное свое — не рай богомола! — нашел.

Охотой красавиц пленясь, я кудри Айяза нашел, —
Силок, захвативший врасплох владыку престола, — нашел.

Рабов притесняли, как ты, царицы во все времена!
В объятьях державной красы я жертв произвола нашел.

На улице, пери, твоей Камола я долго искал
И, — прахом у двери твоей, лишенным глагола, — нашел.

* * *

От несравненной красоты я должен, по словам ханжи, отречься!
Пускай аллаха молит он, дабы помог ему от лжи отречься!

Сказал святоша: «Перестань валяться у ее дверей, рыдая!»
Не может нищий от мольбы — как на него ты ни брюзжи! —
отречься.

Двоякого исхода ждет несчастный, в эту красоту влюбленный:
Его соперник умертвит или вынудит от госпожи отречься!

Когда внезапный ветерок исходит от ее кудрей душистых,
На рот прелестный не смотри, от пылких взглядов поспеши отречься.

Все в кабачок ушли. Никто не внял твоим, достойный шейх,
призывам!
Кого заставишь от вина, — возненавидев кутежи, — отречься?

Наставник подлинный не тот, кто скажет: «Воздержись, Камол,
от пьянства!»
Коль истинный наставник ты — от воздержанья прикажи отречься.

* * *

О кравчий, праздника хочу: веселья мне мила стезя.
В кабаке дорогу я ищу: похмелья мне мила стезя.

Кто богу жаждет угодить — кабаке влюбленным завещай,
Чем строить путникам приют, благочестиво лебезя.

Ханже в день Страшного суда не перейти через ручей,
А пьяница осилит мост над адской бездной, не скользя.

Проваливай, почтенный шейх, и на пропойцу слов не траты!
Я только с милой говорю да с чашей — всем другим дерзя.

Куда как плох соперник мой! Должно быть, город опустел!
На голой шахматной доске из пешки делают ферзя.

Старайся не спешить, Камол, при описаньи губ и щек!
В столь щепетильном деле быть неосмотрительным — нельзя.

* * *

Чтоб сахаром назвать уста — мы вдвое сласть его умножим.
Словами сладкими, как мед, мы губки две прославить можем.

Я стал описывать лицо, и полночь превратилась в день.
Рассказ о черноте кудрей мы на другую ночь отложим.

«Благоуханна и черна» — сказав о родинке твоей,
Воспоминая о кудрях мы снова душу растревожим.

К мечте высокой приравнять хочу я стройный кипарис
И то же самое сказать о стане, с кипарисом схожем.

Кровавыми слезами я разлуки повесть начертал
В пыли порога твоего, на удивление проходим.

Камола слезы описать — язык цветистый нам помог.
Твоих упреков и хулы бедняге избежать поможем.

* * *

Как зовется та, что надо мной захватила власть, — я не скажу!
Про нее ни слова не скажу, — не видать мне счастья! — не скажу!

Про лицо, укрытое чадрой, чтоб его не сглазил кто-нибудь,
Я гуляке, чей безумный взор полон сладострастья, не скажу.

Если даже спросят у меня: «Кто твою, бедняга, пролил кровь?» --
Сплетнику, лжецу, клеветнику, что глумились всласть, я не скажу.

Убивай меня на сто ладов — негой глаз, надменностью бровей.
Про твое злодейство никому я, ища участия, не скажу.

Горделивой стройностью твой стан даже древо рая превзошел,
А про кипарис я не скажу; чтобы в ложь не впасть, — я не скажу!

Если мне случится где-нибудь о сердцах жестоких говорить, —
Сразу вставлю слово о тебе. Про свою напасть я не скажу.

Если я Камолу опишу хоть собаку с улицы твоей,
Я ни слова о собаке той без подобострастья не скажу!

* * *

Вот уж праздник наступает. Время на луну глядеть.
Приоткрой чадру! Хочу я на тебя одну глядеть.

Ты — луна и праздник вместе! Косоглазым стану я,
Коль, от милой отвернувшись, на луну начну глядеть.

Обречешь ли на закланье нас на празднике другом?
Пред лицом твоим — что толку в празднике другом? — ответь!

Пост окончился. Нет нужды нам о пище тосковать!
Поскорее, виночерпий, принеси вино и снеды!

Смолкли прославления бога, четок щелканье и треск.
Но, клянусь постом, от шума стало в голове гудеть!

И молитвою Камола в этот вечер я клянусь:
Головную боль и дрязги больше не тащить в мечеты!

* * *

Водой соленой у меня от плача налились глазницы.
Зато от рассказней моих смежает сон твои зеницы.

Под сенью мягких завитков — сердитый узелок бровей:
Видать, наскучило тебе влюбленных слушать небылицы.

С восходом твоего лица, затмившего собой луну,
Мы свечи можем загасить. Не надо ждать лучей денницы.

Твои лукавые глаза как будто забрались в михраб,
Они под сводами бровей блестят сквозь черные ресницы.

Хмельную чашу осушил до дна во славу губ твоих
Монах, молещик, ничего не знавший, кроме власяницы.

Камол, пошли газель в Тебриз. Ты путь к Сурхабу преградил
Потоками кровавых слез, пролитых из-за чаровницы.

* * *

Сказала: «Вырви из души меня скорей!» — Не говори так!
Поскольку ты сама — душа души моей, не говори так!

Сказала: «Верности прямым путем идти — мне не дано!»
— Столь стройная, могла бы ты ходить прямой! Не говори так!

Сказала: «Будто в первый раз теряешь ты мою любовь!»
— Любовь моя, не говори таких речей, — не говори так!

«Не я лучи твоих надежд в ночную превратила тьму!»
— Скрывая белое лицо во мгле кудрей, не говори так!

«Из марева, — сказала ты, — не зачерпнуть воды вовек!»
— Не марево — твоя любовь! Она — ручей! Не говори так!

«Из дружбы, — молвила, — назвал меня душой своей Камол!»
— Что хочешь говори, — но, свет моих очей, не говори так!

* * *

У ручья мы побывали — и ушли.
Губ твоих не целовали — и ушли.

Хоть разлука сердце нам испепелила,
Мы к надежде не воззвали — и ушли.

В рощах мира не найдя себе приюта,
День-другой попиrowали — и ушли.

Оказался не про нас шербет свиданья!
Мы разлуки яд впитали — и ушли.

Вспомнив розу, — сто одежд, под стать Камолу,
На себе мы изорвали — и ушли.

* * *

Нас корит за пьянство постник и ревнитель благочестья.
Кравчий! Вздорным бредням — чашу как могу не предпочесть я?

Сколько есть влюбленных — плачут, стонут, будто от недуга.
Кто не ведал этой боли, пусть поплачет с ними вместе.

Чтоб свеча в опочивальню не проникла в ночь свиданья,
Вспыхни, утренний светильник, словно доброе предвестье.

Душу кинул бы охотно я в лицо тебе, как розу!
Нежная, — ты огорчишься, примешь это за бесчестье.

Жажду я с тобой свиданья, но мечте никак не сбыться:
Жребий самый несчастливый предсказали мне созвездья!

Назови рабом, лежащим у дверей твоих, Камола —
И смогу себя счастливецом величайшим в свете счесть я!

* * *

Для чего таиться мне от света? Я люблю тебя.
На любовь не наложить запрета. Я люблю тебя.

Естества мельчайшая частица, каждый волос мой
Служит мне, покуда — вот примета! — я люблю тебя.

Все равно, — найдешь себе жилище в сердце ли моем,
Будет ли душа тобой согрета? — я люблю тебя.

Стан твой предпочел я кипарису, а твое лицо
Мне милей тюльпана в час расцвета: я люблю тебя!

За твою неласковость, холодность — верностью плачу,
Потому что даже без ответа я люблю тебя.

В сердце — ты одна. Один из многих, сердце потеряв, —
Как зеницу ока, без завета я люблю тебя.

«Кровь твою, Камол, пролью, — сказала, — чтобы ты меня
Счел своим врагом!» — Но и за это я люблю тебя!

* * *

Когда б дорогу отыскать я мог на улицу твою,
Поверь, лицом зарывшись в пыль, пополз бы я, — зарок даю!

Рыданьем птицу б усыпил, чтоб крылья у нее украсть.
На крыльях краденых к тебе я полетел бы, — не таю.

Твой лунный лик во мгле кудрей увидел ночью звездочет
И говорит мне: — Берегись, грозит опасность бытию!

Коль нет, соперник, у тебя в запасе ласковых речей, —
Не надо мешкать: отнеси в подарок милой хоть мою!

Кудрям душистым невдомек, что я от их дурмана пьян.
Спросил я: — Как, мол, удалось вам душу уколоть мою?

Я зарыдаю от любви к устам румяным и тогда,
Когда горшечник превратит в твой винный кубок плоть мою!

* * *

Находясь в разлуке с милой — утопаю в океане.
Как воды бы жаждал пресной, — жажду я с тобой свиданья.

Сколько тысяч раз по кругу, в поисках тебе подобной,
И луна и солнце тщетно обходили мирозданье.

Заложив красы твердыню, ты бровей воздвигла своды.
В тот же миг рассудка зданье рухнуло до основанья.

О кудрях твоих известье слуха нашего коснулось,
И влюбленные в смятенье не смогли сдержать рыданий.

Если эти два двестишья пропоют певцы однажды,
Почитателем Камола станет каждый в Исфагане!

* * *

Кравчий, розы цветут! Злое зелье тоски бросим.
В чашу с алым вином — алых роз лепестки бросим.

Кипариса стройней нам плясунью найти нужно.
Сразу сердце свое под ее башмачки бросим.

Будем пить, не таясь. Пусть играет рубаб звонкий!
О беспутной гульбе слух во все уголки бросим.

Если вздумают шейх иль судья нас корить пьянством,
Мы таких с алтаря, званью их вопреки, сбросим.

В водоверти мирской волны бедствий, Камол, плещут.
Якорь нашей ладьи в устье винной реки бросим.

* * *

До чего противна мысль о монахе-изувере!
Кравчий, дай мне позабыть о его пустом примере.

Зря твердит наставник мой об уме и благочестье.
Кто отрекся от любви — чужд и разуму и вере!

Нашей боли не поняв, он бессмысленно бранится.
То безумцем назовет, то разумным, — лицемеря.

Естество мое еще было глиной и водою,
А уж сердцем я погряз в глине у порога пери.

О сожженных мотыльках спросим красоты светильник.
Их печальную судьбу знает он по крайней мере.

Из-за глаз твоих — мои кровью сердца изошли бы,
Но влюбленных мыслей рать заперла его преддверье.

Эй, Камол, беги любви, о красавицах не думай!
Страсть бесплодная сулит беспокойство и потери.

* * *

Дай руку, без тебя я сам не свой, любимая!
Подмогой будь, опорой будь живой, любимая!

Ты — солнце незакатное, а мы — ничтожны,
Под стать частицам пыли вихревой, любимая.

Щедрее будь! О милости к тебе зываю,
От нищеты страдая вековой, любимая.

Сердцами ты владеешь, а мое отвергла.
Ужель оно — поддельный золотой, любимая?

Все думы сокровенные тебе доступны.
За это я ручаюсь головой, любимая.

А я не знаю, с кем тебя сравнить, — не знаю,
Как мне проникнуть в мир заветный твой, любимая.

Всея вселенной падишах — Камол, покуда
Он раб, он пленник безответный твой, любимая!

* * *

Душе причиняешь ты горе одно, оставив для тела — другое.
У сердца несчастного горе одно, умом овладело — другое.

— К чему эти слезы? — спросила меня. Сказал я: — Не слезы,
а ливень! —

Но ты мне ответила: — Ливень — одно, а слезы, мол, дело другое!

Когда же спросил я про сладостный смех, про губы, румяней
чем розы,

Ты снова ответила: — Губы — одно, а розы, мол, дело другое!

Я слушать люблю укоризны твои! Бранись, драгоценная, пуще!
Коль слово твое не задело меня, подыскивай смело другое.

Сердечной взаимности дали обет мы с первого дня мироздания.
Так разве могу я вписать в договор, где нету пробела, — другое?

На верность красавицы этой, Камол, особенно ты не надейся.
Считай, что возлюбленной нет у тебя. Любовь без раздела — другое!

* * *

Хоть сердце ты мне разбила, любви к тебе в нем полно,
О боже, не дай, чтоб было на камень похоже оно.

Кому неведомы встречи с любимой наедине,
Тому неведомо счастье в отеческой стороне.

Возлюбленной поклонюсь и, словно пред ней в долгу,
Как страж, у ее порога весь век простоять могу.

Любое желанье милой готов исполнять и впредь,
Умру я, когда прикажет любимая умереть.

Камол, хоть сердце разбито, а все ж ты счастливей всех,
Не на седьмом ли небе ты был бы, познав успех?

* * *

Душа твоя — наковальня: мягкости нету в ней.
Знай, мои собеседницы — пылинки с твоих ступней.

Любовной томимый жаждой, забыл я о родниках,
Им ямочки предпочитаю я на твоих щеках.

Меня не пугает горе, и не боюсь я тревог,
Не потому ль, как безумец, стремлюсь я на твой порог?

Когда по цветам ты приходишь, боже тебя храни:
В цветах таятся колючки и могут ранить ступни.

Искусен был мастер, который создал тебя на свет,
Изящней и совершенней изделия в мире нет.

Камол, говорят, немало достоинств в твоих стихах,
Во славу их совершенства тебя наставлял аллах.

* * *

К безумным признаниям слухом не льнешь
И взглядом не льнешь, или я не хорош?

О перл драгоценный, скорбя и любя,
Я, нищий, ищу беспрестанно тебя.

Ты стала миражем влюбленных очей,
Единственной памятью страсти моей.

Потешась, ты ранишь меня, как булат,
И то, что ты рада, — я этому рад.

Умру — не забуду, как сладостно мил
Был твой поцелуй, что обещан мне был.

* * *

Сердцу к твоим опуститься стопам хорошо,
И уподобиться робким рабам хорошо.

Рабства такого клеймо всю бы вечность носил.
Царству, чья мощь неподвластна векам, хорошо.

Рад бы от локона скрыться навек... Убедать
От мятежа в успокоенный Шам хорошо.

Все же как радостно рядом с той родинкой быть,
Что же — охотника тянет к силкам — хорошо!

К милым ланитам стремятся немые уста,
В пору тюльпанов так пьянствовать нам хорошо.

Перед концом я хочу твой услышать привет,
Кончив письмо, написать: «васасалам», хорошо.

Больно, Камол, но газель, но творенье твое,
В коем есть поприще звучным словам, хорошо.

* * *

Друзья мои, вот — чаровница, которой сердце пленено.
Так никого во всей вселенной я не любил давным-давно.

О чем еще мечтать на свете узревшему ее ланиты?
И я гляжу, теряя разум и зрение, — в глазах черно!

Ты слушал ли о райском древе, растущем средь садов Эдема?
Дом девы — мой Эдем, а древо — стан тополиный — вот оно!

Ее волос, под легким ветром колышущихся, не коснуться —
Руками не уловишь локон, как цепи скользкое звено.

Молитвенный истертый коврик ты на дорогу мне вручила,
Но я иду с кувшином винным, и в голове моей — вино.

Столь много страждущих влюбленных к ее ногам в слезах упало,
Что локоны, стыдясь, укрыли ее стопы, как полотно.

Аскет сказал мне: «Будь разумен, Камол!» Но каждому известно,
Что так безумствует разумный, как и безумцу не дано.

* * *

Клейма любви на душах людей — счастья подлинный знак,
Тот, кто этого счастья лишен, — знает лишь горе и мрак.

Будешь ты беды мне посылать — я же хвалы воздавать,
Ибо слова благодарной хвалы есть прибавление благ.

Честь для меня — обратиться в пыль перед порогом твоим,
Если однажды псом назовешь, стану я ниже собак.

Раз у влюбленного слезы текут, знай, это — сладостный дождь.
Прочь от него не беги, аскет, не попади впросак!

О голова, не мучайся зря перед порогом ее,
Что ж ты от пыли ее ворот не оторвешься никак?

Ждут меня угли и цепи в аду, но не могу уйти,
Лики и локоны гурий в раю не привлекли бы так.

Только мечта о свидании с ней есть у Камола в душе —
Дервиша грезы, ринда хвалы, друга беспечных гуляк.

* * *

Только звякнет дверное кольцо, я вспомню любимой лик.
Сердце, вслушайся! Звон кольца, кажется, снова возник.

Я видел во сне, что в моих руках — локонов милой кольцо,
С тех пор на ладони моей мечты — благоуханий тайник.

На поле страсти сердце стучит, как мяч при човганбази,
Но локон с човганом сравнит глупец, тот, кто к лести привык.

На гордеца взгляни, что вчера молитвенный коврик нес, —
Сегодня катит большой кувшин — винный сосуд велик.

Камол, не хвались, что любимой любим, любезен ей что ни миг,
Покуда, розой взорвав бутон, не озарил цветник.

* * *

Дом у тебя под окном чаровницы есть.
Всюду безумцы, которым не спится, есть.

Локонов избежь, ведь он сердец похититель,
Палки не будет, но гребень в светлице есть.

Лунный твой лик ранил сердце и зренье —
Блеска луны в каждом доме частица есть.

Вот я горю, и у девы на щечке
Родинка, что, не сгорая, искрится, есть.

К месту радений отправились ринды.
Разве отшельники в их «веренице» есть?

Будь осторожен, швыряющий камни, —
Винный кувшин под моей власяницей есть.

Пусть у меня нет подарка для милой —
В своде газелей такие страницы есть.

ХАФИЗ

ГАЗЕЛИ

* * *

В царство розы и вина — приди!
В эту рошу, в царство сна — приди!

Утиши ты песнь тоски моей;
Камням эта песнь слышна! — Приди!

Кротко слез моих уйми ручей,
Ими грудь моя полна, — приди!

Дай испытать мне здесь, во мгле ветвей,
Кубок счастья до дна! — Приди!

Чтоб любовь дотла моих костей
Не сожгла, — она сильна! — приди!

Но дождись, чтоб вечер стал темней!
Но тихонько и одна — приди!

* * *

Блеск твой век непрерывным да будет,
Лик — цветущим тюльпаном да будет!

Жар любви в моем преданном сердце
День за днем постоянным да будет!

Кипарис, точно нун пред алифом,
Перед девственным станом да будет.

Жемчуг слез твоих вызвавший недруг
В токе крови багряном да будет!

От печали занывшее сердце
Беспокойным и странным да будет!

День свиданья презревшим разлуку
Дальним и тщетножеланным да будет!

Рот рубиновый — сердце Хафиза --
Для других ятаганом да будет!

* * *

Томлюсь по сладостным устам в мечтах неясных я,
О боже мой, чего хочу для столь прекрасных я?

Любимая! напиток мой — желание тебя,
И эту чашу сердца пью в ночах безгласных я.

Я от кудрей твоих вовек не оторвусь душой,
Запутался, как соловей, в сетях опасных я.

Какое имя носишь ты, пора бы мне узнать,
Чтоб мог любимую назвать в газелях страстных я.

Об осуждении толпы я мыслю... до любви ль?
Забыл бы все, когда б с тобой был ежечасно я.

Ты сеть сплела из роз ланит, сплела фиалки кос,
Хотела ты, чтоб век грустил о розах красных я.

Хафиз, ищи среди друзей возвышенных услад, —
Есть в дружбе то, чего искал в любви напрасно я.

* * *

Ты, чье сердце — гранит, чьих ушей серебро — колдовское литье,
Унесла ты мой ум, унесла мой покой и терпенье мое!

Шаловливая пери, тюрчанка в атласной кабе,
Ты, чей облик — луна, чье дыханье — порыв, чей язык — лезвие!

От любимого горя, от страсти любовной к тебе
Вечно я клопочу, как клопочет в котле огневое питье.

Должен я, что каба, всю тебя обхватить и обнять,
Должен я, хоть на миг, стать рубашкой твоей, чтоб вкусить забытья...

Пусть сгниют мои кости, укрыты холодной землей, —
Вечным жаром любви одолею я смерть, удержу бытие.

Жизнь и веру мою, жизнь и веру мою унесли
Грудь и плечи ее, грудь и плечи ее, грудь и плечи ее!

Только в сладких устах, только в сладких устах, о Хафиз, —
Исцеленье твое, исцеленье твое, исцеленье твое!

* * *

Взгляни, как праздничный стол расхищен девой-судьбой!
По кругу чашу ведет горящий серп молодой,

Паломник добрый! Стократ тебе воздастся за пост,
Коль ты в трущобу любви вошел смиренной стопой.

Для нас в трущобах любви всегда готов уголок,
А тот, кто их возводил, был движим волей святой.

И пусть свершает намаз под сводом милых бровей,
Кто кровью сердца обмыл любовный помысел свой.

Ведь сам имам городской, носящий коврик молитв,
Омыл одежду свою хмельной пурпурной струей.

Но этот шейх-лицемер с презреньем смотрит на тех,
Чья бочка нынче полна, а завтра станет пустой.

Пусть шейх искусно поет, — к Хафизу, друг, приходи!
Его любовным псалмам и слух и сердце раскрой!

* * *

В дни, когда наш луг покрыт райским цветущим ковром,
Кравчий, с пурпурным вином в светлое поле пойдем!

«Ржавчину горя с души снимет рубиновый хмель», —
Так говорил мне вчера друг, одаренный умом.

Если твой винный сосуд камнем пробьет мухтасиб,
Тыкву его головы ты проломи кирпичом!

Пусть я невежда, ты мудр, — мы перед небом равны.
Честный ты, подлый, — слепцу мало заботы о том.

Праведник! Что мне кредит! Только наличность я чту:
Гурия есть у меня, раю подобен мой дом!

Христианин, даже тот молвил мне как-то: «Хафиз!
Как опостылел мне звон там, под высоким крестом».

* * *

Коль туда, куда стремлюсь, я направлю полет, —
Так за дело я возьмусь, что тоска запоет!

Сильных мира я бегу, словно зимних ночей,
Жду от солнца одного лучезарных щедрот.

Благородства не ищи у надменных владык:
Прежде чем откроют дверь, жизнь бесследно пройдет.

Пусть же сгинет эта жизнь — умерщвляющий ад!
Славь, певец, другую жизнь — услаждающий сот!

Пожелай, мой соловей, чтоб земля наконец
Стала садом, где твой дух к нежной розе придет!

Здесь упорство с торжеством в давней дружбе живут:
Кто упорство впустит в дом — торжество призовет.

Мудрено ли, что всегда беззаботен Хафиз:
Вольный странник на земле не страшится тягот!

* * *

Древо дружбы посади — плод благого зерна принесет.
Ветку злобы сорви — сто страданий она принесет.

Что за благо вечер встреч: мы умрем, но крутящийся свод
Всем рожденным после нас снова ночи без сна принесет.

Небо! Паланкин Лейли — пусть к Меджнуну он правит свой путь,
Пусть к Меджнуну свою колыбель — ту, в которой луна, —
принесет.

Сердце! Вечно жди весны, ведь без счета плодов, соловьев,
Как шиповник, что цветет ста цветами, весна принесет.

Если в амбровых кудрях раны сердца навек излечу —
Пусть мой рот ее устам утоленья сполна принесет!

Одного лишь от судьбы еще требует старец Хафиз:
Сидя с милой у ручья, ожидать: что волна принесет?

* * *

Что святош во власяницах вся гурьба?
Греховодная милей мне голытьба!

Грязь покрыла власяницы, — а взгляни,
Как ярка бродяги вольного каба!

Опьянил меня твой глаз — так пей вино:
Тяготит нас взоров трезвых ворожба.

Лик твой нежен, стан твой хрупок! Я страшусь:
Ведь гурьба святош драчлива и груба.

Я мучений лживых суфиев не зрел —
Так не мучьте тех, чья радостна гульба!

Взор твой — хмель, а губы — алое вино,
И вино кипит, и в нем — к тебе мольба.

Погляди на лицемеров: ведь от них
Плачет чанг, вину горька его судьба.

Дух Хафиза пламенеет. Берегись:
Перед ним и сила пламени слаба.

* * *

Чашу полную, о кравчий, ты вручи мне, как бывало.
Мне любовь казалась легкой, да беда все прибывала.

Скоро ль мускусным дыханьем о кудрях мне скажет ветер?
Ведь от мускусных сплетений кровь мне сердце заливала.

Я дремал в приюте милой, тихо звякнул колокольчик:
«В путь увязывай поклажу!» Я внимал: судьба взывала.

На молитвенный свой коврик лей вино, как то позволил
Старый маг, обретший опыт переправы и привала.

Ночь безлунна, гулки волны. Ужас нас постичь не сможет,
Без поклаж идущих берегом над игрой седого вала.

Пламя страстных помышлений завлекло меня в бесславье:
Где ж на говор злоречивый ниспадают покрывала?

Вот Хафиза откровенье: если страсти ты предашься,
Все отринь — иного мира хоть бы не существовало.

* * *

Где правоверных путь, где нечестивых путь? О, где же?
Где на один вступить, с другого где свернуть? О, где же?

Как сравниваешь ты дом праведных и дом беспутных?
Где лишь в молитвах суть, где только в лютнях суть? О, где же?

Постыла келья мне, и лицемерье рясы — также.
Где магов тайный храм? Где мне к вину прильнуть? О, где же?

Все вспоминаю дни, когда с тобою был я рядом.
Где ревность, где слова, лукавые чуть-чуть? О, где же?

Прах у твоих дверей к глазам своим прижму — о, сладость!
Где жить мне без тебя, где свой огонь задуть? О, где же?

Хафиз тебе не даст ни мира, ни услад покоя.
Где он найдет покой, свою утешит грудь? О, где же?

* * *

Аромат ее крова, ветерок, принеси мне
И покой, — я ведь болен, — хоть на срок принеси мне!

Для души изнуренной дай хоть малость бальзама,
С доброй вестью о друге хоть пять строк принеси мне!

Взор и сердце в боренье. С тетивы ее взгляда
И от стрелки-ресницы хоть намек принеси мне!

На чужбине, в разлуке постарел я, — из чаши
Сладкой юности, ветер, хоть глоток принеси мне!

Дай ту чашу пригубить всем понурым, но если
Этот будет напиток им не впрок, — принеси мне!

Брось о завтрашнем, кравчий, размышлять, иль охранный
За печатями рока ты листок принеси мне!

Так над плачущим сердцем пел Хафиз неустанно:
«Аромат ее крова, ветерок, принеси мне!»

* * *

День отрадных встреч с друзьями — вспоминай!
Все, что было теми днями, — вспоминай!

Ныне верных не встречается друзей —
Прежних, с верными сердцами, — вспоминай!

Всех друзей, не ожидая, чтоб они
Вспоминали тебя сами, — вспоминай!

О душа моя, в тенетах тяжких бед
Всех друзей ты с их скорбями вспоминай!

И, томясь в сетях настигнувшего зла,
Ты их правды сыновьями вспоминай!

И, когда польются слезы в сто ручьев,
Зандеруд с его ручьями вспоминай!

Тайн своих, Хафиз, не выдай! И друзей,
Их скрывавших за замками, — вспоминай!

* * *

Кому удел не тлетворный в тлетворных столетях дан?
Что прочно? — Ладья газелей. Что вечно? — Пьянящий жбан.

Возьми же вина в дорогу, — ведь жизнь не сравнишь ни с чем.
Путь к раю подобен чаше, и мало на нем полян.

Один ли познал я тленность? Ученый, что знает мир,
Постиг и свое бессилье, и знаний вечный изъян.

Взгляни же премудрым оком на мудрый, бегущий мир:
Весь мир, все дела мирские, все смуты его — обман.

Достигнуть встречи с тобою мечтала душа моя,
Но смерть на дорогах жизни — грабитель и злой буян.

Всем ведомо: знак, что роком начертан на смертном лбу,
Не смоешь ничем, о смертный, с челом он твоим слиян.

Все зданья падут, разрушась, и травы на них возрастут, —
Лишь зданье любви нетленно, на нем не возрастет бурьян.

Прохожие люди трезвым не встретят меня вовек!
О вечность! Хмельная чаша! Хафиз этой чашей пьян.

* * *

Страсть бесконечна; страстным дорогам нет пресечения, нет!
«Души отдайте!» — страстным другого нет назначенья, нет!

Миг зарожденья сладостной страсти — благожеланный миг.
В деле отрадном ждате ли гаданья, предвозвещенья? Нет!

Нас не страши ты разумом властным, нам подливай вина!
К нам не причастен стражи начальник, нам запрещенья нет!

Глянуть на лик, схожий с месяцем юным, может лишь чистый взор,
В ликах других подобного блеска и обольщенья нет.

Сердце Хафиза в горести страдает: сердце твое — гранит.
Сколько ни плакал, сколько ни звал я, — нет мне прощенья, нет!

* * *

Проповедники, как только службу с важностью в мечети совершат,
В кабачках совсем иное — тайно, чтоб не быть в ответе, — совершат.

Даже мудрым непонятно: те, что учат отрешеньям весь народ,
Сами эти отрешенья, может быть, на том лишь свете совершат.

Эти новые вельможи тюрка в мула обращают. О господа!
Сделай их ослами с ношей! Пусть на них свой танец плети совершат.

Если ты, дервиш, желаешь, чтоб тебе вручили чашу бытия,
Это в тайном храме магов — так в их сказано завете — совершат.

Красота ее безмерна и влюбленных убивает, но они,
Возродясь, ей поклоненья вновь и вновь в среде столетий совершат.

Ах, менялы без познаний, с побрякушкой для уздечек жемчуга
Вечно путали! Ужели это вновь они, как дети, совершат!

«Нет, пусть молвят стих Хафиза, — голос разума раздался
с высоты,—
И по памяти пусть это в ночь они и на рассвете совершат!»

* * *

Ты не шли упреков в буйстве в гульбищах не новичку,
Ведь его грехов не впишут, праведник, тебе в строку.

Будь самим собой, что сеял — то и жни, не следуй мне:
Я тебя в свои молитвы и грехи не вовлеку.

Ведь любовь живет в мечетях, и живет она в церквах.
Нужен друг святоше, нужен вольному весельчаку.

Не один с порога дома благочестия я пал,
И Адам не добыл рая на земном своем веку.

Коль, Хафиз, пригубишь кубок в Судный день — из кабачка
Мигом в рай ты будешь поднят, хоть был мил и кабачку.

* * *

Лекарю часто нес я моленья, —
Все ж он скитальцу не дал исцеленья.

Вымолви розе, колющей пташку:
«Как не стыдишься ты преступленья!»

Другу поведай тайную муку
Иль в исцеленье жди промедленья.

С ликом влюбленного лику любимой
Сблизиться, боже, дай повеленья!

Боже! Над яством лакомым, близким
Буду ль вечно я ждать утоленья?

В мир не неслись бы вопли Хафиза,
Если б он старцев чтит наставленья.

* * *

Розу брось: без уст и она не приманчива!
Если нет вина — и весна не приманчива.

Без тюльпанов щек вся прохлада лужайки,
Всех душистых трав пелена не приманчива.

Вся-то прелесть уст, вся-то прелесть любимой
Без лобзанья не полна, не приманчива,

И долина в качании роз и платанов,
Коли песнь соловья не слышна, — не приманчива.

Роза, сад и вино — отрада, но радость
Одинокой душе не нужна, не приманчива,

Если облик милой не впишешь ты в роспись,
Будет роспись эта грустна, не приманчива.

Жизнь растрать, о Хафиз! Но для радостной траты
Не находка она: скудна, не приманчива.

* * *

Обо мне ты ей все, ветерок, расскажи!
Стоязычную речью о тоске расскажи.

Но скажи осторожно, ты ее не печаль,
Лишь о том, что я там, вдалеке, расскажи.

* * *

С ней, луна, не борись в светлой силе, нет!
Кипарисы так стан не вносили, нет!

Ни жемчужин таких, ни рубинов, друг,
У морей и у гор не просили, нет!

Твое тело — что дух. К белизне такой
Разве дремы меня уносили? Нет.

Песнь Хафиза — лишь лал в твоей длани, хоть
Слов, что слаще весь мир огласили, — нет.

* * *

Нету в мире счета розам, да одной мне довольно.
Тень одна лишь кипариса надо мной — мне довольно.

Да избегну богословов! Из весомостей мира
Этой чаши, полновесной и хмельной, мне довольно.

Видишь волны? Это — образ быстротечного мира.
Все постиг я над струистой пеленой — мне довольно.

От базара нашей жизни — вся беда нашей жизни,
День удачный, за удачным — день дурной. Мне довольно.

Не один ты, ты с любимой. Ничего и не надо!
Речи милой, с уст которой дышит зной, — мне довольно.

Не гони же, я — у двери; божий рай мне не нужен.
Переулка, где живешь ты под луной, — мне довольно.

На свой нрав, Хафиз, не сетуй, ведь души — той, что сродни
Плавным струям и газелям, столь родной, — мне довольно.

* * *

Дни весны наступили — и тюльпан, и шиповник, и роза
Из земли снова выйдут, — ты же в землю ушел. — Почему?

Встану я над могилой, как весеннее облако, плача,
Из земли чтоб ты вышел, чтоб оставил могильную тьму.

* * *

Мне вечер музыкант — да утешится он! —
Дух свирелью смутил, дух мой ввергнул в полон.

Всей тоскою людской тосковала свирель.
И на мир ниспадал ее трепетный стон.

Но предстал предо мной виночерпий, чей лик,
Словно солнце, сиял, мглой кудрей окаймлен.

Он восторг мой постиг, он подлил мне вина.
И я молвил, ища в чаше сладостной сон:

«Ты от зла бытия избавляешь меня, —
И да будет к тебе милосерд небосклон».

Для Хафиза в хмелю — Кей с Ковусом ничто:
Ячменя не ценней жемчуга их корон!

* * *

Весну возвестили травы, побегам все полно.
Возникнут желанья, трать их — на розы и на вино!

В ветвях зазвенели птицы, пусть винный звенит кувшин!
В тоске соловей: снять с розы ему ли фату суждено?

В дороге своих исканий, о путник, не бойся бед.
Лишь то для сердца отрадно, что мукам на смену дано.

Подай мне, вожатый, помощь в тернистом моем пути.
Пространство любви безмерно, границ не знает оно.

Ни розы в саду желаний моя не нашла душа,
Не гнал к моим долам ветер благих облаков руно.

Хафиз! Весна мимолетна, вот старость придет — а ты
Еще не хмелен, и в чаше еще не сверкнуло дно.

* * *

Аллах назначил долю мне причастника утех,
В вине, скажи мне, праведник, ужель ты видишь грех?

От века человечеству назначено вино.
Ужель в вину поставят мне в день Судный винный мех?

Скажи святоше в рубище, что, засучив рукав,
Рукой к чужому тянется, а мне внушает смех:

«Чтоб сбить с пути всех истинных служителей творца,
Надел ты это рубище с узором из прорех».

Я раб гуляк, что в радости, не чуя рук и ног,
Не чтят ни тот, ни этот свет, столь ценные для всех.

Мой мрачен дух меж суфиев и мрачен в медресе.
В притонах все желанное найду я без помех.

У нищих подаяния просить ли, о Хафиз?
Пошлется лишь создателем делам твоим успех.

* * *

Нет! Подобных мне безумцев я в трущобах не найду!
Дал в залог я рясу, бросил свой молитвенник в бреду.

А зарок виноторговцу дал я — более не пить.
Не увидя пред собою ясноликую звезду.

Я в отчаянье слезами всю одежду оросил,
Но желанной не добился: не сказала мне «приду».

Только ночь могла заставить развязаться мой язык.
Скрою ль тайну? С трезвой речью мотылек ведь не в ладу.

В одиночестве я слезы лью, как море-океан.
Принеси скорее флягу, сохраненную на льду!

Я исполнен обожанья, слова лишнего не трать:
Ни любовь свою, ни чашу не хочу предать суду.

* * *

В дни расцвета роз не расстанусь я ни вовек с вином!
Не безумен я! Не поступит так человек с умом.

Музыкант! Весь груз я наук отдам за твой звучный чанг.
Иль за флейты трель. Так по струнам ты проведи смычком.

Богословский спор в эти дни весны — опостылел мне,
Об одной любви ныне стану петь, о цветке одном.

Приходи, рассвет, и про ночь разлук я тебе спою,
Сколько жалоб есть в этом сердце — в нем, от разлук больном!

Где же верность, где? Чашу дай — и сказ я тебе скажу.
Вспомню Джам. И жил Кей-Кубад — и вот я скажу о нем.

Эту жизнь, что друг в дар Хафизу даст, мой увидит взор —
И покорно я весь отдамся ей благодатным днем.

* * *

В юных днях какой носили мы наряд!
Но не век его узоры нам горят.

Горе! Горе! Иссякает светлый ключ,
Все подряд уходят струи, все подряд!

Ты покинешь и родимых и друзей,
Предвещал нам это синий небоскат.

Смерть разлучит брата с братом — поклянусь! —
Кроме двух, вон тех — в созвездии Фаркад.

* * *

Ушла любимая моя, ушла, не известила нас,
Ушла из города в тот час, когда заря творит намаз.

Нет, либо счастье мое пренебрегло стезей любви,
Либо красавица не шла дорогой правды в этот раз.

Я поражен! Зачем она с моим соперником дружна!
Стеклярус на груди осла никто ж не примет за алмаз!

Я буду вечно ждать ее, как белый тополь ветерка.
Я буду оплывать свечой, покуда пламень не погас.

Но нет! Рыданиями, увы, я не склоню ее к любви:
Ведь капли камни не пробьют, слезами жалобно струясь.

Кто поглядел в лицо ее, как бы лобзал глаза мои:
В очах моих отражено созвездие любимых глаз.

И вот безмолвствует теперь Хафиза стертное перо:
Не выдаст тайны никому его газели скорбный глас.

* * *

Одиночество мое! Как уйти мне от тоски?
Без тебя моя душа бьется, сжатая в тиски.

Что ты сделала со мной? Одержим я! Исступлен!
Даже днем я вижу ночь. Впереди меня — ни зги.

О любимая моя! Снизойди ко мне: я слаб.
Будем снова мы вдвоем и по-прежнему близки.

Но, увы, не я один! Сто соперников грозят:
Сто весенних ветерков оплели твои виски.

Виночерпий! Подойди! Ороси пустынный дол!
Белый тополь, поднимись! Осени мои пески!

Сердце бедное в крови от познания вещей...
Дай хмельного. Без вина мысли горькие низки.

Черным циркулем судьбы круг начертан вокруг меня.
В этом круге — точка я. Пешка шахматной доски.

Но донесся аромат приближенья твоего!
Надо мной опять луна, нет и не было тоски...

* * *

Уйди, аскет! Не обольщай меня, аскет!
Ах, что мне святости твои и твой скелет!

Пыланье роз, пыланье роз меня пьянит.
Увы, не вечен аромат и нежный цвет!

Приди же, милая моя! Свою любовь
В твои я косы заплету среди бесед.

Тюльпаном чаша предо мной, полна вина:
Оно — как плавленный рубин! Оно — рассвет!

Прекрасней трезвости, друзья, веселый хмель, —
О виночерпий, окропи ты наш обед!

А ты, о суфий, обходи мой грешный дом —
От воздержанья воздержусь я: дал обет!

Увы, прошла моя весна... Прошла весна...
Я это чувствую по тысяче примет.

Но не в раскаянье спасение для нас.
Не станет суфием Хафиз на склоне лет.

* * *

Расцветшей розе так сказал однажды соловей:
«О, не гордись! Не ты одна меж розовых ветвей».
Она ответила, смеясь: «Ты прав. Но под луной
Никто не скажет горьких слов возлюбленной своей...»

* * *

Подобно птице, что живет в сирени молодой,
В кудрях твоих живет, о друг, и дар веселый мой.

Поэтому их не стриги! Они мое гнездо,
И непослушный их извив ты щелочью не мой.

О, если ты придешь ко мне, как месяц в поздний час, —
Созвездием глаза мои блеснут во тьме ночной.

Что мне до сада моего, когда твои уста
Мне заменили цветники страны моей родной!

Клянусь, что если отрекусь я от любви на миг,
То неба не увижу я сквозь потолок с дырой.

И как, скажи, сумеет шмель из вазы сахар пить,
Когда он станет размышлять про ветер ледяной?

Ведь так воспеть свою любовь, как воспоеет Хафиз,
Не в силах ни одна душа на свете под луной.

* * *

Лицо сокрыла в облаках, себя туманом сделала.
Меня, влюбленного в тебя, ты бездыханным сделала.

О, как я мучусь по ночам в безмолвном одиночестве...
Ты с кем опять ведешь игру? Кого ты пьяным сделала?

Я все объятия твои переживаю заново,
Ты сердце рваное мое себе тюльпаном сделала.

Ведь пьяные твои глаза мой ум отравой ранили,
Как будто это не красой — травой-дурманом сделала.

Вина картавая струя — как слезы сквозь рыдания, —
Вот что ты, милая моя, со мной, буяном, сделала!

Лети, лети же, ветерок, неси мне исцеление;
Одно дыхание ее меня бы ханом сделало.

Нет, даже враг не совершил того с душой Хафизовой,
Что ятаганми бровей, клянусь Кораном, сделала.

* * *

На сердце роза,-на губах лозы душистый сок.
Владыка мира, в эту ночь ты раб у наших ног.

Гасите свечи! Ночь и так светла, как знойный день.
Здесь в полнолунии своем тот лик, что тьму отвлек.

Не чтим запрета на вино, но мы храним запрет,
Когда его не делим с той, чье тело — как цветок.

Прикован взгляд к рубинам уст, к вращенью пенных чаш,
В ушах журчащий говор флейт и чанга звонкий слог.

Ты благовоний на пиру хмельном не разливай,
Вдыхаю запах, что струит тяжелых кос поток.

Сластей ты мне не подноси: что сахар, пряный мед?
Сладка лишь сладость губ твоих, что хмель вина обжег.

Безумец — имя мне. Позор стал славою моей.
Так почему ж безумье все мне ставите в упрек?

Зря мухтасибу шлют донос: и он, подобно нам,
Услады ищет на земле, обманывая рок.

Хафиз, ни мига без вина, ни часа без любви!
Пора жасминов, время роз пройдут. Недолог срок!

* * *

Уж не мимо ли подруги ты пронесся, ветерок,
Что сладчайшим ароматом ты овеял мой порог?

Осторожен будь, дыханьем не коснись ее кудрей,
Что тебе до них? Не путай золотистый завиток.

Базилик, что ты в сравненье с нежною ее щекой?
Разве есть на свете равный ей по свежести цветов?

О нарцисс, с ее глазами как сравнить тебя? Они
Обольстительны и пьяны, с ними спорить ты б не смог.

Разве с этим стройным станом ты сравнишься, кипарис?
Рядом с ним в саду тенистом ты бы взора не привлек.

Разум, скованный любовью, жалкий раб, что можешь ты?
Лишь в упорстве для Хафиза встречи радостный залог.

* * *

Лицо твое озарено да будет!
Прекрасней красоты оно да будет!

И Птице счастья — крыльям этих кудрей
Парить над миром суждено да будет!

Душа, что не услышит этой птицы,
Пускай как мертвое зерно да будет!

А сердце, что красе твоей не внимлет,
Пускай не красное — черно да будет!

Когда мой рот уста твои почует,
Все бытие полным-полно да будет!

Я каждый миг люблю тебя впервые, —
Быть разною тебе дано да будет!

Увы, Хафиз! Стрела ее ресницы
В душе твоей бездонной — дно добудет.

* * *

Вчера из мечети вышел наш шейх — и попал в погребок.
Друзья мои, суфии! Нам-то какой же в этом урок?

Лицом повернуться ль к Каабе нам, мюридам простым,
Когда наш почтенный учитель прямо глядит в кабачок?

Давайте станем жильцами трущобы магов и мы, —
То в день предвечный решили, таков уж, видно, наш рок!

Узнать бы мудрым, как сладко сердцу в оковах кудрей, —
За теми цепями в погоне безумцы сбились бы с ног.

Едва лишь сердцу в добычу попался душевный покой,
Ты кольца кудрей распустила, и он ускользнул под шумок.

Раскрыл мне твой лик благодатный, как милости чудо понять,
И нет — кроме «благо» и «милость» — в Коране не вижу я строк.

Из камня пускай твое сердце — неужто не вспыхнет оно
Огнем пепелящим стенаний, в которых мой сон изнемог?

Кудрей твоих ветер коснулся, и мир почернел предо мной —
Вот прибыль одна, что из мрака кудрей я любимых извлек!

Стрелюю стенаний пронзаю я небо — замолкни, Хафиз!
Щади свою бедную душу: убьет тебя этот стрелок!

* * *

К этой двери искать не чины и почет я пришел, —
Чтоб убежище здесь мне найти от невзгод, я пришел,

Я к жилищу любви — от черты, где нет жизни, иду,
И в страну бытия, совершив переход, я пришел.

Я твой смуглый увидел пушок, и из райских садов
Мандрагоры потребовать сладостный плод я пришел.

С тем сокровищем разума, что под охраной небес,
В двери шаха просить благодатных щедрот я пришел.

О спасенья корабль! Твоих милостей якорь ищу —
Увязающий в скверне, к тебе, мой оплот, я пришел.

Гибнет честь! Изойди же дождем, омывающим грех!
До конца подведя черных дел моих счет, я пришел.

Брось, Хафиз, власяницу свою! Вздохом жарким огнем
Истребить лицемеров неправедный род я пришел.

* * *

Мой скудный жребий тяжек, подъем дороги крут,
Унижен я пред теми, кто гордостью надут.

И, только лишь коснувшись кудрей, в безумье страсти
Я гордо выпрямляюсь, не зная рабьих пут.

Что делается в небе, у глаз моих спроси ты:
Я до утра считаю по звездам бег минут.

Я в знак благодаренья уста целую чаши —
Здесь ключ великой тайны и знанья тихий пруд.

И также благодарен рукам моим я слабым:
Терзать они не могут насильем бедный люд.

Когда в стихах воздал я хвалу винопродавцам,
Я мздою справедливой почтил их добрый труд.

Ведь ты не пожелаешь поднять меня из праха,
Хотя б из глаз катился слезами изумруд!

Не укоряй, что плачу я кровью в этих долах:
Как мухи коз мускусных, удел прозренья лют.

Пусть голова Хафиза пьяна, но мне надеждой
Иной главы забота и милостивый суд.

* * *

Я вышел на заре, чтоб роз нарвать в саду,
И трелей соловья услышал череду:

Несчастный, как и я, любовью к розе болен,
И на лужайке он оплакивал беду.

По той лужайке я прогуливался часто;
На розу я смотрю, на соловья и жду.

С шипом она дружит, но так же неразлучен
С любовью соловей, — все в том же он бреду!

Стенанья соловья мне в сердце болью пали,
И утешенья сам себе я не найду...

Так много роз цветет, но кто сорвать их может,
Не испытав шипов опасную вражду?

Хафиз, надежду брось на счастье в этом мире:
Нет блага в нем, и все нам к скорби и вреду!

* * *

Ты — словно утра свет, а я — в ночи печальная лампада.
Лишь улыбнешься, и тебе моя душа отдаться рада.

Так в сердце выглись глубоко кудрей-фиалок завитки,
Что в землю лягу я навек среди фиалкового сада.

Я двери глаз раскрыл, и вот — порог надежды предо мной,
Что ты хоть взором подаришь... Увы! Во взоре лишь досада!

За то ли — бог тебя прости, — что даже мимо не пройдешь,
Когда покинут всеми я, благодарить тебя мне надо?

Я раб зрачков моих за то, что хоть и черны их сердца,
Но льют потоки слез они, и сердца горю в том отрада.

Хоть в каждом взгляде мой кумир своею блещет красотой, —
Никто не видит так, как я, того нечаянного взгляда.

Когда Хафиза ветерком в могиле посетил бы друг, —
В гробу от страсти б разорвал я ткани смертного наряда.

* * *

В этом городе немало счастья взыскан я звездой.
Время бросить этот омут, взяв достаток мой худой!

Пальцы я грызу в досаде и вздыхаю без конца,
Что горю я весь, как роза, страсти огненной бедой.

Был вчера я очарован песней звонкой соловья, —
Роза уши распустила и бутон свой молодой.

Сердце, радуйся! Подруга, что жестокою была,
Ныне связана сурово рока жестокою уздой.

Чтоб ты слабости не видел и жестокости не знал, —
Избегай обетов дряблых, слов, подсказанных враждой.

Если злых напастей волны и до неба поднялись, —
Мудрых доля и пожитки не подмочатся водой.

О Хафиз, когда бы вечным обладанье быть могло,
Трон Джамшид бы свой не отдал року в древности седой.

* * *

О ветер утра, скажи ты этой стройной газели,
Что, скорбью о ней уязвлен, брожу я средь горных ущелий.

Ты, сахара продавец, — да будет долга твоя жизнь! —
Спросил бы ты хоть разок о том, чье сахар изделие!

Когда ты с другом сидишь, отведавывая вино,
Влюбленных ты вспомни, невзгоды отведавших зелье.

Надменность твоей красоты ужели, о роза, не даст
Одно словечко сказать соловью, чьи так жалобны трели?

Ведь можно только добром того приручить, кто умен:
Бывалую птицу стрелять — всегда попадешь мимо цели.

Загадку как мне понять, — что нет порой и следа
Душевности в черных глазах и в негой чарующем теле?

Пороков я не могу найти в твоей красоте;
Красавец видел ли кто, чтоб верность в сердце имели?

За счастье в круге друзей хоть в мыслях признателен будь
Ты тем, кто в пустынях бредут, лишенные теплой постели.

От песен Хафиза и впрямь взыграть могли б небеса:
Запляшет мессия под звук десницы звонкой свирели!

* * *

Аскет, не зови меня в рай — выбор твой неудачен;
Господь замесил меня так, что не рай мне назначен.

С гумна бытия ни зерна никогда не сберег,
Кто истины путь не засеял в обители плача.

Тебе — благочестие, четки, молитва, закон,
А мне — погребок, храм, где молятся — только иначе.

Ты пить не мешай мне, о суфий, — на чистом вине
Месил меня бог, и властью вина я охвачен.

О суфий, тем в рай не попасть, чей недостаток, как мой,
На пьянство в подвалах до рубища не был истрачен,

И к райским утехам и к гурий устам не прильнет,
Кто дерзким был вором любви моей верной удачи.

Хафиз, коли милость господня пребудет с тобой,
Оставь ты о рае и аде пустые задачи.

* * *

Коварный ход судьбы невидим и неслышим:
Ведь глухи все вокруг, и каждый равно слеп.

Пусть солнце и луна — подножье тех, кто властен,
Их та же ждет постель — из глины темный склеп.

Кольчуга ли спасет от стрел разящих рока?
Щитом ли отразишь удары злых судеб?

Себя ты огради стеной из твердой стали, —
Но день придет, и смерть прорвет железо скреп.

Открытый жизни вход замкни от вожделиний,
Чтоб путь твой не привел тебя в страстей вертеп.

На колесе судьбы — смотри, как много праха!
От алчности беги, цени твой скудный хлеб.

* * *

О ты, чьим ликом осиян, возрос цветник тюльпанный жизни,
Вернись! Увянет без тебя весною цвет румяный жизни!

Хаоса мрачный океан не угнетает мысли тех,
Кому дано в твоих устах увидеть круг избранный жизни.

Когда потоки слез текут — меня осудишь ли за то?
В единой скорби о тебе душа проходит страны жизни.

Я жив, но жизни нет во мне — и кто дивился бы тому?
Разлуки дни со счета сбрось: ведь это — лишь изьяны жизни!

В земном пути со всех сторон напастей полчища грозят,
И гонит, повод затянув, наездник неустанный жизни.

В пирах доколе ночи длить и утро сладостное — в сне?
Проснись! Уж время отошло свободы невозбранной жизни,

Вчера прошел он, но ко мне и взора он не обратил...
О сердце бедное, тебе мелькнули лишь обманы жизни!

Хафиз, пиши свои слова, чтоб на страницах бытия
Служили памятью они и грамотой охранной жизни.

* * *

Ты знаешь ли, о чем ведут беседу чанг и тара?
«Тайком вино должны вы пить: грозит за это кара!

Честь отнимают у любви, у любящих — красу,
Клеймят позором молодых, и нет пощады старым.

Велят не слушать и молчать о таинстве любви...»
Да, слухи темные растут, как на дрожжах опара.

Дурачат сотней пустяков нас — тех, кто за дверьми;
За занавеской бы узнать, что там у них за свара.

И старца магов — погляди! — опять вина во всем, —
Боюсь, что праведников рать ему нагонит жара!

Честь за полушку продают, за ласковый посул —
Барыш теряют, у кого красивых глазок пара.

Одни настойчивостью мнят снискать себе любовь,
Других же ставка — на судьбу: те ждут ее, как дара.

Но в мире ты не уповай на истинный успех:
Здесь кухня ведьмы, где творят любую вещь из пара.

Хоть философский камень все добыть хотят глупцы,
Но ничего не извлекли из грязного нагара.

Так пей вино! Шейх и мулла, Хафиз и мухтасиб,
Как посмотреть — один обман все тайны их и чары.

* * *

Весть пришла, что печаль моих горестных дней — не навечно,
Время — ток быстротечный. И бремя скорбей — не навечно,

Стал я нынче презренным в глазах моего божества,
Но надменный соперник мой в славе своей — не навечно.

Всех равно у завесы привратник порубит мечом.
И чертог, и престол, и величье царей — не навечно.

Так зачем возносить благодарность иль горько роптать?
Ведь и громкая слава великих мужей не навечно.

На пирах у Джемшида певали: «Несите вина!
И Джемшид с его чашей в обители сей — не навечно!»

Так пылай же, ночная свеча, привлекай мотылька!
Близко утро. И ночь, и сиянье свечей — не навечно.

Эй, богач! Загляни в глубину своей нищей души!
Горы злата, монет, самоцветных камней — не навечно.

Видишь надпись на своде сияющем: «Все на земле, —
Кроме добрых деяний на благо людей, — не навечно».

Верь во встречу, надейся на память любви, о Хафиз!
А неправда, насилье и бремя цепей — не навечно!

* * *

Песня! Брызнуть будь готова — вновь, и вновь, и вновь, и снова!
Чашу пей, — в ней снов основа — вновь, и вновь, и вновь, и снова!

Друг, с кумиром ты украдкой посиди в беседе сладкой, —
Поджидай к лобзаньям зова вновь, и вновь, и вновь, и снова!

Насладимся ль жизнью нашей, коль не клонимся над чашей?
Пей же с той, что черноброва, — вновь, и вновь, и вновь, и снова!

Не найти от вас защиты, взоры, брови и ланиты, —
Вы моим очам обнова — вновь, и вновь, и вновь, и снова!

Ветер! Ты в воздушной ризе, мчась к любимой, о Хафизе
Ей бросай за словом слово — вновь, и вновь, и вновь, и снова!

ДЖАМИ

ГАЗЕЛИ

* * *

Не найти стройней тебя, как тебе известно.
О, ничтожны мы, любя, как тебе известно!

Роза! Ступишь ли на луч, сдвинется он с места,
Поплывет, стыдясь себя, как тебе известно...

Грудь белее серебра, — в серебре упрятан
Сердце твердого гранит, — как тебе известно,

Серна из тенет любви прынула обратно —
И свободу сохранит, как тебе известно!

Косы длинные до пят — память о тенетах,
Роза — тень любимых щек, как тебе известно...

Блеск чела — мой ясный день, кудри — ночь и отдых,
Черный мускус — лишь намек, как тебе известно!.

Вместе плоть и дух — твой гость, твой Джами — с тобою,
Без тебя он — праха горсть, как тебе известно!

* * *

Одна любовь нас отрешает от суеты земной,
Мук не вкусивший не вкушает и сладости иной.

Любимая сулит нам горе, не ведая о том,
Что все обещанное ею — бальзам душе больной.

К чему существованье солнца, когда ее лицо
Мгновенно затмевает блеском неяркий свет дневной!

В миг расставанья — без сознания на землю я упал, —
Что, кроме забытья, могло бы в разлуке быть со мной?

Я только пыль ее дороги, но хорошо и то,
Что ветер не уносит пыли, проходит стороной.

Когда умру — в багряный с желтым тюльпан я превращусь:
Я плакал кровью и покрылся от желчи желтизной.

Джами потоком слез однажды к ней в сад был принесен...
Что толку в мусоре, прибитом столь мутною волной?!

* * *

По повеленью моему вращайся, вечный небосклон,
Ты отсветом заздравных чаш, как солнцем, будешь озарен.

Найду я все, чего ищу. Я Рахша норов укрошу,
И будет мною приручен неукротимый конь времен.

Друг виночерпий, напои тюрчанку эту допьяна,
За все превратности судьбы сполна я буду отомщен.

Сладкоречивый соловей красивым станет, как павлин,—
Так хочет вещая Хума, ко мне попавшая в полон.

По вечерам сидим и пьем. И снова пить с утра начнем,
Блаженней это, чем, молясь, бить за поклонами поклон.

Джами как будто пил шербет, сладчайший рот им был воспет,
И сладкогласый соловей был восхищен и вдохновлен.

* * *

О, если грозный ход времен разрушит этот скорбный дом,
Пусть все сокровища души навеки сохранятся в нем.

Когда ты видишь по утрам, как розовеет небосклон,
Знай, это глиняный сосуд, слегка окрашенный вином.

Аскет, твой череп мудреца не омрачает нам сердца,
Отнимешь чару — до конца мы будем черпать черепком.

Едва мы раскрываем рот, молва везде про нас идет:
У вздорных слухов нет границ. Беда, коль верить им начнем.

Я эти четки — видит бог! — в кабак бы отдал под залог,
Сто зерен — за вина глоток, я чашу пью одним глотком.

Свеча Чигиля, пожалей, не жги, а добрый свет пролей,
Когда, о прелесть, вокруг тебя кружиться стану мотыльком.

Джами, открой нам, не солги, где взял ты мускус кабарги,
Ведь разлилось от слов твоих благоухание кругом.

* * *

Бог только глину замесил, чтоб нас, людей, создать, —
А я уже тебя любил, стал трепетно желать.

Ты благодать с головы до ног, как будто вечный бог
Из вздоха создал облик твой, пленительную стать.

Под аркой выгнутых бровей твой лик луны светлей,
И свод мечети я отверг, стал лик твой созерцать.

Не веришь ты моей любви, хоть все кругом в крови.
Знай, взоры тяжкие мои на все кладут печать.

Умру я с просьбой на устах: смешай с землей мой прах,
Чтоб склепы бедных жертв твоих надежно устлать.

Убей меня! Пусть хлынет кровь, окрасив твой ковер,
Ведь скоро дней моих ковер судьбе дано скатать.

Зачем мне рай в загробной мгле? Есть радость на земле.
Рай для Джами там, где тебя он сможет увидеть.

* * *

Булыжник улицы твоей, где я упал во прах,
Дороже сердцу моему престола в двух мирах.

Ты выйди, косу распустив, и станет амброй пыль,
В которой я лежу ничком с мольбою на устах.

Жизнь — это нить, ей суждено соединить людей,
Но жаль, что сделал эту нить короткою аллах.

Взгляни же, пери, пусть хоть раз сиянье глаз твоих
Свет веры, истины огонь зажжет в моих глазах.

Я заронил в тебе давно своей любви зерно,
Еще не показался восход, а я ослеп в слезах.

Я кровью начертал газель и лентой обвязал,
Я посылаю свиток свой, испытывая страх.

Взгляни, что написал Джами, прочти мою газель,
Почувствуй боль в скупых словах, печаль в ее строках.

* * *

Моя любовь к тебе — мой храм, но вот беда:
Лежит через пески укоров путь туда.

Где обитаешь ты, там — населенный город,
А остальные все пустыньны города.

Взгляни же на меня, подай мне весть, и буду
Я счастлив даже в день последнего суда.

Ведь если верим мы в великодушье кравчих,
Вино для нас течет, как полая вода.

Смолкает муэдзин, он забывает долг свой,
Когда приходишь ты, чиста и молода.

Что написал Джами, не по тебе тоскуя,
Слезами по тебе он смоев навсегда.

* * *

Рот твой нежный улыбнулся, зубы-жемчуг показал
И зубами узел горя мне на сердце развязал.

Твой округлый подбородок — шар точеный для човгана,
На майдане обаянья шар твоей добычей стал.

Так зашей мне ворот сердца, порванный рукой разлуки,
Чтобы швом на том разрыве шелк волос твоих блистал.

Всяк пожнет, что сам посеет; только мне во всем злосчастье:
Сеял я любовь и верность — боль и бедствия пожал,

К своему живому взгляду я с утра тебя ревную,
Ведь вчера во сне глубоко он твой образ созерцал.

О, к тебе, как Нил к Египту, слез моих поток стремится,
Омывая лишь обрывы безотзывных мертвых скал.

Износил Джами подошвы, по следам твоим блуждая,
Но к стопам твоим устами он ни разу не припал.

* * *

Попугай об индийских страстях говорит,
А душа о прекрасных устах говорит.

Намекает на эти уста, кто в стихах
Об источнике в райских садах говорит,

Держит сторону нашу теперь мой кумир,
С небреженьем о наших врагах говорит.

Взгляд ее — словно два обнаженных меча,
Но она о спасенье в мечтах говорит.

К песне ная прислушайся, странник, — о чем
Он, стая в ночах, на пирах говорит.

Он, рыдая, о муках разлуки поет,
Он о сладких, как сахар, губах говорит.

Чтоб Джами уничтожить, не нужно меча, —
Твой прищур мне о стольких смертях говорит.

* * *

Когда из праха моего трава кровавая взойдет,
Зеленый верности листок на каждом стебле развернет.

Главу к зениту, как огонь, в надменности не подымай,
Сердец, сгоревших в том огне, намного выше дым встает.

Я власть теряю над собой, своим безумьем опьянен,
Лишь легкий звук твоих шагов до слуха моего дойдет.

Прислушайся — то не дервиш на темной улице кричит,
То голос мой взывает: «Дод!» — на помощь гибнущий зовет.

У странника я на глаза навертываюсь, как слеза,
Расспрашиваю: «Где она? Ну как любовь моя живет?»

Пусть лекарь книгу развернет, прочтет советы мудрецов;
Он от безумья моего лекарства в книге не найдет.

О, сколько должен ты, Джамии, пролить еще кровавых слез,
Пока безмолвный твой кумир покой души тебе вернет!

* * *

Дом на улице твоей я хочу приобрести,
Чтобы повод был всегда близ дверей твоих пройти.

Сердце вынул, если б мог, бросил бы на твой порог,
Чтоб для стрел твоих мишень рядом ты могла найти.

Не хочу держать бразды и тобой повелевать,
Лучше ты удар камчи мне на плечи опусти.

Адским пламенем грозит проповедник городской,
Ад любви моей страшней: от него нельзя спасти.

О Юсуфе, о его красоте смолкает быль,
Стоит людям о тебе речь живую завести.

Блеск воды твоих ланит, родинки твоей зерно
Приоткрой, к зерну с водой птицу сердца подпусти.

Да, Джамии пусть будет псом, но не у любых дверей, —
У порога твоего пусть покоится в чести.

* * *

Пришла весна, а ты в пути, ты не со мной по-прежнему,
Смеется сад, мои ж глаза полны росой по-прежнему.

Пусть веткам роз уж не грозит студёный зимний ветер,
Но их цветам мой горький вздох грозит бедой по-прежнему.

Пусть на кустах свежа листва — что мне за радость в этом?
Тебя, о деревце мое, я жду с тоской по-прежнему.

Откуда этот аромат? Ведь нет желанной розы.
Когда же будешь ты в саду гулять весной по-прежнему?

Что кипарис и роза мне? О стане-кипарисе
И о ланитах-розах я томлюсь душой по-прежнему.

Пусть не любят глаза пионом и нарциссом, —
Свет и отраду глаз моих я жду домой по-прежнему.

Среди смеющихся цветов Джамии — тюльпан багряный:
Он тонет в собственной крови, он пленник твой по-прежнему.

* * *

Иной себялюбивый шейх, что благочестьем знаменит,
Не святость в глубине души, а ложь и ханжество таит.

Пускай он мнит, что лучше всех святые таинства познал,
Их смысл с начала до конца от разума его сокрыт.

Завоевать стремится он сердца доверчивой толпы,
Зато навеки от себя сердца достойных отвратит.

Он расставляет сети лжи, но помешай ему, аллах,
Иначе наше счастье он, как птицу, в клетку заточит.

А нищий старец — как он мудр! Пир для души — беседа с ним,
Из чаши святости своей он и пророков напоит.

Из книги выгод и заслуг он имя вычеркнул свое,
Зато тетрадь его души немало добрых дел хранит.

Джами, бессмысленным скотом пускай считает разум твой
Того, кто мудрецов таких не чтит и не благодарит.

* * *

Когда умру, хочу, чтоб кости мои в калам ты превратила,
Чтоб сердце на скрижали праха всю повесть муки начертило,

Промчись над головой моею на Рахше твоего тиранства.
Пусть мне пригрезится, что в мире меня ты вовсе не забыла,

Михраб твоих бровей увидя, имам от кыблы отвернется —
И склонится перед тобою в огне молитвенного пыла.

Из глаз моих струятся слезы, из сердца льется кровь живая.
Где мне спастись? Поток бурным она жилище затопила.

Твой переулочек мне — Кааба, там проливай ты кровь влюбленных.
Вокруг святыни той пустыня от жажды яростной изныла.

Лицом к следам твоих сандалий я прикасаюсь... О, блаженство,
Когда бы ты стопою легкой на лик страдальца наступила.

Мне тесен круг существованья с тех пор, как я с тобой в разлуке.
Перед Джамии теперь пустыня простор неведомый открыла.

* * *

Я потянулся к лалам твоим; ты отповедь мне дала.
Благодарю за вниманье тебя, хоть ты меня изгнала.

Луна, с небосвода за горы зайди, закрой облаками свой лик.
Моя блистающая луна на угол крыши взошла.

Я, вспоминая о лалах-губах, пью цвета лала вино.
То чашу мою наполнила кровь из раны, что ты нанесла.

И что за добыча птица Хумай для сети твоих кудрей,
Которая мускусной тенью своей ланиты твои обвила?

Твой лик сравню с двухнедельной луной, озарившей сердце мое.
Твой стан — кипарис, но цветением роз природа его облекла.

Не спрашивай: «Когда началась любовь твоя, где конец?»
Нет ни начала у ней, ни конца, и будет, как вечно была.

О, если б любимого пса твоего именем звали моим,
С какою лаской имя Джамии тогда б ты произнесла.

* * *

Своенравна, остроглаза, с гневным, дерзким языком
Та, что на меня ни разу не взглянула и тайком.

Проливаю в граде муки горьких слез кровавый град
С той поры, как я в разлуке и с надеждой незнаком.

Пламя грудь мою сжигает. Если меч в нее вонзишь —
Станет сталь водой живою, освежающим глотком.

Глазом, полным восхищенья, будь мой каждый волосок,—
Разве хоть на волос меньше к милой буду я влеком?!

Возле дома луноликой я брожу из года в год,
Почему не спросит: «Что с ним, с безутешным бедняком?»

Восхищаться красотой я привык с давнишних пор.
Не поможет мне советчик при обычае таком!

Нет, не вырвешь сердце силой из ее силков, Джамии,
Если ты навеки с милой связан каждым волоском!

* * *

Темница, что ты создала для сердца моего,
Приютом радости была для сердца моего.

За то, что я тебя люблю, весь мир меня хулит.
Но есть ли выше похвала для сердца моего?

О, родинки твоей язык! О, пламени язык!
На нем сгорело все дотла для сердца моего.

Благоуханная волна вокруг нежных этих щек,
Ты — цепь раба, ты — кабала для сердца моего!

Два мира я успел пройти, ища тебя в пути,
Добром была дорога зла для сердца моего.

Созрел от света и тепла весенний жесткий плод,
Прозрел я, — страсть, светясь, взошла для сердца моего.

От бури времени Джамии укрылся между скал:
Мой стих — надежная скала для сердца моего.

* * *

Суфий, все, что есть в молельне, заложи, купи вина!
Что упущено измладу, возместить спеши сполна!

Опьянен любовным хмелем, в честь пурпурных лалов — губ
Я напитком цвета лала напиваюсь допьяна.

Страстью к юным похвалиться седовласому грешно:
Седину вином окрасишь — станет розой седина!

Я стяжал дурную славу, опозорен, изгнан я.
Сторонись меня, святоша, коль молва тебе страшна!

Сын мой, что нам совершенство! У влюбленных расспроси,
В совершенстве ли блаженство, какова ему цена?!

Жизни смысл — един от века, форм ее вовек не счесть,
Изменяет облик пена, неизменна глубина.

О Джамии, твори молитву, обернувшись к кабаку:
Счастье даст тебе не Мекка, а другая сторона.

* * *

Глаза мои, вот вам совет: в ее лицо смотреть не надо!
Разлуки я принес обет, а больше мук терпеть не надо!

О ты, что рвешься каждый день на улицу твоей любимой,
От веры лучше откажись, но попадаться в сеть не надо!

Хозяин, из своих садов растенья вырвать повели-ка,
Увидев лучшую из роз, о повиликe петь не надо!

О ты, привязанный к любви, порадуйся упрекам злымным:
«Он ищет только красоту, ему иного ведь не надо!»

Нет средства сердце уберечь от власти глаз твоих опасных,
Не обучай их колдовству, им чарами владеть не надо!

Джами, умолкни!.. Пес и тот завыл из-за твоих стенаний,
На улице ее в ночи не появляйся впредь, не надо!

* * *

Яви свое лицо, оно зари моложе.
Как зеркало, оно мир отражает божий.

Средь псов сторожевых я дверь твою стерег,
«Кто этот человек?» — ты не спросила все же.

Бил камнем в грудь себя, и говорили все:
«Он, верно, в ту влюблен, чье сердце с камнем схоже».

Не кудри это, нет! — тенета грозных бед!
Влюбленный попадет в них раньше или позже.

Не допустила ты твоих коснуться уст,
Дозволено ли быть надменнее и строже?!

Не взглянешь, точно я прохожий иль чужак,
Как будто псам твоим неведом тот прохожий!

Соперник поносил Джами, но молвил пес:
«Он с нами службу нес — и нам других дороже».

* * *

Луна взошла... Нет, не луна! Луна дарует меньше света.
Я гибну, близится она, чья шапочка чуть вкось надета.

В ней прелести заключены луны четырнадцатидневной,
Хоть это чудо на земле живет пятнадцатое лето.

Найди на всех земных путях красавиц и построй полками, —
Их всех во прах, как властный шах, повергнет чаровница эта.

Томлюсь я в темноте ночной не на постели цвета лала, —
Пылает пламя надо мной, алеет кровь, тоской нагрета.

И если дни мои черны, виною — черный цвет разлуки.
Как не рыдать из-за луны, сокрывшейся за тучей где-то?!

Руины горя по ночам — холодная моя гробница.
Привычной стала мне печаль, она со мною — до рассвета.

Джами — во прахе! О, внемли!.. Моих волос коснись ногою!
Неужто жалкий прах земли достойней головы поэта?!

* * *

Все, что в сердце моем наболело, — пойми!
Почему я в слезах то и дело — пойми!

Муки долгой разлуки, терпения боль,
Все, что скрыто в душе моей, — смело пойми!

Прах земной отряхну я... Откуда пыльца
На одежде твоей снежно-белой — пойми!

Принесет чье-то мертвое тело поток.
Чье оно, это брненное тело, — пойми!

Ищешь красок любви?.. Погляди — у Джами
Слезы — алы, лицо — пожелтело... Пойми!

* * *

Поглощенный тобой, на других я взираю сурово.
Мысль, мечта о тебе не дороже ли счастья земного?!

Ревность гложет меня... Если б мог я другим запретить
Даже в помыслах тайных к тебе обращать свое слово!

Почему благосклонно соперников слушаешь ты?
Что тебе в их речах?.. Пожалела бы тяжко больного!

Я целую твой след, я глотаю дорожную пыль,
Я, который не пил у других и воды родниковой!

Всех других я изгнал из укромных покоев души:
Шаха тайны покой недоступен для взора чужого!

Не сердись, что письмо я вручаю удоду... Как жаль,
Что на крыльях его не домчусь я до милого крова!

Как несчастен Джамии! О, пойми!.. Но безжалостна ты,
Чтоб меня уязвить, ты другим улыбаться готова.

* * *

Меня убить грозишься! Ну и что ж!
Не счастье ли, что ты меня убьешь?

Чему учиться этой своевольной,
Не знал учитель и вручил ей нож.

Как тонок стан твой — не постигнет разум.
Как нежен ротик — разом не поймешь.

С шести сторон я окружен любовью.
Семь климатов меня бросают в дрожь.

Сулит ли счастье лик луноподобной?
Как знать?.. Обычный календарь негож.

Ты платы хочешь?.. Всю большую землю
Слез серебром берусь осыпать сплошь!

«Джами подобен сору», — ты сказала,
Но в ссору ты меня не вовлечешь!

* * *

В кубок цвета рубина свой рот преврати
И от цвета вина тем меня отврати.

Прикажи, чтоб на улицу шел я твою, —
Пусть всегда будет храм для меня взаперти.

Псом своим назвала... Но достоин ли я?
Мне привычное имя мое возврати!

Если бранью не встретишь мой тихий привет,
Соизволь хоть в движенье уста привести!

Спрячь скорей в рукава серебро своих рук,
Чтоб меня от напрасных желаний спасти.

Паланкин мой уносит судьба от тебя...
Выдь на крышу! Взгляни!.. И вернусь я с пути.

Ты решила Джами предпочесть?.. Так уйдем
И от тех, что не счесть, и от тех, кто в чести.

* * *

Нет вина веселья в чаше неба, да и надо просто быть глупцом,
Чтобы думать, будто может в чаше быть вино, коль чаша
кверху дном,

Лишь невежда называет счастьем выгребную яму — этот мир.
Так ребенку кажется опухший сановито-важным толстяком.

Никому не сшила одеянья из нетленной вечности судьба.
Жизнь — халат парадный, жаль — короткий, и к тому же
сшит непрочным швом.

Ветке, перегруженной плодами, угрожает камень подлецов.
В этом мире счастлив неимуший, что забот не знает ни о чем.

Перед нами узкая дорога, ночь темна, разбойники вокруг.
Проводник в дороге жизни нужен, чтоб с пути не сбиться непутем,

Пусть садовник в юности прививки сделает, как саженцу, тебе,
Коль вкусить хорошее мечтаешь в сем саду, давно поросшем злом.

Кто, Джамии, над бренностью вознесся и в пути утратил «мы» и «я»,
Может быть по внешности началом, а по сути может быть концом.

* * *

Бесхвостые ослы глупей ослов стократ!
То шейхов предают, то их они творят.

К другому через день в приверженцы идут,
Хоть этот новый шейх невежеству собрат.

В таком ни веры нет, ни пламени любви,
И дара наставлять не излучает взгляд.

Когда заговорит, такую чушь несет,
Что, если бы умолк, и олух был бы рад.

Когда же он молчит, то паству так пасет,
Что у нее мозги и косточки болят.

Из кабака его всего лишь рев пьянчуг
Летит к ушам ума сквозь алкогольный смрад.

Избавь Джамии, аллах, от мерзости ханжей,
Что носят голубой кошунственный наряд!

* * *

Не тот я ныне, кто язык марает болтовнею,
Стирает кончик у пера то бранью, то хвалою.

Пустые строки — черепки, поэзия — алмазы,
Но браво, глупость, коль стихи украшены тобою!

Я отдал жвачке много лет, теперь кусаю локти,
Над жизнью прожитой скорблю, растраченною мною.

Теперь в слезах мои стихи цежу я сквозь овчину,
И хоть бы раз блеснула шерсть крупницей золотою!

Хотя поэзии простор поистине бескраен,
Меня стесняет край строки рифмовкою, не скрою.

Стихи — как ветер! Ну а я и дни и ночи занят
Моджтессами, и музари, и прочей чепухою,

Я красноречию сказал: «О мой работодатель,
Что всем завистникам назло столь щедрою рукою

Даешь в словесной мастерской без меры мне работу,
Не пострадаю ль, коль уйду в молчанье с головою?»

В ответ услышал я: «Джами, ты дивных тайн хранитель.
Не допусти меня открыть хранилище такое».

* * *

О ты, чье сердце безмятежно, что знаешь о тоске,
О том, как больно ноет сердце от друга вдалеке?

О, что ты можешь знать о боли израненной груди,
Коль и колючки не задела, растущей на песке?

Что, нежась до утра на ложе, ты можешь знать о тех,
Чьи ночи — стон, чье ложе — мука, чья жизнь на волоске?

Что знаешь, горлинка, о птицах, томящихся в плену,
Ты, что на ветку кипариса взлетаешь в цветнике?

Что можешь знать о трезвых людях, об их путях, Джами,
Коль опьяненность и беспутство с тобой накоротке?

* * *

И в сердце, и в глазах бессонных так непрестанно ты,
Что мнится мне: вдали мелькаешь, куда ни гляну — ты.

Тот, кто готов для непокорной уйти из жизни, — я,
А кто покорному наносит несчетно раны — ты.

Утратив сердце, тем доволен, что, унеся его,
Владеешь сердцем безраздельно и невозбранно — ты.

Хоть в грудь мою ежеминутно вонзаешь сотни стрел,
Я утешаюсь тем, что стрелы шлешь неустанно ты.

Мне светит милостыней света, подачкой ночи день,
Поскольку мне свечою светишь в ночи туманной ты.

Зачем звать к тебе, жестокой? Ведь знаешь и сама:
Виной тому, что утром ложе от слез багряно, — ты.

Хоть знаю, на торгу свиданий меня оценишь в грош,
Твердить я буду: покупатель, душе желанный, — ты.

«Я друг тебе, Джами! — сказала. — Другого не ищи!»
Придется, видно, жить без друга, коль друг столь странный — ты.

* * *

Ты пери устыдить смогла своею нежной красотой,
И розу юную поверг в смятенье лик лучистый твой.

Я так в разлуке тосковал, что кровью слез окрасил луг,—
Кора табаристанских лоз от них покрылась красной.

И в мире царствует хаос с тех пор, как шелк твоих волос
Во власть отдали ветерку, что пролетел над головой.

Идешь, не приминая трав, полу одежды подобрал, —
Кеклик споткнулся: вздумал он идти походкой легкой той.

Весь город в сладостных силках, проходим трудно сделать шаг,
И каждый смотрит на тебя с немым восторгом и мольбой.

Не до Джами теперь тебе! Затерян в общей он толпе,
И щеки впалые его с соломой схожи желтизной.

* * *

Ты цветком сперва казалась, что в одежды облекли.
Нет, решил я, это розу человеком нарекли.

Легкий стан обременяет разноцветные шелка —
Ткать из белого жасмина одеянье повели.

Не жрецы в своей кумирне поклоняются богам, —
Я, в священном иступленьи, пред тобой лежу в пыли.

Ты, прелестная тюрчанка, мне погибелью грозишь,
Иль тебя из Хорасана или Чина привезли?

Прикажи расстаться с жизнью за единый поцелуй —
Я пожертвую душою, но блаженство посули.

Дай коснуться поцелуем, дай изведать сладость уст,
А потом — на все согласен! — умертвить меня вели.

Если жизнь в руках любимой — словно птица в западне,
Одного Джами желает: чтобы вечно дни текли...

* * *

У подножья Бисутун мак кровавый запылал,
Будто лапы рудника наземь выбросили лал.

Я ошибся: это сам покоритель гор Фархад
Вырвал пламень из груди, и цветок его вобрал.

Гиацинт твоих кудрей, запах мускуса тая,
Сто мятущихся сердец на колечко нанизал.

Безответная любовь день одела темнотою,
На лице моем рассвет, словно кровь, зловеще ал.

Груз разлуки на весах я измерить захотел, —
Эта ноша тяжелей, чем я прежде полагал.

Я в лицо твое глядел — кельей мне казался лик,
Сквозь окно зениц пройдя, лунный свет внутри сиял.

Возлюбившие тебя бремя бедствия несут,
Но несчастнее Джами ни один из них не стал!

* * *

Песнь моя без тебя все печальней звучит и грустней, —
Так без розы прекрасной рыдает весной соловей.

Словно чанга дуга, от печали согнулся мой стан.
По закону игры, по безжалостной воле страстей

Льются слезы мои, на щеках отражаясь твоих,
Иль от капель росы стал жасмин и свежей, и белей?

Легче смерть, чем разлука! Их рядом поставить нельзя:
Смерть — мгновенье, в разлуке страдать — до скончания дней.

Где найти мне лекарство, чтоб муки любви заглушить?
«Нет такого бальзама!» — гласили ответы врачей.

Я обитель свою из стенаний и вздохов сложил, —
Видел кто-нибудь келью, подобную келье моей?

Ты добычей красавиц не раз становился, Джами,
Много чаще, чем сам их опутывал сетью страстей.

* * *

Ушла любимая моя, я одиноко стал страдать.
Кровоточит моя душа, сердечной боли не унять.

От близких отказался я, ей в жертву я друзей принес, —
Не знаю, перед кем теперь мне скорбь разлуки изливать.

И вслед за ней и вокруг нее идут влюбленные толпой,
Но средь избранных, увы, мне место не дано занять.

Доколь напрасно счастья ждать от переменчивой судьбы?
Удел мой — голову склонить и все возлюбленной прощать,

Всех, кто любить ее посмел, она измучила вконец,
Молю ее лишь об одном: о, продолжай меня терзать!

Будь милосерден, лекарь мой, пронзивший сердце острием:
Чтоб кровью я не изошел, стилет не надо вынимать.

И слезы бедного Джами струятся, как река Аму,
В слезах покинул он Герат, с тех пор не устает рыдать.

* * *

Ты ушла не простясь. Ты покинула дом,
Оглянуться забыв, будто я незнаком.

Поспешила в дорогу, влекома мечтой,
На несчастного глянуть считая грехом.

Я был верным рабом, стерегушим порог,
Ты ушла, не подумав, что станет с рабом.

Как слеза по щеке, торопился я вслед,
Ты надменно прошла с равнодушным челом.

«Посмотри на страдальца! — я тщетно просил,
Обреченно молил лишь о взгляде одном: —

С пролетающей птицей привет передай,
Весть одну с мимолетным пошли ветерком!»

Ради этой мятежной и гордой души
Отдал душу Джами, не жалея о том.

* * *

Доколе кровью исходить, о сердце?
Потоки слез кровавых лить, о сердце?

Ты со слезами глаз перемешалось,
Рвешь вместе с ними жизни нить, о сердце.

Из края в край меня по свету кружишь,
Доколе этот путь вершить, о сердце?

Ты любишь ту, что на Лейли похожа, —
Меджнуна путь тебе торить, о сердце!

Мир таинство любви творит издревле.
Чем можешь землю одарить, о сердце?

Сто нежных гурий ты околдовало,
Всех жаждешь ты приворожить, о сердце.

Джами томится в скорби и печали.
Что делать мне, как дальше жить, о сердце?

* * *

До чаши неба невзначай коснулась пальцами луна —
И песня радостной любви влюбленным сделалась слышна.

Уходит месяц на закат, хмельной от праздничных усад, —
Со мной из чары золотой испей пурпурного вина.

Вино, что ты продашь в тиши, ценней, чем проповедь ханжи.
Ханжа, милей мне торгоши — в них безыскусственность видна.

В одном тебе преуспевать: грехи чужие обнажать, —
Коль их не сможешь замолить, то сам греховен ты сполна.

Знай: недостойно мудреца нам болтовней смущать сердца,
Мудрец и молча говорит, — в молчанье мысли глубина.

Коль в жизни ты не преуспел, людские души не задел —
Себя сумей преодолеть, нам леньность духа не нужна.

Джами, на слабеньком огне не сваришь пищу в казане,
Пройдут года, он закипит и раскалится докрасна.

* * *

Ты нашла себе другого, как теперь мне поступить?
С кем об участи печальной ныне стану говорить?

Мне друзья чужими стали, очерствели их сердца,
Враг стал другом, — все смешалось, ничего не изменить!

Мы опишем наши чувства на пергаменте лица,
Если нам перо придется с кровью слез соединить.

Нам твердили, что кумиры — воплощенье красоты,
Ты своею красотою мир сумела ослепить.

Объяснить иносказанье вдруг потребует ходжа:
Мысль запрятана глубоко, как невидимая нить.

Я бушующей стихией счел могущество стиха,
И другого океана нам нельзя вообразить.

Современники глухие не поймут тебя, Джами,
По ступеням отрицанья в ночь сойдем, чтоб вечно жить.

* * *

Друг виночерпий, поспеши, пора нам речи прекращать,
Вина запретный аромат пусть на уста кладет печать.

Я слишком многое познал. Наполни снова мой бокал,
Вино поможет память смыть, свободу обрести опять.

Но ухищренья ни к чему, освобожденья нет уму, —
Поддай вина, чтоб от себя смог опьяненный убежать.

Вина испив один глоток, провидцем стану, как пророк,
Бессмертье Хызра обрета, трубы господней стану ждать.

Ты на могильный холм придешь и капли винные прольешь,
И ветви, полные цветов, сквозь кости станут прорастать,

В самодовольном мире сем вино считается грехом,
Но чаша в винном погребке мне заменяет благодать.

Джами, еще вина испей, чтоб с милой встретиться скорей.
Приди, о кравчий, и налей, дай мне блаженство испытать.

* * *

Без тебя я как птица, лишенная крыл,
А с тобой я исполнен стремительных сил.

Стыдно мне, что сиянье лица твоего
Я не с солнцем, а с тусклой луною сравнил.

Рядом с псами твоими я место нашел .
И прибежищем сим возвеличенным был.

Ты сказала: «Любовь — заблужденье людей!»
Значит, я в заблужденье, что так полюбил.

Полюбив, я науку любви превзошел
И, невеждой прослав, все иное забыл.

Я — зеркало, его полирует любовь, —
Луч любви, отражаясь, меня ослепил.

«Буква «даль» — твои кудри», — промолвил Джами,
Взяв один завиток, он Каруном прослыл.

* * *

Столь восхитительной луны во всех земных владеньях нет.
Влюбленным трудно без тебя — у них в груди терпенья нет.

Где отыскать терпенье мне? В твоём пылаю я огне,
Под небосводом голубым губительней влеченья нет.

На что похож бровей полет? Священного михраба свод,
Два полукружья, два крыла, две арки — совершенней нет!

Писанья я читал листы с изображеньем красоты,
Пристрастно всматривался я — нигде с тобой сравненья нет.

Я миг свиданья заслужил, он отдален судьбою был.
Есть только право у меня. Надежды на свершенья нет.

Кто изнурен разлукой, тот свиданья, как лекарства, ждет, —
Тому, кто опиум курил, ни в чем ином забвенья нет.

Любовь, считали с давних пор, — морской бушующий простор.
Джами мечтает утонуть: от страсти исцеленья нет!

* * *

Мой тюркский ангел на фарси двух слов не может разобрать:
«Целуй меня», — я попросил. Она не хочет понимать.

Позавчера я весь пылал. Вчера от страсти погибал,
Сегодня видел я ее... и не осталось сил страдать.

Перед глазами ты, мой свет. Иных кумиров в сердце нет.
Грудь — крепость, ты шахиня в ней, чужих не велено пускать.

Как дальше быть? Коль ты кузнец, то я одно из тех колец,
Которым двери в твой чертог не приходилось открывать.

Был заключен Юсуф в тюрьму, подобно сердцу моему,
А без Юсуфа Зулейха весь мир темницей станет звать.

Себя я с облаком сравнил. Тебя — с цветком в расцвете сил.
Смеется роза в цветнике — мне предначертано рыдать.

Столь сильно любящий Джами с самим Якубом ныне схож:
Его кумиром был Юсуф, он за него мог жертвой стать.

* * *

Твой стан — как трость. А мы — стары... Идем, преодолевая
боль.

Не возгордись, подставь плечо и опереться нам дозволь.

Ты так прелестна и юна, благоуханна, как весна,
Тебе ли взоры обращать на эту нищую юдоль?

Величье солнца у тебя — ничтожнее пылинки мы,
Ты нашей слабостью сильна — мы пред тобой босая голь.

Я так твой образ возлюбил, что стал царем в стране любви,
Хотя, при разуме моем, визирем стать не смел дотоль.

Разлука держит нас в плену... А где же добронравный друг,
Чтоб рассказал, что терпим мы, в плененье мучимые столь?

Печаль окрасила чело, наш лик шафранно-желтым стал,
И полоса кровавых слез перечертила щеки вдоль.

Судьбы зловещей письмена ты у Джами смети с чела,
Ему, изведавшему всё, одну тебя любить позволю!

РУБАИ

Как может тебя увидавшее око
В разлуке от слез не ослепнуть до срока?
Хоть сам я живу без тебя, удивляюсь
Тому, кто живет от тебя так далеко.

* * *

Моя любимая — о, страшный час! — уходит,
Из рук подола вырвавши атлас, уходит.
Кровь хлынула из глаз, из жил бежит... О боже,
Уходит из души все то, что с глаз уходит.

* * *

Сердце расплавил пламя в полный накал.
Думал я выиграть счастье — жизнь проиграл,
Понял: тебя я не стою, жалок и мал.
Сердце смирилось, и разум спорить не стал.

* * *

Побледнел шиповник щек от лихорадки,
Губы обметало, кудри в беспорядке,
Спишь ты, словно око. Я же в изголовье —
Брови тетивою — сон храню твой краткий.

* * *

Обращался я к аллаху от страданья по тебе,
Рвал терпения рубаху от страданья по тебе,
Натерпелся боли, страху от страданья по тебе.
Проще: стал подобен праху от страданья по тебе.

* * *

Ах, только не сглазить бы глаз красоту!
В одном уголке вижу синь-черноту:
Наверно, смутили глаза машшату, —
Сурьмой провела она эту черту.

* * *

Глазам была видна ты, а я не знал,
Таилась в сердце свято, а я не знал,
Искал по всей вселенной твоих примет,
Вселенною была ты, а я не знал.

* * *

День прошел в размышленьях о том, что все прах. Увы.
Ночь прошла в сожаленьях о яви и снах. Увы.
Миг один этой жизни дороже вселенной всей,
А она зря прошла в бесполезных мечтах. Увы.

* * *

Спешил я приукрасить другим под стать себя,
Не ближних за терпенье — хвалил опять себя.
Когда ж узнал в разлуке, где спешка, где терпенье, —
Тогда, хвала аллаху, я смог познать себя.

* * *

На дереве терпенья плод — не диво.
Знать, что разлуки срок пройдет, — не диво:
Уж если сердце отдано любимой,
Отдать ей тело в свой черед — не диво!

* * *

Когда тебя от головы до пят
Сожжет прекрасный, но неверный взгляд,
Пей, как вино, кровь собственного сердца,
Глотай, как сладкий сахар, горький яд.

* * *

О милая, взгляни, как мир красив,
Вот строки трав легли на свитки нив.
Весна, как ученик, мелком зеленым
На поле учится писать «алиф».

* * *

Я клялся верным быть, но верным быть не мог.
Ты прогнала меня, теперь я одинок.
Ты сетуешь, а я главу посыпал прахом,
Из-за твоих причуд я клятвой пренебрег.

* * *

Обретшему бальзам не задавай вопрос,
Какие муки он познал и перенес.
Ты слушай мудрецов и, виноград вкушая,
Не спрашивай о том, в каком саду он рос.

* * *

Подруга Севера, луна, сияя в небесах,
Следы любимой озари, дороги серый прах.
А если спросит про меня, живущего вдали,
Ответь: «Измучился поэт и от любви зачах!»

* * *

Твоя печаль огнем мне сердце жжет,
Я обожжен на сотню лет вперед.
Придет пора, и на моей могиле
Мак огнецветный жарко расцветет.

* * *

Сказал я сердцу: «Дай передохнуть!
Я истомлен, далек мой трудный путь.
Сумей суровым быть с неблагодарной,
С той, что смогла поэта обмануть!»

* * *

Я без тебя поднес бокал к губам,
Вино я пью с печалью пополам.
Ты черным взором дни мои смутила,
Расстались мы — конца нет черным дням.

* * *

Кто силу знания отверг, тот обделен умом, —
Он счел, что сущее кругом — обманчивый фантом.
Но если этот зримый мир — воображенья плод,
Как с вечной истиною быть, вне нас живущей в нем?

* * *

Мой день прошел в тоске и маете.
Я горевал в вечерней темноте
О том, что жизнь, мгновенье за мгновеньем,
Я промотал в никчемной суете.

* * *

В огне страстей дотла я сердце сжег.
Искал я тщетно, годы не берег,
Лишь под конец, вниманья недостойный,
Истерзанный, пришел на твой порог.

* * *

Беда тому, чье сердце оскудело,
Кто разлюбил, чья роза облетела.
Ты говоришь: «Дозволь уйти!» О небо!
Кто разрешит душе покинуть тело?

* * *

Когда весной, благостью небес,
Цветы покроют и поля и лес,
Я на могильный холм приду в надежде,
Что образ милой в лилии воскрес.

К Ы Т А

* * *

Джами! Пришел ты в этот мир прекрасный, но чужой
С пытливым разумом своим и пылкою душой...
Никто адабу с детских лет не обучал тебя,
Достиг ты милостей судьбы, нелегкий труд любя.

Богатством пламенных стихов теперь ты знаменит...
Беда ль, что золото в твоём халате не звенит?
Им люди так спешат прикрыть любой разврат и зло,
Что, я уверен, друг, тебе отменно повезло:
Ведь чёрный ураган беды, что видел ты не раз,
Мог жизни слабый стебелек втоптать в любую грязь...

* * *

Не забывай, кто б ни был ты, что матерью рожден,
Что теплым молоком груди был в детстве напоен,
Что в час напасти и беды, терзаясь и томясь,
Она, как рыба без воды, душой к тебе рвалась...
Всю жизнь с начала до конца в дар принесла тебе,
И словно вещая звезда она в твоей судьбе.
Ты мать родную защити! Всю славу и почет
Сложи ковром на том пути, каким она пройдет.
Стань пылью ног ее скорей и путь ей облегчай...
Ведь ноги наших матерей идут дорогой в рай!

* * *

Я вижу, ты пришел ко мне с лепешкой зачерствелой;
С почтеньем держишь ты ее, склоняясь главою белой.
Лежит в шатре твоём пирог, пропитанный слезами,
Его ты разжевать не смог истёртыми зубами...
А помнишь юности года, то время золотое,
Когда ты кость перегрызал зубами, как пилою?

* * *

Бродячий мусорщик, ничтожный золотарь,
Над смрадной бочкой наклонив чело,
Сказал раздумчиво: «Небесный государь!
Почетным кажется мне это ремесло...»

Подслушав те слова, напыщенный юнец
Ответствовал не в шутку, а всерьез:
«Мы — сливки общества! А твой удел, глупец,
Мести за нами выпавший навоз...»
«Согласен, — молвил тот без ложного стыда, —
Но ремесла менять я не хочу.
Мой труд для всех необходим всегда:
Ведь сливки тоже превращаются в мочу...»

* * *

Пять важных правил в жизни соблюдай —
И на земле увидишь светлый рай:
В делах мирских не возмущай покой,
Зря не рискуй своею головой,
Здоровье береги, как редкий клад,
Живи в достатке, но не будь богат,
И пусть приходит разделить досуг
К тебе надежный и сердечный друг...

* * *

Запомни крепко, друг, что правят в этом мире
Небесный звездный круг да в нем — число четыре.
Извечна на земле явлений кривизна:
Зима да лето, осень да весна...
Печаль разлук людских сменяет радость встреч,
Поэта мирный стих — войны кровавый меч.
За ночью неизбежно день настанет,
А жизнь появится — вослед ей смерть нагрянет...

* * *

Мне жалок этот мир! Здесь все к добыче льнет...
Никто задаром и рукой не шевельнет.
Но покажи кусок, и вмиг издалека
К нему протянется дрожащая рука,
За ней — еще одна, вот их сомкнулся круг...
И очутился ты в объятьях жадных рук!

* * *

Смерть — словно вечный сон, миг пробужденья — жизнь...
Сон этот сладостен — за жизнь ты не держись.
Жди ночи, как дитя, жди утра, как старик, —
И встретишь радостно ты свой прощальный миг!

* * *

Любовь, как благостный родник, из глубины веков
Течет... И каждый хоть на миг
К нему припасть готов.
Но в этой жажде вековой различьям нет конца,
Как между страстью роковой и похотью глупца...

* * *

Всевышний задал мне загадку,
Но в ней я разобраться смог:
Бывает солью сахар сладкий,
А соль — как сахарный песок...
Ты в жизни многое хлебнешь,
Пока в ней истину поймешь:
Уж лучше выпить горький яд, но свой,
Чем лбызать медовый зад... чужой.

* * *

Пусть лучше дом твой обойдет
Порой незванный гость
И пусть не будет у ворот
Торчать, как в горле кость.
Его, как смертную чуму,
Старайся избежать:
Вдруг заразишься... и ему
Начнешь ты подражать?

* * *

Кто, словно раб, на поводу у жадности своей,
Тот может угодить в беду и подвести друзей.
Ведь рыбка плавает, пока
Не выйдет резвой срок:
Проглотит жадно червяка,
А вместе с ним — крючок...

* * *

Случается, кувшин с вином
Нетрезвая рука
Швырнет вдруг в иступленье злом
На камни погребка...
К чему здесь возмущенный крик,
И брань, и суета?
Кувшин не склеить хоть на миг
Слюною изо рта...

* * *

Однажды каменщик невежде строил дом.
Хозяин приказал: «Строй прочно, чтобы в нем
Всю жизнь не ведать мне лихих забот!»

Прослышав те слова, прохожий у ворот
Заметил: «Дом твой — словно наша жизнь:
Он слаб ли, крепок — велика ль корысть?
Все из воды мы слеплены и праха,
Все перейдем туда, откуда мы взялись...»

* * *

Пройдут года... И вот настанет срок,
Когда ты старость вступишь на порог,
Живи, как подобает старику:
Не гладь морщины, не румянь щеку...
Поверь, что в старости почетней быть седым,
Любовь и шалости оставив молодым...

* * *

Свои стихи я как-то раз писцу отдал.
Искусным почерком он их переписал,
Обвел орнаментом, везде проставив точки,
Да вот беда — ошибки в каждой строчке...
С досадой принялся я править этот труд,
Дивясь обилию огрехов там и тут.
Всю красоту, что он изобразил,
Я скверным почерком своим перечертил...

* * *

Почтенный старец в целях назиданья
Поведал притчу мне о пользе бани...

Однажды раб, намыливая спину
С усердием примерным господину,
Вдруг возопил: «Пускай твой острый разум
Разрубит цепь моих сомнений разом!

Ответь мне! Вот приходим мы сюда,
Нас мучают заботы и нужда...
Но лишь мы дверь в предбанник отворяем,
Как все невзгоды напрочь забываем.
Откройся же рабу, в чем здесь секрет?»
Хозяин молвил: «В том секрета нет.
Будь раб ты или царь, но в мир пришел нагой...
Когда вступаешь в баню ты ногой,
Вмиг все дела мирские забываешь —
Их вместе с мыльной пеною смываешь.
Ты мыслишь здесь лишь об одном с опаской:
«Не обронить бы с бедер мне повязку!»
Хоть та повязка мокра и легка,
Но отличишь раба в ней от царька.
А без нее (простит меня всевышний!)
Мы все — как пыль с одной цветущей вишни...»

Читателю — совет: ты в баню поспеши!
Смывает грязь она и с тела и с души...

* * *

Когда ты попадешь ногой в змеиную нору,
Здесь милосердье, дорогой, и жалость — не к добру.

Не жди шипения змеи, не верь ее слезам...
Немедля гадину дави, не то погибнешь сам!

* * *

Хвалиться попусту, друзья,
Глупей, чем ночью темной
Искать следы от муравья
Во мху скалы огромной...

Но в тайники души моей,
Я вам признаюсь прямо,
Забраться будет потрудней,
Чем вырыть носом яму...

Ф А Р Д Ы

* * *

Недолг путь наш по земле, тернист его покров...
Но слышен каждому во мгле добра извечный зов.

* * *

К лазурным солнечным лучам ведет дорога всех,
Будь в жизни честен, смел и прям — и ждет тебя успех!

* * *

Небесный свод горит светло, и путь он освещает
Тому, в чьем сердце дышит зло и кто добро вещает.

* * *

Смерть постучится в каждый дом однажды в одночасье,
Но смысла нет скорбеть о том: судьба щедра на счастье.

* * *

Надежду — солнечную нить — на счастье люди ткут;
Сумеешь лучик сохранить — удачи дни придут.

* * *

Не вызывай людей на бой за каждый жалкий грош:
Кусок лишь савана с собой в могилу заберешь...

* * *

Простой крестьянина завет я помнить буду рад,
Что винограду сок и цвет дает лишь виноград.

* * *

Коль знаньем овладеть ты смог, дари его другим;
Костру, что сам в душе зажег, не дай растаять в дым!

* * *

Не по земле, а по коврам гордец решил ходить;
Не знал он только, что и там лоб можно расшибить.

* * *

Людей подводит нрав дурной, а добрым поведением
Того достигнешь, что иной не купит и за деньги.

* * *

Сползает с горных ледников сиреневый рассвет,
Но спящий грезит в мире снов, покоем он согрет.

* * *

Доносит запах цветников зефир при лунном свете,
Но спящему в объятье снов неведом этот ветер.

* * *

Спроси ханжу, что в смертный час святошей стать решил:
Ответь, любезный, кто из нас при жизни не грешил?

* * *

Добро безмерно, как вода бездонного колодца;
Будь добрым к людям, и всегда добро к тебе вернется.

* * *

Источник с горькою водой тебя не напоит,
Глупец с седою бородой тебя не вразумит.

* * *

Сокровища не обретешь без горя и без муки,
Бутона розы не сорвешь, не оцарапав руки...

* * *

Все, что в душе твоей хранится и доброго и злого, —
Все может ближнему открыться волшебной силой слова.

* * *

Крупинка малая — алмаз, но в нем цветов игра;
Милей он для души и глаз, чем из камней гора.

* * *

Любого встречного в пути в знакомцы не бери,
С любым знакомым не сиди до утренней зари...

* * *

Не тот мужчина, кто бренчит набитым кошельком,
Мужчина тот, кто знаменит отвагой и трудом.

* * *

Небрежно сделаешь свой труд — хвалу не обретешь;
Сырой попробуешь халву — болезни наживешь!

* * *

Как облако — дождем добра ты напои людей,
Пока цветет твоя пора, лишь для людей радей!

* * *

Начнешь с горою говорить — услышишь только эхо;
Не поленишься злак зарыть — пожнешь зерно успеха.

* * *

Не будь невеждой, не сиди на шее у отца,
Трудом и знаньем превзойди любого молодца!

* * *

Пускай, дурной молвы печать твой дом не потревожит;
Ты злом на зло не отвечай — оно лишь горе множит.

* * *

Свободно ты живешь иль раб, прими совет один:
Без знаний ты как муха слаб, со знаньем — властелин!

* * *

Чтоб этот бренный мир земной не омрачила мгла,
Будь путеводной всем звездой, сожги себя дотла!

* * *

Благословенны станут те, в ком нет огня раздора;
В труде, и в счастье, и в беде им добрый нрав — опора.

* * *

Коль честен в жизни будешь ты, то, вопреки наветам,
Спасешься от лихой беды в греховном мире этом.

* * *

Ты хочешь, чтобы каждый день твой стал длиннее ночи,
Трудись! Гони дремоты лень, и станет ночь короче.

* * *

Подобно кожаным ножам для человека тело;
Душа в них — меч, и лишь душа в бою решает дело.

* * *

Лишь тот в делах своих подружится с удачей,
Кто пользу видит в них, а от невзгод не плачет.

* * *

Для бранных и гневливых фраз не отвори уста;
Губам людей противна грязь, полезна чистота.

* * *

В нежданных горестях, пойми, ты виноват лишь сам;
Их корень кроется в любви к бездумным словесам.

* * *

Когда о подданных своих правитель не радеет,
Он по миру пускает их, а трон его слабеет.

* * *

Венец дерзания и помыслов заря — наука!
Ключи познания к воротам бытия — наука!

* * *

Когда из тесной клетки ты отпустишь в небо птицу,
Она с лазурной высоты к тебе не возвратится...

БЕДИЛЬ

Из поэмы «Ирфон»

КОМДЕ И МОДАН

Когда-нибудь придет певец другой,
Настроит чанг волшебною рукой —

И, волю дав созвучьям, он поет
Складней, чем я, и лучше он поет,

Как Индией великой правил встарь
Могуществом известный государь;

Как самоцветами его персты
Играли, словно пестрые цветы,

И, словно луг в разгар весенних дней,
Его тюрбан пленял игрой камней.

Шум на его пирах не убывал, —
Как запах роз, волнами наплывал.

Гремел его дворцовый барабан,
Всегда в поход готовый барабан.

Войска его вздымали до небес
Пыль, что несла в себе весну чудес.

Казалось, кубок времени при нем
Всегда был налит радости вином,

Дни — зеркала, и женской крас¹оты
В них отражались белые цветы.

И вечера его — как зеркала, —
Клубилась в них кудрей душистых мгла.

*

И вот была в то время у него,
Жемчужиной в гареме у него

Танцовщица Комде, — и лик и стать
Лишь кисть Мани дерзала бы создать!

Ста весен чары — перед ней ничто,
Все кары сотни судных дней — ничто!

А в пляске так изящна и легка, —
Игривей, шаловливей мотылька.

Закружится, блистая на коврах, —
Она ль, павлинья стая на коврах,

Взбесясь, взвихрила искрометный пух?
Глядишь — в восторге замирает дух,

Глядишь — то образ кубка засверкал,
То — циркуль рисовальщиц замелькал.

Перстами щелкнет — млеет юн и стар,
Немеет флейтоклювый Мусикар.

А если бровью поведет она,
Лукавства шаловливого полна, —

То струны чанга рвались — и в тоске
Свивались, точно змеи, на доске.

Не только пляски дар был дан Комде, —
Умела наряжать свой стан Комде!

А сдвинет головной убор на бровь, —
Ум цепенеет, закипает кровь.

Одним движеньем удавалось ей
Разжечь пожар, поднять мятеж страстей!

Пока Комде на царском пире нет —
И тысячесвечовый скуден свет.

Затоplen мир был красотой Комде,
Для двух миров была мечтой Комде.

*

А в те года в одной из дальних стран
Жил некий музыкант-певец — Модан.

Был жизнелюбом, знатоком вина,
Веселья кубок пил он допьяна,

И славы барабан гремел о нем
И в отдаленных странах день за днем.

В своем искусстве он в те дни один
Достиг таких вершин, таких глубин.

Хоть был его танбур с луною схож,
Но лунных пятен не имел он все ж.

Когда он струн высоких звон струил,
Казалось — звуки небосклон струил;

Когда же низких струн струился звон,
Из-под земли, казалось, лился звон.

Настолько был протяжен звук любой,
Все сущее он оплетал собой.

Петь начинал Модан — из уст его
Непостижимо било волшебство.

Судьба пером двужалым между тем
Предписывала слушателям всем:

«Лишась рассудка, человек, будь рад, —
Свой дух ты здесь обогатил стократ!»

Да, он живых сознания лишал,
А мертвых — снова к жизни воскрешал.

Где пел Модан, там был для слуха пир,
Был для взыскательного духа пир.

Он пел — и, словно теплая река
Текла, и глубока, и широка,

И слушатели — по волнам ее
Восторженно неслись в небытие...

И даром властным обладал Модан,
И сердцем страстным обладал Модан...

От разных мастеров искусств везде
Он слышал о танцовщице Комде —

И, не видав ее ни разу, он
Был образом ее заморожен.

Теперь, случалось, будто охмелев,
Слова терял он, обрывал напев.

Комде людской хвалой, как говорят,
Была облечена в такой наряд,

Что ухо как бы превращалось в глаз,
Чуть начинался о Комде рассказ.

И каждый слух о ней как бы внушал:
«Встань — и пойд!» Как зов судьбы, внушал.

А он — полетел бы, да не мог...
О, если б людям крылья вместо ног!

Его как бы заморозил колдун,
О нем уже молва пошла: «Меджнун!»

Как резкий звук оборванной струны,
Он вдаль рванулся из родной страны.

Слезой, что покатилась по щеке,
Он вышел в путь, в надежде и в тоске.

Был путь его и долог, и тяжел,
Но все же он до той страны дошел,

До той столицы, где жила Комде,
Откуда в мир текла хвала Комде.

*

Чернилами свой напоив калам,
Так летописец повествует нам:

Приход Модана был для той страны,
Что для полей — дыхание весны.

Он, как бродячий музыкант простой,
Скитался долго по столице той,

Но так играл, так пел искусно он,
Что вскоре был весь город возбужден, —

И в знатные дома стал вхож Модан,
Стал частым гостем у вельмож Модан.

Его известность поднялась в зенит, —
И на чужбине стал он знаменит.

А знаменитость — вечно и везде,
Подобно яркой утренней звезде,

Влечет все взоры и сердца: смотри, —
Она — предтеча солнечной зари!

К заветной цели подходил певец:
Молва о нем проникла во дворец.

Узнала о Модане и Комде,
Зажглась вся в ожидании Комде —

И пляской «Птицы раненой» с тех пор
Пленяла на пирах весь царский двор.

Но раненная тем стрелком, что ей
Отныне самой жизни стал милей,

Не смела эта птица и мечтать
Хоть раз его воочью увидеть.

Просить царя? Нет! За один намек
Шах головы ее лишит бы мог!

Но люди просвещенного ума,
У шаха заслуженные весьма,

На пиршестве высоком во дворце
Речь повели с царем о пришлеце:

«Певец и вдохновенный музыкант, —
Ведь необыкновенный он талант,

Он — соловей, взлелеянный в раю,
И в нашем очутился он краю,

В том добрый знак судьбы, конечно, есть,
Улада людям, государству — честь.

Такого пения, такой игры
Не слыхивали царские пиры.

В нем одаренность с красотой слита,
Он — совершенство, он — души мечта.

Когда Модан играет, саз его —
Сам славит музыканта мастерство.

В нем звук высокий — восхищенья клик,
Глубокий звук — его смущенья клик.

И сам Нахид, смущен его игрой,
Бросает вниз небесный бубен свой.

Хотя «Модан» не рифма для «Комде»,
Возьмем его в редиф мы для Комде.

Не сочетавший этих двух имен
Окажется и черств и неумен:

Открыл ему предел блаженства бог,
Он — жребием счастливым пренебрег.

О, если б на торжественном пиру
Соединить их пляску и игру!»

С царем так о Модане говоря,
Так убедительно прося царя,

Они достигли цели: шах в душе
Желаньем их сам воспылал уже,

И тот огонь никто б не мог задуть.
В нем закипела нетерпенья ртуть, —

И сразу — шахское веленье: «Пир!
Устроить миру в удивленье пир,

Чтоб не было ни винам, ни цветам
Ни меры никакой, ни счета там!»

И сразу двор привел в движенье шах, —
Распоряжений шум не молк в ушах.

И вот уже — с утра и до утра —
По всем высоким правилам двора

Готовят пир необычайный. Вот
Великий день веселья настает!

Вина такая там отверзлась хлябь,
Что даже и прославленный Халяб,

Снабжавший мир кувшинами, — и тот
Кувшинов столько дать не мог и в год.

А свежесть красок этого вина
Была так натуральна, что она

Служила бы укором для румян
Красавиц из далеких фракских стран.

Что выпивалось тут из кубка — то
Заполнить бы могло подвалов сто.

Пестрел цветами пиршественный зал,
Как будто бог ста веснам приказал:

Все запахи и краски вылить там
И на сто лет забыть пути к садам.

Так свет свечей там и лампад светил,
Что потускнел и яркий взгляд светил.

Но мир во мрак не погрузился — он
Был пиршественным светом озарен...

И кравчие с улыбкой на устах
Вошли и стали на своих местах,

Вошли и музыканты — стар и юн —
И на персте у каждого — нохун,

Как острый коготь золотой, сверкал:
Терзая струны, душу он ласкал...

А между тем — уже вино-злодей,
Сознание похищая у людей,

Забулькав, из бутылей полилось,
В разгульном изобилие полилось.

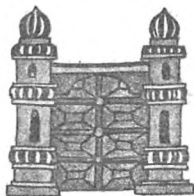
Слух обольщая, многострунный чанг
Зарокотал, как многоводный Ганг,

И рокот струн и бульканье вина
Слились въедино, как с волной волна.

И пьяного веселья шумный вал
Был так высок, что крышу заливал.

Настолько хмель всеобщим вскоре стал,
Как будто буйным Красным морем стал,

Но в той хмельной стихии лишь одно
Сознание людей пошло на дно.

*

Шах, открывая пиршество, исторг
Сердец неопикуемый восторг.

О наслажденье пели все певцы,
Веселье хлынуло во все концы,

И наступил тот долгожданный час,
Час для Комде и для Модана час —

Открыть гостям блестящий лист искусств,
Скрыв тайнопись своих взаимных чувств.

Все превратилось в зрение и слух,
Все онемели ради этих двух,

Кружилась в ожиданье волшебства
У всех гостей в собранье голова...

Чуть первый кубок свой Модан испил,
Он будто сразу в мир иной вступил,

Куда уносит во мгновенье страсть,
Властительница вдохновенья — страсть.

Он, заклинатель звуков, с места встал,
Постигший чар науку, с места встал,

Как меч, из ножен вынутый, он стал,
Как циркуль нераздвиженный, он стал,

И, словно не имел ни ног, ни рук,
Стоял, как стройный молодой бамбук,

Стоял пред шахом на пиру блаженств,
Как гордый знаменосец совершенств,

Стоял, как немотою поражен,
Как будто и дыхания лишен.

Но он лишил дыханья и людей,
Всесильный и в немотстве чародей.

В догадках все теряются — и ждут,
Волненье скрыть стараются — и ждут.

Так напряглись у всех сердца — вот-вот
Их пытка ожиданья разорвет.

Что ж он молчит, соблазнов их сосуд,
Что он замыслил с ними делать тут?!

Их ужас обуял. А он меж тем
Стоял все так же неподвижно-нем, —

И вдруг вздохнул, и вздох был столь глубок,
Что копотью покрылся потолок.

От искры, затаившейся в кремне,
Чертог великолепный был в огне.

Когда, вздохнув, открыл уста Модан,
Казалось, что ворвался ураган.

Такой раздался изумленья гул, —
Почти что светопреставленья гул!

И вновь открыв уста, Модан запел.
Сбылась гостей мечта — Модан запел!

Нет, люди так не пели до сих пор!
Казалось — пел не он, а целый хор,

Казалось — весь он музыкой звучал
И каждой парой звуки излучал,

И в каждом звуке был особый мир,
И каждый душу возносил в эфир.

Когда рукою струн касался он, —
Волшебным чангом сам казался он,

Чьим струнам-шелковинкам нет числа,
И звукам-паутинкам нет числа.

Стон счастья исторгал из всех грудей,
Улыбки рассыпая, чародей,

И каждая, вспорхнув с его лица,
Звенела дробным звоном бубенца.

Когда же на танбуре он играл,
Морскою будто бурей он играл.

Весь музыкальным пламенем горя,
Он в тигель превратил чертог царя,

Так раскалив его своим огнем,
Что испарил людской рассудок в нем...

Вскочил вдруг с места потрясенный шах,
И у всего собрания на глазах

Сорвал он ожерелье с плеч своих,
Из жемчугов настолько дорогих,

Что не было им равных по цене
На всем великом океанском дне,

И, не скрывая восхищенья слез,
Модану ожерелье он поднес.

С чем он расстаться в жизни не хотел,
То сам певцу на плечи шах надел.

Гул одобренья так потряс чертог,
Что чуть не рухнул в этот раз чертог...

Однако больше всех восхищена
Была Комде. Как трепетно она

Следила за волшебником-певцом
С таким прекрасным станом и лицом,

С таким талантом музыки, какой
Не осенял вовеки род людской.

Кому глубины чувства, как не ей!
Кто оценить искусство мог верней!

И так Комде Моданом увлеклась,
Что, все и всех забыв, игрою глаз —

То бровью, то движением ресниц,
Всем чаровством влюбленных чаровниц,

Себя как будто отдавая в дар,
В нем разжигала вдохновенья жар.

Но где один большой талант блеснет,
Там и другой, как бриллиант, блеснет:

Талант Модана так Комде увлек,
Что он ее не вдохновить не мог.

Любовь на вдохновение помножь,
Поймешь Комде восторженную дрожь,

Ее самозабвения порыв,
Внезапный вдохновения порыв...

Стрелой вперед она метнулась вдруг,
Как молния, вся изогнулась вдруг,

Как молния, блеснула красотой,
Всех ослепила полунаготой,

Изогнутая, как турецкий меч,
Всем головы снесла мгновенно с плеч.

Сулил блаженство неземных услад
Восторгом страсти опьяненный взгляд:

Кровь превращал то в кипяток, то в лед
Ее бровей попеременный взлет;

Подобны были утренней заре
Уста ее в улыбчивой игре.

Прошлась — и показалось всем тогда,
Что светлого ручья течет вода;

Кружиться стала — даже малонер
Узрел вращение небесных сфер, —

И до того в кружении дошла,
Что будто неподвижно, как юла,

Она стояла, вся стройней свечи,
Вся изнутри светясь, светлей свечи,

И рой лучей вокруг нее порхал
И крылышками трепетно махал.

И перед каждым — все на лад иной,
Она плясала гурией земной.

Протянет руки — зритель изумлен, —
Он словно ожерельем наделен.

К другому руки вытянет, гляди, —
Оно сверкает на другой груди!

И на почетном месте, и в углу, —
Был ею каждый превращен в золу.

*

И в той золе дворцовой — лишь она,
Как факел красоты, была видна...

Модан, как зачарованный, глядел,
Ниц пред Комде склониться он хотел.

Чем восхищенье выразить свое,
Чем одарить, обрадовать ее?

То ожерелье, что при всех гостях
Ему, певцу, надел на плечи шах,

Модан, не помышляя о беде,
С восторгом бросил под ноги Комде,

И так сказал он, голову склоня:
«Прими в знак восхищенья от меня!

То, чем пред миром я гордиться б мог,
Ты сделаешь браслетами для ног,

Я б голову к твоим ногам сложил,
Но этой чести я не заслужил!»

В лице переменился шах в тот миг,
Мир потемнел в его очах в тот миг;

Закрылось тучей грозное чело,
И судорогой рот его свело;

То в жар его бросало, то в озноб,
Глаза метнули гневных молний сноп;

Был гордости его задет венец, —
Веселью пира наступил конец.

«Как сей бродяга неучтивый мог
Переступить царя царей порог?!

Заслуживает дерзость, чтобы меч
Певца погладил нежно между плеч.

Нет, виселицу заслужил певец:
Пусть выше держит голову гордец!

Но милостив я буду в этот раз;
Прочь негодяя поскорее с глаз!

Плетьми жестоко наказать его,
Изгнать его из царства моего!

А станет мешкать — подгонять, — причем
Не плетью ременную, а мечом,

Да так, чтоб оглянуться он не мог,
Чтоб голова пошла быстрее ног!

И всякий, кто дерзнет, — будь кто-нибудь, —
Избрать себе его защиты путь,

Да знает, что на том пути, увы,
Своей он не догонит головы!»

Словам царя кто возражать бы смел?
Язык у всех мгновенно онемел,

И каждый думал, как бы поскорей
Добраться в суматохе до дверей...

Меж тем — телохранителей отряд,
Насилия вершителей отряд,

К Модану сворой гончих устремясь,
Сорвал с него одежды — и, глумясь,

Свалил певца прославленного с ног —
И из собранья за ноги волок.

Прах подметал лицом тогда Модан,
В прах бы зарылся от стыда Модан.

Так опрокинут кубок чести был,
Так выпит кубок царской мести был!

Так — радостью горевшая свеча
Погасла от дыханья палача.

Смолк славы триумфальный барабан,
Гремел стыда печальный барабан!..

*

Дав сторожам горсть золотых монет,
Комде бежала палачам вослед.

От бега, от волненья, от тоски
В ней сердце разрывалось на куски.

О, если б ей догнать их, если б ей
Спасти Модана хоть бы от плетей!

Темна ночная улица, страшна...
Комде бежит, полуобнажена,

С разметанными косами во тьму —
На выручку Модану своему.

«Модан, Модан!» — был вопль ее в ночи,
Ей отвечают смехом палачи.

Но вот она их догоняет, вот —
В отчаянье пред ними косы рвет,

Ломает руки, падает во прах,
Валяется, с мольбой, у них в ногах:

«Судьба к вам благосклонной будь всегда!
Путем удачи будь ваш путь всегда!

А мне — свидетелем да будет бог —
Остался в жизни лишь предсмертный вздох,

Продлите жизнь мою на эту ночь!
Ведь длится только до рассвета ночь,

Оставьте до утра Модана мне, —
Ночь проведу я с ним наедине,

А утром, долгу своему верны,
Гоните нас обоих из страны.

Светильника вина или стекла
За то, что копоть на стекло легла?

Кто виноват — свеча иль мотылек,
Которого огонь свечи привлек?

Любовь порочна или красота?
Грех — в красоте, сама любовь чиста!

Мой грех не должен тяготеть на нем:
Моим воспламенился он огнем —

И потерял себя. За что же он
Один несправедливо осужден?!

Моя вина — и я приму ответ;
Покинем город вместе мы чуть свет!

О, смилостивьтесь, и господь за то
Простит вам не один ваш грех, а сто!

Изгнание лишь отстрочить нам прошу,
Дать лишь остаток ночи нам прошу!»

Но ни слезами, ни мольбой своей
Она бы не смягчила тех людей,

А золото — сильнее слов и слез,
И золотом смягчить их удалось:

Модан ей до утра оставлен был
И от битья плетью избавлен был,

Комде Модана привела в свой дом,
Они вдвоем, — и будь что будь потом!

Вновь их пути сошлись на краткий срок,
Вновь две свечи зажглись на краткий срок.

Но, загоревшись, эти две свечи,
Как бы вовнутрь себя струя лучи,

Снаружи не светились, словно им
Сиять неловко было и самим.

Комде сидела, сгорбив тонкий стан,
Под гнетом черных дум сидел Модан.

Обоим взор туманила слеза,
Глаза боялись заглянуть в глаза.

И вздохи говорили — не слова.
Все были обескрылены слова.

А если слово редкое вспорхнет
И в книге чувств листок перевернет,

Оказывалось вдруг — есть порча в нем:
Цвет вылинян, текст неразборчив в нем.

Их трапеза прощальная была
И скудной, и печальною была;

Был горький вздох единственной едой,
А слезы — их напитком ночью той.

Чуть улыбнулось утро встречи им,
Настал уже разлуки вечер им!

Тех потрясений, той печали тьму
Не ведать бы вовеки никому!

Они сидели, словно с тенью тень,
А время шло — и приближался день.

И сломанные приподняв крыла,
Комде дар слова снова обрела:

«О, жертва дней жестокосердных, плачь!
Пример страданий беспримерных, плачь!

Ты, превративший утро счастья в ночь,
Как мне тебя утешить, чем помочь?

Из-за меня покинув край родной,
Зачем искал знакомства ты со мной?

Я воздухом твоей любви дышу,
Но сломанными крыльями машу.

Готова я, как тень, всегда идти
Вслед за тобой по твоему пути.

И смерти не страшусь я, но страшусь,
Что новых бед причиной окажусь,

Что шах раздует мести пламя вновь,
Что рок швырнет в тебя свой камень вновь,

И, если я на этот путь вступлю,
То и тебя, любимый, погублю.

А если не пойти с тобой — тогда
Придется мне вступить на путь стыда.

Как жизни я смогу в глаза смотреть?
Не лучше ли мне сразу умереть?

Но в смерти утешаться нечем. Нет,
Кто мертв, тому надежд на встречу нет!

И смерть, и жизнь мне тяжелы равно, —
Мое клеймо — отчаянья пятно.

Мы оба — жертвы безрассудств судьбы,
Мы — рока сумасшедшего рабы.

Их прихотям жестоким нет границ, —
И мы, как все, падем пред ними ниц.

Но испытанья все перетерпев,
Надежды я не заглушу напев

О том, что ты в любом краю земли
Меня не позабудешь и вдали.

А если встретишь розу на пути,
С которой счастье сможешь ты найти,

То вспоминай хоть изредка и ту,
Что пожелтела, будучи в цвету.

И если б встретился в пути родник, —
И ты б к нему, возжаждавши, приник, —

С тем родником глаза мои сравни:
Не перестанут слезы лить они...

Лишь праха горсть я в жизни припасла,
А как была богата, весела!

Пришел меня заморозивший гость —
И всю развеял, словно праха горсть.

Второго чуда ведь не явишь ты, —
Прах телом стать ведь не заставишь ты?

Как же с тобой соединиться мне?
Развеянной, как сохраниться мне?

Мне лучше стать бы тучей дождевой, —
Дождями плакать над самой собой!

Мне бы летучесть краски приобрести, —
Доставила б тебе я ласки весты..

Все жалобы мои одни и те ж, —
Но ты меня хоть чем-нибудь утешь.

Что, если б ты на крыльях ветерка
Весть о себе прислал издалика?

Ты рану сердца исцелить бы мог,
В него бальзам надежды влить бы мог.

Свою Комде — прости, Модан, прости, —
Ты мог бы нежной восточкой спасти!»

Свеча ее отчаянья в тот миг
Взметнула к потолку огня язык.

И так Комде рыдала, что теперь
Открыл Модан стенаньям шире дверь,

И сердце уронил пред нею он,
Разбил — и слышал ста осколков звон.

Он весь остаток воли в руки взял —
И, не скрывая боли, так сказал:

*

«Любовь настигла молнией меня,
Смятением наполнила меня.

В стране мечты заповедной моей
Скитальцем быть мне до последних дней.

Так знай, Комде: тот край желанный — ты,
Обетованный край моей мечты!

Дорога бед лежит передо мной,
Но нет иной дороги мне земной.

Долины и холмы покрыла мгла,
Ночь горя моего на мир легла.

Затмилась счастья моего звезда.
Туда пойду, пойду ли я сюда, —

Куда бы путь невзгод моих ни лег,
Уход мой — возвращения залог.

Тернистый путь разлуки я пройду,
Пустыню долгой муки я пройду.

От рук отбилось счастье, — но, клянусь,
Что где-нибудь я с ним еще столкнусь.

Оно уснуло, — накажу его:
Пинком ноги я разбужу его!

Взойду на высочайшие гряды, —
Сорву повязку с глаз моей звезды!

К тебе, Комде, есть просьба у меня:
Внимание нашлось бы для меня.

Я так смущен, что путаю теперь,
Где разума, а где безумья дверь.

О ты, в чье сердце ни один упрек
И в этот горький час вползти не смог!

К терпению всегда радушной будь,
И мудрости его послушной будь.

Тот, кто терпенье в сердце приютит,
Тот в зеркало веселья поглядит.

Надежда — утешения залог,
Терпенье — достижения залог».

Так бедную Комде он утешал,
Так неизбежность встречи ей внушал.

И — в назиданье — столь же горячо
Иные мысли высказал еще:

«Всех, кто зазнался от высоких мест,
Червяк безумья ненасытный съест.

Задрать пустую голову легко:
Любое тело полое легко.

Коль хочешь оценить по весу спесь,
Раздуй кишку в пузырь большой — и взвеси:

Хотя природа наглости низка,
Она на скромность смотрит свысока.

Чтоб скромность по заслугам оценить,
Пред нею нужно голову склонить, —

Но голова не склонится сама
Без груза драгоценного ума.

Владыки мнят, что все подкупно им, —
Блаженство сердца недоступно им!

Цель жизни их — обманный шум тщеты,
Главенство на базаре суеты.

Высокомерьем их возведена
Меж ними и народами стена.

Покуда не придет их черный день,
Взглянуть себе же под ноги им лень.

Свеча не вечным ведь горит огнем:
Покуда день не вспыхнет за окном.

Бьет барабан — и ты доволен, шах,
Тщеславьем ты смертельно болен, шах!

Сколь твой ни шумен барабан, — смотри:
Что, кроме воздуха, найдешь внутри?

Так ты, безмозглый барабан пустой,
Шумишь, запугивая люд простой.

О, мания величия царей!
О, низкие обычаи царей!

Тот бороною чванится, а тот
Усы, другим на зависть, заведет,

А нет своих, — из накладных волос!
Нередко даже — из срамных волос!

Плевок — цена величию твоему,
В навоз — дворцовых стягов бахрому!

Для шаха гордость высшая — дворец,
Для угнетенных — чистота сердец...

Где воля напряглась, как тетива,
Там муравей одолевает льва.

Где пролил пот усердья человек, —
Пожнет плоды бессмертья человек.

Когда за дело храбрый муж взялся, —
Он низведет на землю небеса.

Как ни мала пылинка, — и она
Всегда куда-нибудь устремлена,

Кто твердо цель свою решил найти, —
С отчаяньем не встретился в пути.

Пусть я теперь вино печали пью, —
Но я сквозь слезы вижу цель свою.

От мудрецов пришлось мне как-то раз
Услышать удивительный рассказ:

На севере пустыня есть, и в ней
От незапамятных блаженных дней

Есть пальма благодатная одна, —
Ей сила непонятная дана.

С корнями древа райского «тюби»,
Ей смерти нет, хоть топором руби.

А ветви — ветви дерева сидра —
Закрыли свод небесного шатра.

Чинара веткой прикоснется к ней, —
Чинара станет тополя стройней.

Коснется ива — сбросит груз годов,
Но сгорбится под тяжестью плодов.

Кого та пальма тенью осенит —
Увидит славы собственной зенит.

Желанья наши — корни пальмы той,
Их исполненье — финик налитой...

И я хочу ту пальму увидеть,
Принять под сенью пальмы благодать.

Мне б только до нее дойти, а там —
Весь мир повергну я к своим стопам.

А не дойду — придется плохо мне, —
Останется дорога вздохов мне!»

Тут, вдохновенных слов прервав поток,
Он розу из-за пазухи извлек,

А роза — словно кровь, красна была
И чудотворна, как весна, была.

И, розу поднеся Комде, Модан
Так ей сказал: «Вот роза-талисман,

Вот зеркало дыханья моего,
Двойник существованья моего.

Других вестей не жди ты от меня, —
Вот — лист письма открытый от меня:

На розу взглянешь — и она сама
Все скажет обо мне верней письма.

Покуда не поблекнет розы цвет,
Знай, что я жив и мне угрозы нет.

А если роза почернеет вдруг, —
Знай, что погиб тебя любивший друг,

Но, сердца своего сосуд разбив,
Он умер, о подруге не забыв!»

Модан умолк — и голову склонил,
Уже рассвета колокол звонил, —

День выводил свой скорбный караван.
Взвалил на плечи горя груз Модан.

Он на Комде взглянул в последний раз,
Как будто весь он состоял из глаз,

И так ее он обнял, словно вдруг
Оброс он целой сотней страстных рук, —

И вышел в путь — на север, чтоб найти
Надежды древо на своем пути...

*

Чем дальше уходил, тем чаще взгляд
В недоуменье он бросал назад;

Чем от колючек он страдал сильнее,
Тем с большей болью думал он о ней,

Как от Комде уйти решился он?
Разлуки как не утрастился он?

О, если бы вернуться к ней он мог!
О, если б умереть у милых ног!

Ведь все равно он не дойдет, — умрет...
Но он глядел назад, а шел вперед.

Колючками он исколол стопы,
Грудь истерзал об острые шипы,

Кровавые натер мозоли он,
Страдал от нестерпимой боли он,

А пищей были тернии ему,
Питьем — роса вечерняя ему.

Он обессилел, еле-еле брел,
Он день за днем к желанной цели брел.

Худой, в лохмотьях, брел он, с виду дик, —
И пальмы благодати он достиг.

Счет месяцам забыв, не только дням,
Модан как бы прирос к ее корням

И сам, как тень, в ее густой тени
Он проводил, скорбя, за днями дни.

И к пальме обращал Модан мольбы,
Ей сетуя на гнет своей судьбы,

И рвал остатки жалкие одежд,
Прося свершения своих надежд.

Всех призраков ущелий и долин
Модан несчастный воплощал один.

Все чаще в обмороки он впадал,
Терять рассудок все заметней стал —

И все стонал: «Комде! Комде! — в бреду. —
Еще к тебе, моя Комде, приду!

Вот я пришел, я вновь с тобой, Комде!
Спляши мне снова, песню спой, Комде!»

Так он кричал в бреду, стenal, вздыхал —
И крыльями отчаянья махал.

И вновь стenal: «Кумир моей души,
Что ж ты опять уходишь? Не спеши!

Не бубна кожа на твоих ступнях, —
Ты до крови натрешь их на камнях!»

Чуть ветер в листьях пальмы зашуршит,
Модан всем телом, как листок, дрожит.

Лань пробежит — он ей кричит: «Постой!
Кто напугал тебя в степи пустой?»

Так бредил, словно в лихорадке, он,
И обзечь бился, как в припадке, он,

И сам к себе зывал он: «Погоди,
Сейчас Комде запляшет, — погляди!»

А песенной заговорив строкой,
То смысл один придаст ей, то другой.

«Ты далека, Комде, но мы вдвоем,
Как мне с тобой тепло в плаще твоём!

Что ж ты со мной не ласкова, Комде?
Что смотришь ты с опаскою, Комде?»

И вдруг иначе повернется бред:
«Нет, я твоим лобзаньем не согрет!

Зачем в мое ты сердце заползла,
За что мне причинила столько зла?

Ах, ты не роза, — ты колючий шип!
Прочь, прочь! Ведь я из-за тебя погиб!

Вся выпита тобою кровь моя, —
Так будь же проклята любовь моя!»

Сам утверждал и сам же отрицал,
То «да», то «нет» бессвязно восклицал.

Не помня ни о сне, ни о еде,
Он все стенал в бреду: «Комде, Комде!»

И начались в пустыне чудеса:
Внезапно смолкли птичьи голоса.

Но слыша имя это что ни миг,
Настолько птичий слух к нему привык,

Что, сладость двух слогов его вкусив,
Последний слог по-птичьи сказив,

Как будто бы, пример беря с сорок,
Как будто бы, один зубря урок,

На все лады (не чудо ль, посуди!)
Все птицы стали петь: «комди-комди».

Тем самым книга «Птичьи языки»
Укоротилась до полустроки.

*

Почти что год прошел... Была весна...
Модан не ел, не пил, не ведал сна, —
Под пальмой благодати жил Модан,
К ее корням себя пришил Модан

И, одержим безумною мечтой,
Все чуда ждал от дивной пальмы той.

Все больше смысл темнел в его речах,
Все больше он слабел, все больше чах.

Он языком пошевеливать не мог,
От слабости он и вздохнуть не мог,

И даже плакать не имел он сил —
И молча смерти у небес просил.

Лежал, под пальмой распростерт, Модан,—
И, хоть совсем на вид был мертв Модан,

Но в нем жила любовь, и потому
Бессмертье было суждено ему.

*

Ведущий счет событиям и дням
Повествователь повествует нам:

И снегу — срок, и таянью — пора,
Отчаянью и чайнью пора.

Какой-то царь со свитою своей.
Охотился однажды на зверей,

И, гончею потехой увлечен,
Случайно в те места заехал он.

Но не на радость был его заезд,—
Он не узнал знакомых этих мест.

Была мрачна пустыня, словно в ней
Происходили страсти судных дней.

И в царском сердце закипела грусть,
Вмиг отравить его успела грусть.

Подувший ветерок не освежал, —
Он горечью весны скорбей дышал.

Цветок там пышный цвел, но бледен был,
Он уксусом печали съеден был.

Унять волненья царь не мог в груди...
Вдруг слышит он: «комди-комди-комди», —

И позади царя, и впереди
Звенит на все лады: «комди-комди».

И к изумленной свите обратясь, —
«Что это значит?» — царь спросил, смутясь...

«Одно и то же петь на все лады
Не станут птицы, если нет беды.

О, птицы не случайно так поют, —
Скрывается, как видно, тайна тут!

Нельзя пройти бездушно мимо нам,
След отыскать необходимо нам».

И свиту шах на поиски повел, —
И древней пальмы видит гордый ствол,

И видит — скорченный лежит под ней,
Как ответвление от ее корней,

Какой-то — издали заметно — труп,
Глядишь поближе, — не скелет, но труп.

Как видно, он лежал здесь так давно,
Что тело с прахом было сравнено

И плоско, словно тень. И лишь едва
Над прахом возвышалась голова.

Подъехал шах — и спешился с коня,
И к трупу подошел, главу склоня.

Как тощ мертвец, как изможден, как сух!
Но все же в нем как будто тлеет дух!

Шах перед ним колени преклонил
И слезы состраданья уронил:

Дождь милосердия из его очей
Пролился в пересохший тот ручей.

Но, видя, как страдалец бедный слаб,
Что торопливость повредить могла б,

Шах, лекарскую мудрость проявив,
Был столь же осторожен, сколь учтив.

Ощупав тело голое его,
С земли поднял он голову его,

Лекарство в горло влил, и ряд других
Он применил целебных мер благих.

И вот — Модан чуть шевельнулся, вот —
Как будто дрогнул увлажненный рот,

Вздох выпустил Модан из бледных уст,
Шепнул: «Комде», — и вновь лишился чувств,

И вновь на миг пришел в себя, вздохнул,
Опять шепнул: «Комде», — опять уснул.

Он дважды имя это повторил
И шаху путь в тайник души открыл.

И молвил шах: «Несчастный был влюблен
И пламенем разлуки опален.

Он, видно, был певцом и был весьма
Учен, покуда не сошел с ума.

Здесь в птицах он обрел учеников...
Ключ толкованья пенья их таков.

Но весь народ крылатый приручить
Так, чтоб единой песне научить,

Века нужны, а он всех птиц — гляди! —
Петь научил на всякий лад «комди»!

Так сколько ж он потратил, бедный, сил
И сколько раз «Комде» произносил!»

Так, состраданьем обуянный, шах
Сказал, — и так спросил Модана шах:

«Светильник на пути ветров, ответь:
По чьей вине ты перестал гореть?»

Чей образ так преследует тебя,
Чье имя повторяешь ты, скорбя?»

И голосом, что до недавних пор
Был звонко-мелодичен, как фарфор,

А ныне стал, как волос тонкий, слаб,
Как голос хилого ребенка, слаб,

Модан поведал косным языком,
Как очутился в бедствии таком.

И, меч своих несчастий обнажив,
Страдалец вновь умолк, ни мертв, ни жив...

Шах, исповеди внемля, сам страдал,
И зарыдал — и тут же клятву дал:

«На голову мою пусть прах падет,
Коль он во мне защиты не найдет!

Пусть прах падет на голову того,
Кто мнит, что вечно гнета торжество!»

И, пояс воли туже подтянув,
Рубеж великодушья прешагнув,

Владыке Индустана шах послал
Письмо, что кровью сердца написал:

«О ты, повергший состраданье в страх!
Сам да познаешь воздаянья страх!

Нельзя мириться с тем, что, как злодей,
Попрал ты честь достойнейших людей,

И даже тех, кого избрал господь,
Вдохнув свой огонь божественный в их плоть.

О, сколько зла в себе ты накопил,
Коль скоро и Модана погубил!

Ты в нем убил искусство! Даже встарь
На это был способен лишь дикарь.

Хотя талант его огромен был,
Как безответен, как он скромн был!

Будь ты со справедливостью знаком,
Не надругался б так над бедняком,

И, наградив, обязан был понять,
Что скромный гений — всякой знати — знать!

Восторженность искусства — на беду —
С приличьем не всегда живет в ладу.

Знай, и безумье не в упрек любви, —
Взор спеси только слишком строг к любви.

Кто просвещен, превознесет скорей
Не гнев, а милосердие царей.

Когда б Модана понял ты в беде,
Ты б встретиться помог ему с Комде.

Чтоб мотылек не залетел в окно,
Гасить в собраньи свечи — неумно.

Дервишу не дал колоса богач, —
Посев сгорел! Рви волосы, богач!

Где справедливость, Сулейман, твоя?
Здесь отняли зерно у муравья!

Таким величьем душу веселя,
Знай, — под тобой отверзнется земля!

Ты свел с ума Модана, но, поверь,
Я за него с тебя взыщу теперь!

Отправь к нему Комде — и я твой брат,
Мир твоему поступку будет рад.

А если не искупишь ты вину,
То, значит, миру предпочел войну».

Письмо отправив, стал он собирать
И снаряжать в поход большую рать.

*

Гонец к владыке Индии привез
Посланье вразумляющих угроз.

Лишь притеснитель-шах письмо прочел,
Он сразу в гнев неистовый пришел.

Сказал: «Пока язык не вырван твой
И шея не рассталась с головой,

К пророку суесловья своему
Скачи назад — и так скажи ему:

«Мужиной зваться недостойн тот,
Кто это пишет — и ответа ждет.

От женщины откажется ли муж?
Прослыть глупцом отважится ли муж?

Покуда сила мужа есть во мне,
Остынет ли мужская честь во мне?

Покуда я могущественный шах —
И голову имею на плечах, —

Я даже зеркала все перебью,
Чтоб не глядели на Комде мою!

Нрав грозного владыки не таков,
Чтоб каяться всегда он был готов,

И мы указы издаем, дабы
Они блюлись, как приговор судьбы.

Хоть не казнен, лишь изгнан дерзкий смерд, —
Я — угнетатель, я — жестокосерд!

Ты вопиешь о правосудье! Ха!
Блюстителю словоблудья и греха!

Порок и наглость обелять берясь,
Ты гордость шахов попираешь в грязь.

Ты первый заклубил злословья прах, —
Не сетуй, если кровью он запах.

Решив дорогой мира пренебречь,
Знай, что в ножнах мой не заржавел меч!»

*

И распри пар густым и черным стал, —
Быстрее кружиться неба жернов стал.

Точильным камнем он теперь служил,
И злобы меч со скрежетом точил,

И рассыпал во мраке искры звезд, —
И утром рухнул мира шаткий мост.

День, осененный шлемом, горн вздувал, —
Народам копья бедствий он ковал.

Ум помутился в царских черепах, —
И человеческой кровью мир запах.

Был не услышан миролюбья глас, —
Раздался брани трубный, грубый глас.

Забушевал со всех шести сторон
Беды и горя бешеный циклон.

Для силы стала тесною земля,
Без крови стала пресною земля.

Лишь острый меч светло на мир смотрел, —
Пир наступил для копий и для стрел.

Захвачен барабанами врасплох,
От их громов небесный гром оглох.

Трубу разбил архангел Исрафил,
Настолько страшен рев карнаев был.

От пушечной пороховой стрельбы
Испариной покрылся лоб судьбы,

И от огня ружейного в те дни
Едва мерцали судных дней огни.

Как искры, сея пламя без конца,
Природа стала мехом кузнеца.

Мозг из костей, как пуля из ружья,
Выскакивал, сукровицей плюя,

А кости — через решето кольчуг —
Зерном дробленным сыпались вокруг.

Где на клинок наскакивал клинок, —
Вмиг сто чудес ты насчитать бы мог.

Так тяжек палицы удар бывал,
Что сплющивал, не только убивал.

Где ударялся щит в булатный щит,
Семи небес трещал превратный щит.

Для тех голов, что с шеи меч рубил,
Копейный наконечник шеей был.

Кто признак жизни сохранял в бою,
Как тигр, на жертву налетал свою.

О каждом кличе ты сказал бы так:
Ружейные не грянут залпы так!

Конь жизни охромел, а смерти конь
Был тем резвей, чем был страшной огонь.

Кровь по земле текла, черна, густа,
Все низменные затопив места.

Чем обоюдный больше был урон,
Росла тем больше ярость двух сторон.

На мертвецов ложились мертвецы,
А все, как тигры, бились храбрецы,

Все с витязем сходилась витязь там,
И каждый был отважен, как Рустам.

Покуда и последний витязь пал,
У смерти на пиру пресытятся, пал.

Всех приютила смерть в своем дому,
И плакать не пришлось там никому!

Поля сражений, ярость укротив,
Притихли, прахом головы покрыв.

Кровь черною корою запеклась, —
Она в одежду скорби облеклась...

*

Как ни кичись тиран — ничтожен он,
В конце концов он будет поражен...

Но неизбежно по его вине
Судьбой воздастся и его стране.

Так и царя индийского страна
Была войной дотла разорена.

И победил не тот, кто угнетал,
А кто щитом за справедливость стал.

Таков закон судьбы: утешен тот,
Кто слабому и правому — оплот,

А ты, кто одурманен спесью, знай:
Псу и погибель будет песья, — знай!

Ты, кто помехой утешенью стал, —
Для стрел возмездья ты мишенью стал!

От этих стрел на свете нет брони, —
Они разящей молнии сродни.

Заклятья спеси тщетно не тверди:
Суд времени суровый впереди!

Поэму преданности двух сердец
Заканчивает так ее творец:

Счастливый шах, победный справив пир,
Мир известил, что воцарился мир.

Весна подобных не творит чудес:
Модан как бы расцвел, как бы воскрес.

Так радость он переживал свою,
Как если бы при жизни был в раю...

Здесь путь повествованья вспять пойдет, —
Речь о Комде теперь опять пойдет,

Таинственную розу — талисман,
Что, уходя, оставил ей Модан,

Комде, с Моданом милым разлучась,
Не забывала в горе ни на час.

Украшив ею комнату, с тех пор
Она вела с ней тайный разговор.

Хоть становилась роза все бледней,
Но краска жизни сохранялась в ней.

И вдруг — один стал ярче лепесток,
За ним другой — и ожил весь цветок.

О, ликование Комде! Она
Так не бывала от вина пьяна,

И взор ее — и в лучшем из зеркал —
Еще подобным блеском не сверкал,

Как перед чудотворным тем цветком,
Что был души Модана` двойником.

Комде, на розу глядя что ни миг,
В ней видела возлюбленного лик:

То любовалась, как она свежа,
То аромат впивала, вся дрожа,

То гладит лепестки, то стебелек,
То пляшет с нею, словно мотылек.

*

Но был такую горькой думой пьян
Тот шах, которым был спасен Модан:

«Пока свеча горит — на огонек
Всегда летит веселый мотылек.

Огонь любви в Модане не погас,
Но помнит ли о нем Комде сейчас?

Как ей Модан ни верен, но она
Ему давно, быть может, не верна,

И прежде, чем ему свиданье дать,
Ее необходимо испытать...»

И выбрал он надежного слугу,
Что не был перед хитростью в долгу,

Послал в тот город, где жила Комде,
С тем чтоб, не причиняя зла Комде,

Посол ей — для проверки — сообщил,
Что вечным сном ее Модан почил.

И в Индию отправился гонец —
И прибыл в ту столицу, наконец.

По улицам бродя и площадям,
Пылинкой вездесущей стал он там,

И вздохами сердца изжалил всем,
И в души влил он яд печали всем.

Так возвещал он: «Бедствия посол,
К вам из юдоли скорби я пришел».

Об ужасах войны подряд сто раз
Он встречным всем передавал рассказ,

Весь город он спокойствия лишил —
И улицу Комде он всполошил.

Как свет из фонаря в ночную тьму,
Комде помчалась из дому к нему.

«О, небылиц носитель, подожди!
Столицы возмутитель, подожди!

Задуй скорей светильник смрадный лжи, —
Что о Модане знаешь, расскажи!

Все сердце окровавлено мое, —
Тоской по нем растравлено оно!

Что с ним и где он, бедный мой Модан?
Ушел — исчез бесследно мой Модан!»

Тот, глубоко вздохнув, сказал: «Молчи!
Своим смятеньем мир не омрачи.

Того, что знаю, лучше бы не знать,
Мне этой боли жгучей бы не знать!

Тебе сказать я правду не могу,
А если скрою — сам себя сожгу.

Кто б научил, где мужество обрести,
Чтоб запереть в груди такую весть!

О, знай — Модан в чужом краю погиб,
Он мученически в бою погиб!»

Вот что узнала от лжеца Комде.
Сошел цвет жизни вмиг с лица Комде.

И сразу наземь рухнула она,
Известием таким оглушена.

Комде была как бы в параличе,
Не стало, чем гореть ее свече.

Но был недолог мнимый паралич, —
Ее погнал домой тревоги бич.

Быть может, незнакомца весть — обман?
Ей скажет правду роза-талисман!

Комде вбежала в комнату к себе, —
Но как взглянуть в лицо своей судьбе!

Закрывать глаза? Ресницы так смежить,
Чтоб их не размыкать уже, не жить!

Что, если роза стала вдруг черна?
Ужели весть прохожего верна?

Взглянуть на розу или не взглянуть?
Отважиться ль ресницы разомкнуть?

Но был приказ отчаянья жесток:
«Взгляни, сорви своей судьбы цветок!»

Комде в бессилье силу обрела:
Затрепетали черные крыла

Ее как будто сросшихся ресниц,
Подобно крыльям недобитых птиц.

Она глаза открыла... Явь или сон?
Цвет розы был как пурпур, как виссон!

О, бытия над смертью торжество!
О, благодетельное волшебство!

Но поняла Комде, оцепенев,
Кем и зачем посеян лжи посев:

«То — друга сердца моего посол, —
Он испытать мою любовь пришел!

Но кто не верен до конца в любви,
Тот пыли не вдохнет дворца любви!

Сказали мне: «Погиб любимый твой». —
А я осталась, — горе мне! — живой,

Не превратилась тут же в прах сама,
Не онемела, не сошла с ума!»

На грудь поникла голова Комде,
И слышит в тишине слова Комде:

«Я та, кого ты помянула тут,
Кого от века Верностью зовут.

Постигни образ мой и суть пойми,
И совести своей ты путь пойми.

Знай, если плоть тебе души нужней,
Я буду плакать до скончанья дней...

Стать жертвою Модану я иду,
А ты живи — и жертвой будь стыду!»

Она ушла... Комде одна, в тиши,
Потрясена до глубины души,

Вскочила с места: «Верность, я — твоя!
Я сбрасываю узы бытия!»

А вестник, что шагов и десяти
От дома не успел еще пройти,

Услышал крики, вопли в доме том, —
И сразу понял: смерть вошла в тот дом!

И понял он, к кому вошла она
И кем накликана была она!

Он был причиной страшных воплей тех,
Он совершил невольно смертный грех.

Сюда он груз благоволенья нес,
Отсюда — тяжесть преступленья нес.

Вернувшись к шаху, ворот он порвал,
Моля прощенья, землю целовал.

Всем растерзал сердца рассказ посла,
Все искусали губы в кровь со зла,

Всем горло стиснул жесткой дланью страх
Дыханье замерло на всех устах.

Присутствовал в собрании Модан, —
Раздавлен был страданием Модан.

Он жил надеждой — потерял ее,
Он в жизни место потерял свое.

Модан мгновенно помертвел лицом, —
Конец Комде был и его концом...

Беда бедой рождается всегда, —
Вновь молния ударила сюда,

Вторично вьюгой ледяною тут
Под грудой пепла был огонь раздут:

Раскаянье — не врач в таких вещах, —
Попал в тупик отчаяния шах.

Он столь смятен, столь безутешен был,
Так он самим собою взбешен был,

Так руку искусал он, что рука
Была в крови, как плаха мясника.

Халат золототканый разодрал,
От шеи до карманов разодрал.

Всю грудь свою ногтями истерзал
И приближенным строго приказал:

«Вот два примера верности земной,
Нечаянно погубленные мной,

Судьба их злополучною была, —
Да будут неразлучны их тела.

Пусть их земле совместно предадут,
Пусть хоть в могиле близость обретут.

Но в тот же темный дом небытия
Переселенным должен быть и я.

Я был их другом — стал их палачом,—
Убил их испытания мечом,

Не смейте говорить о вине мне, —
Нет искупленья в этом мире мне!

Не стану ждать я страшных судных дней —
Что беспощадной совести грозней!

Мой приговор себе — не яд, не меч:
Живым в могилу их я должен лечь.

Пусть руки их там вцепятся в меня,
До судного не выпуская дня.

Не вздумайте нарушить мой приказ,
Чтоб заживо не хоронил я вас!»

Вскипел таким безумным горем шах,
И, как могильный труп, стал черен шах,

Бледнеют страсти Страшного суда
Пред тем, что в свите началось тогда.

Был каждый крик, что молния, остер,
А что ни грудь — отчаянья шатер.

Кто волю шаха смеет обойти?
Иль выполни, иль головой плати!

Но тут пришли ученые мужи:
«О шах, — сказать нам слово прикажи!

Ты, словно солнце, светел и высок,
Мы — жертва за один твой волосок!

Знай, — ни она не умерла, ни он:
Смертеподобный существует сон, —

Зовется летаргией. Сон такой
Бедой не угрожает никакой.

Для пробужденья средство есть одно,
Пусть будет разрешение нам дано,

И, если мы усердием своим
Судьбе на этот раз не угодим,

То все мы — слуги шаха своего, —
Готовы стать мы прахом за него».

Шах соизволил разрешение дать —
И средство пробужденья испытать.

И вот — по указанью мудрецов —
Тела обоих мнимых мертвецов,

Что в необычном сне нашли покой,
В придворный банный отнесли покой,

А баня все была в жару, в пылу,
На банном положили их полу, —

Им ложем неги стал горячий пол,
Дабы в согретой плоти дух расцвел.

И не прошло и несколько часов —
Жизнь навестила мнимых мертвецов.

Едва в сознание пришли они,
В объятиях себя нашли они...

*

Хоть и не часты эти чудеса,
Случаются на свете чудеса.

И здесь конец такой чудесный дан:
Комде воскресла и воскрес Модан!

А как их жизнь впоследствии пошла, —
На радость иль на бедствие пошла, —

О том певец поведать не хотел —
И любопытству положил предел.

А сказка тут счастливо умерла —
Нежданно, но красиво умерла.

ПРИМЕЧАНИЯ

Коротко об авторах

Абу Абдаллах Джафар Рудаки (ок. 860—941) — один из главных зачинателей персидско-таджикской поэзии, родился в селе Панджруд (ныне Таджикская ССР). Высшей славы и известности достиг при дворе саманидских правителей Бухары, но в конце жизни попал в немилость и вынужден был вернуться в родной кишлак, где и скончался. Поэтическое наследие его, по одной версии, насчитывает свыше 130 тысяч двустуший, по другой — 1300 тысяч, однако до нашего времени дошло не многим более 1000 бейтов. В своем творчестве Рудаки широко использовал самые разнообразные поэтические жанры — касыды, газели, рубаи и т. д. Для его поэзии характерен ярко выраженный гуманистический пафос, лаконичность и простота стиля.

Ибн Сина (латинизированное — Авиценна) **Абу Али Хусейн** (ок. 980—1037) — ученый-энциклопедист, поэт, родился вблизи Бухары. Писал на арабском и таджикском языках. Оставил огромное научное наследие — около 300 сочинений, среди них «Канон врачебной науки», который в течение почти пяти веков считался одним из основных медицинских руководств. Среди философских

трактатов наиболее известны: «Книга исцеления», «Книга указаний и наставлений», «Книга знания» («Дониш-наме», написанная на таджикском языке). Поэзия Абу Али ибн Сина отличается глубоким философским содержанием, необыкновенной ясностью образной системы и афористичностью мысли.

Насир Хосров Абу Муин (1004 — после 1072) — родился в Кабадиане (ныне Таджикская ССР). Являлся автором многочисленных философских трактатов, прозаических и поэтических произведений, в которых выступал страстным защитником интересов крестьян и ремесленников, не принимая и резко критикуя антинародную политику сельджукидских правителей Средней Азии и религиозные постулаты официального ислама («Спор с богом»).

Омар Хайям Гиясатдин (ок. 1048— после 1122) — поэт, математик, философ и астроном; родился в Нишапуре (ныне территория Ирана). Широкою известность сначала получил как автор математических трудов, в дальнейшем создал ряд работ в самых различных областях науки, содержащих ценнейшие открытия, не потерявшие своего значения и поныне. Как поэт прославился четверостишиями-рубаи, доведя этот сложный поэтический жанр, содержащий глубокий философский смысл и социальный подтекст, до высочайшей степени совершенства.

Саади (настоящее имя Муслихаддин Абу Мухаммед Абдаллах) (между 1203 и 1210—1292) — родился в Ширазе, более двадцати лет странствовал по восточным странам, результатом чего явились книги «Бустан» и «Гулистан», в которых он рассказал о жизни трудового народа — дехкан, торговцев и ремесленников. Именно эти книги и принесли ему славу великого поэта-гуманиста, поборника прав обездоленных и угнетенных.

Руми Джалаледдин (1207—1273) — родился в Балхе (ныне территория Афганистана). Автор знаменитой поэмы «Маснави», в которой дал образное толкование основных положений суфийской философии. Свои сложные теоретические положения он иллюстрировал притчами, баснями, небольшими рассказами, многие сюжеты которых перекликались с широко известными фольклорными мотивами, что и делало эту поэму подлинной энциклопедией народной жизни. Руми являлся автором «Великого Дивана» («Девани кабир»), многих газелей, которые он «подписывал» именем своего друга Шамса Тебризи.

Камол Худжанди (настоящее имя Камолоддин ибн Масуд) (?— между 1391 и 1400) — родился в Ходженте (ныне Таджикская ССР), впоследствии жил и умер в Тебризе (южный иранский Азербайджан). В историю персидско-таджикской литературы вошел по преимуществу как мастер газелей, в которых воспевал любовь, верность и дружбу. В поэзии Камола особенно ощутимы традиции народной песни, а мотивы протеста, которые звучали во многих его произведениях, отражали бунтарский характер мировоззрения самого поэта.

Хафиз (настоящее имя Шамседдин Мохаммед) (ок. 1325—1389 или 1390) — родился в Ширазе. Автор многочисленных газелей, пользующихся огромной популярностью и любовью среди персоязычных народов. Ряд его поэтических произведений стал народными песнями. Газели Хафиза отличает удивительное совершенство формы, чистота и возвышенность лирического чувства.

Джами Абдуррахман Нураддин ибн Ахмад (1414—1492) — поэт, ученый, философ; родился в Герате. Являлся автором знаменитой «Семирицы» — семи поэм, большого количест-

ва газелей, рубаи и бейтов. Имя его было широко известно в Герате, и сам поэт пользовался огромным влиянием в городе, что давало ему возможность оказывать покровительство многим деятелям культуры того времени.

Бедиль Мирза Абдулкадир (1644—1720 или 1721) — поэт, прозаик, философ; родился в Азимабаде (ныне территория Индии). Будучи воспитан на традициях персидско-таджикской поэзии, писал на фарси и оставил огромное поэтическое (до 200 000 стихотворных строк), прозаическое и философское наследие. Его поэтическое творчество, особенно газели, а также индийский стиль, или «бедилизм», оказали заметное влияние на все последующее развитие таджикской классической поэзии. Бедиль последовательно выступал за объединение народов Индии и активно боролся против социальной несправедливости и кастовой обособленности.

С Л О В А Р Ь

Абульхасан Муради (Абульхусейн Мухаммад ибн Мухаммад Муради Бухари) — поэт, современник Рудаки.

Адаб — совокупность знаний, присущих образованному человеку.

Азан — призыв на молитву (намаз), совершающийся обычно у мусульман пять раз в сутки.

Азраил — ангел смерти.

Айван — открытая галерея в доме; веранда, навес.

Айяз (айаз) — любимый раб, фаворит султана Махмуда Газневида. В поэзии — символ прекрасного юноши.

Али (?—661) — последний из четырех преемников пророка Мухаммада.

Алиф — первая буква арабского алфавита, имеющая форму вертикальной черты; в поэзии — символ стройности, иногда — одиночества.

Амбра — ароматическая смесь пепельного цвета.

Ануширван — шах из династии Сасанидов, Хосров I Ануширван (?—579), при котором государство достигло наивысшего расцвета.

Аргуван — кустарник с красными цветами, так называемое «иудино дерево». В поэзии — символ красного цвета.

Ахриман — верховное божество зла в зороастрийской религии; вечный противник Ахурамазды, верховного божества добра.

Бадахшан — горная область на нынешней территории Таджикистана (Горно-Бадахшанская автономная область) и в Афганистане, в средние века славившаяся своими самоцветами, особенно рубинами.

Балкис — известная по библейско-кораническому преданию царица Савская, возлюбленная царя Соломона (Сулеймана).

Банг — род наркотика, который изготовлялся из листьев конопли и белены.

Барбад — выдающийся музыкант и певец VI—VII вв.

Барбат — струнный музыкальный инструмент.

Бахрам Гур — сасанидский царь Варахран V (420—438), воспетый в поэзии как справедливый и мудрый правитель.

Баязид Бистами (ум. 874) — известный деятель суфизма IX века, признанный мусульманами святым.

Бейт — двустишие, состоящее из двух стихотворных строк, связанных единой законченной мыслью.

Бисугун — название скалы в Северо-Западном Иране, на которой высечены клинописные надписи и барельефы в честь иранского царя из династии Ахеменидов Дария I (522—486 до н. э.); в поэзии — связано с подвигом каменотеса Фархада.

Бурак — небесный конь, на котором пророк Мухаммад якобы совершил свой полет к высшим небесным пределам.

Вазир (везирь) — министр.

Вамик и *Узра* — герои широко известной на Востоке легенды о несчастных влюбленных, обработанной персидско-таджикским поэтом Унсури (970 или 980—1039 или 1040).

Вассалам — вот и все, конец.

Вира — выкуп за пролитую кровь.

Газель — короткое лирическое стихотворение, состоящее, как правило, из семи — двенадцати двустиший, с системой рифмовки аа, ба, ва и т. д.

Галия — ароматическая смесь черного цвета.

Герат — столица древнего Хорасана, находящаяся ныне на территории Афганистана.

Гурии — прекрасные девы, которые, согласно мусульманским повериям, ублажают обитателей рая.

Гюрза — ядовитая змея.

Гяур — см. кафир.

Даль — буква арабского алфавита, имеющая форму ломаной линии; в поэзии — символ кривизны, изогнутости, часто употребляется для сравнения с локоном красавицы.

Дари — таджикский язык.

Дастамбуй — сорт мелкой, круглой, душистой, но безвкусной дыни.

Дастархан — скатерть с угощениями.

Дервиш — мусульманский странствующий монах-аскет; нищий.

Дехканин — крупный феодал, землевладелец в период до арабского завоевания; в дальнейшем с конца XI в. — землевладелец, крестьянин.

Джам (Джамшид, Джемшид) — один из четырех легендарных древнеиранских царей, обладавший волшебной чашей, на дне которой отражались события, происходящие в мире. В восточной литературе — символ могущественного и великого правителя.

Джейран — олень; в поэзии — символ грациозности, изящества и проворности.

Джим — одна из букв арабского алфавита, по начертанию напоминающая дугу. В поэзии — символ локона красавицы.

Джуха (джоха) — простак, остро слов, герой многих восточных анекдотов. У некоторых народов этот образ послужил прототипом Моллы Насреддина.

Див (дэв) — злой дух.

Диван — государственное учреждение; собрание стихотворений, расположенных в определенном порядке.

Динар — древняя золотая монета, содержащая 4,25 грамма чистого золота.

Дирхем — серебряная монета.

Зандеруд (Зендеруд) — река, протекающая через Шираз и Исфаган; город на юге Ирана.

Заратуштра (Зардушт, Зороастр, Зердешт; VIII или VII в. до н. э.) — полубогендарный основатель древнеиранской религии зороастризма.

Земзем (Замзам) — название колодца около храма в Мекке, вода которого считается верующими святой и обладающей чудотворной силой.

Зиндан — темница, находящаяся под землей.

Зуал — планета Сатурн.

Зулейха — по библейской и коранической легенде, жена египетского вельможи. Легенда о любви Зулейхи и Юсуфа (см.) стала одним из распространеннейших сюжетов у многих восточных народов.

Зухра — планета Венера; одна из богинь домусульманской религии, которая, согласно легенде, сопровождает своей музыкой хор небесных светил.

Иаков (Якуб) — по Библии, отец Иосифа Прекрасного (см.), который, согласно преданию, ослеп, оплакивая разлуку с сыном, но прозрел, коснувшись привезенной из Египта рубашки Иосифа.

Имам — духовное лицо у мусульман.

Иосиф Прекрасный — по Библии, младший любимый сын Иакова, брошенный в колодец братьями, которые, чтобы доказать его гибель, показали отцу рубашку, обгавленную кровью овцы.

Иса — евангельский Иисус Христос, почитаемый мусульманами как один из шести пророков — предшественников Мухаммада.

Исрафил — имя одного из четырех архангелов, являющегося по учению ислама хранителем небесной трубы, в которую он должен затрубить один раз, чтобы отнять жизнь у всего живущего, а в другой раз — чтобы воскресить всех мертвых.

Исфаган — город на юге Ирана.

Исфандиар (Исфендиар) — легендарный иранский богатырь, сын Гуштаспа, один из главных героев поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

Йездан (Яздан) — бог, божество.

Йемен — страна на юге Аравийского полуострова.

Кааба — храм в священном городе Мекке, главная святыня мусульман, место паломничества.

Каба — верхняя мужская одежда.

Кавсар (*Ковсар*) — легендарный райский источник.

Каджабоз — игра в «каджу» — «колечко», во время которой играющие передают незаметно колечко друг другу, пока водящий не угадает, в чьих руках оно находится.

Кадий (*кази*) — мусульманский духовный судья.

Калам — тростниковое перо; кисть художника.

Каландар — странствующий аскет; дервиш.

Карнай — труба, возвещающая о торжествах или приближении какой-либо беды.

Карун — мифический богач, скупец, упоминаемый в Коране.

Касыда — одна из форм большого лирического стихотворения, панегирического или дидактического характера.

Каф-гора — сказочная гора, якобы опоясывающая землю, обитающе пери (см.).

Кафир (кефир) — неверный, безбожник.

Кебаб — шашлык, жареное мясо.

Кей (*Кай*) и *Кавус* — собственное имя трех легендарных царей

Ирана, воспетых в «Шахнаме» Фирдоуси — Кей-Кубад, Кей-Хосров и Кей-Кавус.

Кеклик — горная куропатка.

Кинтар — мера веса.

Кират — мера веса.

Коран — священная книга мусульман, преимущественно содержащая проповеди пророка Мухаммада.

Кыта — одна из стихотворных форм персидско-таджикской поэзии, для которой характерно наличие от двух до семи, а иногда и более двустиший, рифмующихся по системе — аб, вб, гб и т. д. Как правило, кыта имеет философский и дидактический смысл.

Лал — рубин.

Лейли — героиня восточного сказания, возлюбленная Меджнуна (см.).

Лукман — легендарный мудрец и врачеватель, герой многочисленных преданий, близких к рассказам о греческом баснописце Эзопе (VI в. до н. э.).

Люли — цыганка.

Мадж — исполнитель произведений Рудаки на торжественных приемах при дворе Саманидов.

Маджлис (меджлис) — собрание, пиршество.

Мандрагора — растение, из корня которого в древности вырезали так называемую «Адамову голову» и носили в качестве амулета, приносящего счастье и отгоняющего болезни.

Мани (Моңи, Манихей) — согласно легенде китайский художник. В действительности — религиозный реформатор (III в.), соединивший в своем учении элементы зороастризма, буддизма и христианства, казнен в Иране в 275 г.; в переносном смысле — выдающийся художник.

- Манихейство* (манихеец) — см. Мани.
- Мариам* (*Мария*) — мать Иисуса Христа, евангельская Мария.
- Марсия* — стихотворное произведение в жанре касыды, траурная элегия, в которой оплакивается смерть близких людей, правителей, ученых.
- Маулана* — господин, ученый богослов; так почтительно называли поэта Джалаледдина Руми.
- Маишата* — женщина, причесывающая и наряжающая невесту.
- Меджнун* (*Маджнун*) — букв.: безумный, одержимый; прозвище юноши Кайса, героя распространенной восточной легенды о любви Лейли и Меджнуна; образ вечно влюбленного, одержимого любовью человека.
- Медресе* — школа, высшее духовное заведение у мусульман.
- Мекка* — священный для мусульман город в Аравии, родина пророка Мухаммада.
- Мерв* — название средневекового города на территории нынешней Туркмении (г. Мары).
- Миррих* — планета Марс.
- Михраб* — сводчатая ниша в мечети, обращенная в сторону Мекки; в поэзии — дуга бровей красавицы.
- Мобед* — зороастрийский священник; советник, мудрец.
- Моджтес* — название стихотворного размера.
- Мугилян* — колючее степное растение.
- Музари* — название стихотворного размера.
- Мульян* — название ручья и местности близ Бухары, славившееся красивыми садами и дворцами.
- Муса* — соответствует ветхозаветному пророку Моисею и почитается мусульманами как пророк, с именем которого, в частности, связана одна из легенд о чудодейственной силе его посоха, способного превращаться в дракона.
- Мусалла* — название загородных садов Шираза.
- Мусикар* — легендарная певчая птица, обладавшая, по преданию, даром чарующего пения и клюв которой, подобно флейте, имел отверстия.
- Мускус* — ароматическое вещество черного цвета, изготовленное

из желез мускусной козы (кабарги); синоним аромата, черного цвета кудрей возлюбленной.

Муфтий — толкователь шариата (см.), законовед, главный судья.

Мухаммад (ок. 570—632) — арабский религиозный и государственный деятель, основатель ислама, почитаемый как пророк.

Мухаррам — первый месяц мусульманского лунного летоисчисления.

Мухтасиб — должностное лицо, наблюдающее за соблюдением шариата, запрета употреблять вино, а также за нравственностью.

Муштари — планета Юпитер, по предсказаниям астрологов, якобы приносящая людям счастье.

Муэдзин — служитель при мусульманской мечети, призывающий верующих на молитву.

Мюрид — послушник, последователь духовного наставника шейха (см.).

Най — тростниковая флейта.

Найсан (*нисан*) — название седьмого месяца сирийского календаря, соответствует апрелю.

Наср II ибн Ахмад — саманидский эмир (914—943).

Нахид — персидско-таджикское название планеты Венеры; символ песен, танцев, красоты, радости и веселья.

Нимруз — древнее название Систана (см.), местности на юге нынешнего Ирана.

Новруз (*Навруз*) — первый день нового года, начинающийся по солнечному календарю 21 марта, принятый мусульманской религией как новогодний праздник.

Нохун — приспособление для извлечения звука на струнных музыкальных инструментах; костяная, металлическая пластинка, гусиное перо или кольцо с «когтем», надеваемое на палец.

Нун — одна из букв арабского алфавита, имеющая форму дуги.

Огузы — кочевые племена, занимавшиеся разбоем.

Осман — третий халиф в Арабском халифате (?—656).

Отроки из Эфеса — легенда о семи юношах в языческой стране, уверовавших в бога и спрятавшихся в пещере, где они уснули. Эфесские отроки почитались как святые.

Парвиз — см. Хосров II Парвиз.

Пери — райская дева; в поэзии — символ женской красоты.

Птица счастья — вещая птица Хумай (Хума), Гамаюн; согласно преданию, если ее тень упадет на человека, то он будет счастливым.

Рамазан — название девятого месяца мусульманского календаря, в течение которого верующие должны соблюдать пост.

Рахи — исполинский конь легендарного богатыря Рустама (см.); в поэзии — символ рассвета.

Редиф — рефрен, одно или несколько слов, повторяющихся после рифмы в конце каждого двустишия.

Рей — древний город в Иране, близ Тегерана, один из крупнейших ремесленных и торговых центров.

Ризван — по Корану ангел, стоящий на страже у врат рая.

Ринд (рэнд) — бродяга, гуляка, противник ханжества и святош; вольнодумец.

Рубаб — струнный музыкальный инструмент.

Рум — Византия, иногда — название стран, находившихся западнее Византии.

Рустам (Ростем) — легендарный древнеиранский богатырь, главный герой мифологической части поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

Сааз (саз) — струнный музыкальный инструмент.

Сабей — последователь сабеизма, религии, сложившейся в первые века христианства в Южном Иране. В дальнейшем для

мусульман понятие «сабей» стало равносильно понятию «еретик».

Саки (соки) — виночерпий, кравчий.

Сам — легендарный древнеиранский богатырь, отец Заля, дед Рустама, один из героев поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

Сасаниды — династия иранских царей, владевших огромным государством в 224—651 гг., разгромленным арабами в VII в.

Сатурн — планета, согласно восточной астрологии, приносящая несчастье и неудачи.

Сеид — потомок пророка Мухаммада.

Сидра — райское дерево, растущее на седьмом небе.

Симург (Анка) — сказочная птица, согласно поверью, живущая на краю света, на горе Каф, окружающей землю, и никогда не показывающаяся людям.

Синд — область в Индостане, часто синоним Индии.

Систан (Сеистан) — название области в Иране.

Сиям — гора в древней Средней Азии, расположенная недалеко от Самарканда, с которой предводитель народного восстания против арабов в VIII в. Муканна якобы освещал окрестность светом луны, созданной им при помощи волшебства.

Созвездие Фаркад — две яркие звезды в созвездии Малой Медведицы, расположенные близко друг от друга.

Сулейман — ветхозаветный царь Соломон.

Сурьма — средство для окраски бровей; считалось, что она способствует ясности зрения.

Суфий — приверженец одного из мусульманских философско-мистических, пантеистических учений — суфизма; благочестивый аскет; странствующий монах.

Табаристан — прикаспийская горная область в Северном Иране.

Таи — Абу Тамам Хабиб ибн Авс (ум. 846), арабский поэт, про-

славившийся своей щедростью. Чаще его называют Хатам-ат-Таи (Хатам из племени Таи).

Танбур — струнный музыкальный инструмент.

Танур — глинобитная печь для выпечки лепешек.

Тар — струнный музыкальный инструмент.

Тараз — древний город на реке Талас, на территории нынешнего Казахстана, славившийся красивыми людьми.

Тарджибанд — строфическое стихотворение с рефреном из двух рифмующихся между собой двустиший.

Туба — мифическое дерево, по представлению мусульман растущее в райском саду и осеняющее трон аллаха.

Тул — колчан для стрел.

Туран — первоначальное название области обитания кочевых иранских племен, в противовес оседлым, именуемым иранцами. Впоследствии туранцами стали именовать тюркских кочевников, а Тураном — примерно ту территорию, которая затем стала называться Туркестаном.

Тус — город в Хорасане (на территории Ирана).

Тюрчанка — образ красавицы в персидско-таджикской поэзии.

Узра — см. Вамик.

Урдибихишт — второй месяц древнеиранского солнечного календаря, который соответствует 21 апреля — 21 мая.

Факих — ученый, знаток законов шариата и мусульманской религии.

Фаридун — мифический царь древнего Ирана, прославившийся как справедливый правитель; один из героев поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

Фархад — легендарный каменотес, влюбленный в армянскую царевну Ширин, ставшую женой Хосрова Парвиза (см.); главный герой поэмы узбекского поэта, мыслителя и государст-

венного деятеля Алишера Навои (1441—1501) «Фархад и Ширин».

Фиал — чаша.

Фракские страны — европейские страны.

Хадис — предание.

Хакан — государь, правитель; титул правителя у тюркских народов, впоследствии принятый иранскими владыками.

Халлук — древний город в Китае, по преданиям, славившийся мускусом и красавицами.

Халяб (Халеб) — Алеппо, город в Сирии.

Хатам — см. Таи.

Хатиб — проповедник, чтец молитвы в мечети или при собрании верующих.

Хиджаз — область в Западной Аравии, где находятся центры паломничества мусульман — Мекка и Медина.

Хизр (Хызр) — легендарный пророк, который, по верованиям мусульман, нашел источник живой воды и, испив из него, обрел бессмертие и до сего времени покровительствует путникам.

Ходжа (хаджи) — духовное лицо, наставник.

Хорасан (Хоросан) — в древности область, занимавшая восточную часть нынешнего Ирана, а также часть Средней Азии и Афганистана.

Хорезмшахи — мощная династия правителей Средней Азии, а также в Иране в XI—XIII вв., низложенная Чингисханом (1155—1227).

Хормуз — царь Хосров Ормузд IV (правил с 579 по 590 г.), был свергнут придворными за свою жестокость.

Хосров II Парвиз (?—628) — шах Ирана из династии Сасанидов, был женат на дочери византийского императора Мариама, а затем на красавице Ширин. Легенда о любви Хосрова и Ширин послужила сюжетом для многих литературных произведений.

Хулага — Хулагухан (годы правления: 1256—1265), внук Чингисхана, напавший на Иран в XIII в.

Хум — большой глиняный кувшин для хранения вина, воды, масла.

Хума (Хумай) — см. Птица счастья.

Хутан (*Хотан*) — название города в восточном Туркестане (ныне на территории Китая). В поэзии олицетворяет собой страну, славящуюся красивыми женщинами и прекрасными ланями, дающими ценный мускус.

Чанг — струнный ударный музыкальный инструмент.

Чигиль — местность в Туркестане, славящаяся красотой женщин.

Чин — Китай; в поэзии — родина знаменитых художников.

Човган (*чавган, чоуган*) — изогнутая клюшка для игры в мяч.

Човганбази — игра в конное поло.

Шаввал — десятый месяц мусульманского лунного года, следующий после рамазана.

Шам — Сирия.

Шамс — безвестный дервиш, которого поэт Руми избрал своим наставником и чьим именем как бы «подписывал» свои газели.

Шариат — свод правовых норм и законов ислама, составленных на основе Корана и высказываниях пророка Мухаммада.

Шахид Балхи (915—?) — знаменитый поэт, современник и друг Рудаки.

Шейх — старец-наставник; видный духовный служитель мусульманской религии.

Шербет — сладкий фруктовый напиток.

Шираз — город на юге Ирана; родина поэтов Саади и Хафиза.

Ширин — см. Фархад.

Шируйэ — Кавад II Шируйэ, сын Хосрова II Парвиза, убивший отца в 628 г.

Эдем — рай.

Эмир — титул правителей династии Саманидов, затем Тимуридов (с IV в.) и Мангитов (с XVIII — начало XIX вв.).

Юсуф — см. Иосиф Прекрасный.

Якуб — арабский вариант имени ветхозаветного Иакова, отца Иосифа Прекрасного (Юсуфа), образ которого в восточной поэзии является символом страдания от разлуки с любимой.

Яр — возлюбленная, друг.

А. Хакимов

СОДЕРЖАНИЕ

РУДАКИ

Касыды (Фрагменты)

О старости. <i>Перевод В. Левика</i>	3
Марсия на смерть Абульхасана Муради. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	5
«Ветер, вея от Мульяна, к нам доходит...» <i>Перевод И. Сельвинского</i>	6
Восхваление Насра ибн Ахмада. <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	6
На смерть Шахида Балхи. <i>Перевод В. Левика</i>	6

Газели (Фрагменты)

«Для радостей низменных тела я дух оскорбить бы не мог...» <i>Перевод В. Левика</i>	7
«О пери! Я люблю тебя, мой разум сокрушен тобой...» <i>Перевод В. Левика</i>	8
«Рудаки провел по струнам и на чанге зыиграл...» <i>Перевод В. Левика</i>	8
«Казалось, ночью на декабрь апрель обрушился с высот...» <i>Перевод В. Левика</i>	8
«Тебе, чьи кудри точно мускус, в рабы я небесами дан...» <i>Перевод В. Левика</i>	9

«О трех рубашках, красавица, читал я в притче седой...» <i>Перевод В. Левика</i>	10
«Будь весел и люби красавицу свою...» <i>Перевод В. Левика</i>	10
«Только раз бывает праздник, раз в году его черед...» <i>Перевод В. Левика</i>	11
«О ты, чья бровь — как черный лук, чей локон петлею завит...» <i>Перевод В. Левика</i>	12
«Я потерял покой и сон — душа разлукою больна...» <i>Перевод В. Левика</i>	13
«Налей вина мне, отрок стройный, багряного, как темный лал...» <i>Перевод В. Левика</i>	14
«Самум разлуки налетел — и нет тебя со мной!..» <i>Перевод В. Левика</i>	14
«Твои лукавые глаза меня в смятенье привели...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	15
«Твой лик — вершина красоты, тебе и слава и хвала...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	15
«Мне слышится на утренней заре...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	16
«Дай, бог, разлуку пережить, страдальца пожалей!..» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	16
«Ты обиделся на друга, не сердись, найди терпенье...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	17
«К твоим ланитам нежно кудри лнут...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	17
«Земля твой каждый шаг сопровождает...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	17
«Весь этот мир на сонный бред похож...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	18
«Не для убийства меч ты приобрел...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	18
«Амбра, яблоко и розы — расцветающее диво...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	19
«Насладиться спеши искрометным вином...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	19
«Бухара нам вновь прислала ветерок благоуханный...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	20
«Больно мне два слова слышать, вдохновляющих умы...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	20
«О сердце, долго ли тебе еще в груди моей стучать?...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	21
«Вино, и песни, и цветы, и луноликих дев каприз...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	21
«Кудри падают на плечи, стан стройнее, чем сосна...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	22

«Всё быстротечно, всё проходит мимо...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	22
«Великие ушли в красе и силе...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	23
«Мир наш хозяин, он — источник зла...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	23
«Схож с ланитами Лейли цвет весеннего тюльпана...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	24
«Ты, сердце, терпишь муку поделом...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	24
«Речная рябь — ее кудрей волна...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	24
«Как шелк армянский, у тебя атласна кожа...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	24
«Уста медвяны у тебя, что ж горечь слов так больно жжет?..» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	25

Кыта (Фрагменты)

«Для луга разума — зима губительная ты...» <i>Перевод В. Левика</i>	25
«Как тебе не надоело в каждом ближнем видеть скрягу...» <i>Перевод В. Левика</i>	25
«О время! Юношей богатым, светлоречивым, ясноликим...» <i>Перевод В. Левика</i>	26
«Жизнь поучает и дает совет...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	26
«Ты слышишь, пташка жалобно кричит...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	26
«Сей мир для нас и мачеха и мать...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	26
«О ходжа, не обольщайсь добрым именем твоим...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	26
«Все люди скряги!» — ты твердишь сердито...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	27
«Земля под этим вечным небосводом...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	27
«Стремись ты к красавице Халлуха...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	27
«Наш мир таков с тех пор, как создан он...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	27
«Столь сладки алые уста, что сахар сладость потерял...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	27
«Связав судьбу с неверною и злой...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	28
«Сам, волею своей, изгнал тебя...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	28

«Меня прощали много раз, хоть я грехов не совершал...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	28
«Твой локон вьется, словно буква «джим»...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	28
«Подняв головки из травы, весной фиалки расцвели...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	29
«Погляди, прогнулись балки и подпоры у ворот...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	29
«В богатстве, на коне прибыл к тебе издалека...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	29
«Кто добрых дел не совершал — в забвеньи опочил...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	29
«Коль нам веселиться и пить суждено...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	29
«Мадж, прочитай мои стихи, учи их наизусть...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	30
«Град сыплет наземь звезды ледяные...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	30
«Всегда будь с теми, кто любил и любит...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	30
«Твой зрелый разум тверд и ясен...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	30
«Тюркский ангел несравненный, о весенний мой цветок...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	31
«Те, кто не ведал никогда, сколь горек просьбы яд...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	31
«Когда жемчужины стихов язык мой рассыпает...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	31
«Добыча мы, о сын мой, в мире сем...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	31
«Коль хочешь, чтоб смерть не настигла тебя...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	32
«Хвала тебе!» — разумным с почтеньем говорим...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	32
«Змею напрасно кормишь и греешь на груди...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	32
«Взглядом трезвым и разумным посмотри на этот мир...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	32
«Беда тому, кто разумом гордится...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	32
«Собрал богатство он с большим трудом...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	33
«Судьба несправедлива к мудрецам...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	33

«Мир бранный создал некий чародей...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	33
«Имя славное, рассудок, мягкий нрав, здоровье тела...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	33
«Обман, раздор к добру не приведут...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	33
«Едва окрепнет клюв у голубка...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	34
«О господин, ты всё вкушать готов...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	34
«Я некогда был счастлив в этом доме...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	34
«О Рудаки, легко живи, печали позабудь...» <i>Перед Т. Стрешневой</i>	34
«Вновь розы расцвели в саду моем...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	34

Рубан

«Когда судьба тебя убить решила...» <i>Перевод В. Державина</i>	35
«Больному, заброшенному в беде, мне не сладко...» <i>Перевод В. Державина</i>	35
«Здесь страждущий плодов отрадных не найдет...» <i>Перевод В. Державина</i>	35
«Ища тебя, весь мир я исходил...» <i>Перевод В. Державина</i>	35
«Дела мои в блуждании мирском...» <i>Перевод В. Державина</i>	36
«Я гибну, но безжалостно суров...» <i>Перевод В. Державина</i>	36
«Заблудший, зачем забываешь о том...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	36
«Хоть душа моя в разлуке стала кровью истекать...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	36
«На том пути, где вихрь метет, светильник ты зажгла...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	36
«Мой взор мучительной тоской сумел разбить агат...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	37
«Знай, сердце бедное мое пленил кудрей аркан...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	37
«Мне без тебя свет солнца ни к чему...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	37
«На имя славное его походит солнечный восход...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	37

- «Если ей распустишь кудри, с долгой ночью им сравниться...»
Перевод Т. Стрешневой 37
- «Мне имя назовут твое, и оживаю я душой...» *Перевод*
Т. Стрешневой 38
- «Я терпение утратил, страсть меня с ума свела...» *Перевод*
Т. Стрешневой 38
- «Не можешь щедрым быть — что ж, не сужу!...» *Перевод*
Т. Стрешневой 38
- «Письмо любимой прочитать я рад...» *Перевод Т. Стрешневой*
вой 38
- «Я — Рудаки — любить и жить устал...» *Перевод Т. Стрешневой*
ной 38
- «С одной безбрежностью морской сравнима красота...» *Перевод*
Т. Стрешневой 39
- «Завитки кудрей играют от покачивания стана...» *Перевод*
Т. Стрешневой 39
- «Затеял в каджабоз игру коварный небосвод...» *Перевод*
Т. Стрешневой 39
- «Не обольщайся суетой и без забот живи...» *Перевод*
Т. Стрешневой 39
- «Еще я радость не познал свидания с тобой...» *Перевод*
Т. Стрешневой 40
- «Владыки мира все скончались, и ныне горсть земли они...»
Перевод В. Левика 40
- «Однажды время мимоходом отличный мне дало совет...»
Перевод В. Левика 40
- «Не для того черно я снег кудрей...» *Перевод В. Левика* 40
- «Сквозь оболочку мира глаз твой не видит жизни сокровенной...»
Перевод В. Левика 40
- «Фату на лик свой опустили в смущенье солнце и луна...»
Перевод В. Левика 41
- «Всевышний спас меня от горя, четыре качества мне дав...»
Перевод В. Левика 41
- «Все тленны мы, дитя, таков вселенной ход...» *Перевод*
В. Левика 41
- «Пришла... — Кто? — Милая. — Когда? — Предутренней зарей...»
Перевод В. Левика 41
- «Те, перед кем ковер страданий постлало горе, — вот кто мы...»
Перевод В. Левика 41
- «Если рухну бездыханный, страсти бешенством убит...» *Перевод*
В. Левика 42
- «Слепую прихоть подавляй — и будешь благороден!...» *Перевод*
В. Левика 42
- «Оставь михраб! Предпочитай пиры...» *Перевод В. Левика* 42

Загадка («Он без ушей отлично слышит, он хром, а поступь так легка...»). <i>Перевод В. Левика</i>	42
«Моя душа больна разлукой, тоской напрасной ожиданья...» <i>Перевод В. Левика</i>	42
«О Рудаки, будь волен духом, не так, как прочий люд, живи!...» <i>Перевод В. Левика</i>	43

Разрозненные байты

«Точеной тросточке, блестящей и красивой...» <i>Перевод В. Левика</i>	43
«К тебе стремится прелесть красоты...» <i>Перевод В. Левика</i>	43
«Поцелуй любви желанный — он с водой соленой схож...» <i>Перевод В. Левика</i>	43

ИБН СИНА

С таджикского

Газели. *Перевод Я. Козловского*

«Кто на земле блаженств не ищет, тот...»	44
«Бальзам души — прозрачное вино...»	45
«Благодарный муж не зря почитать привык закон...»	46
«На свете был я несколько деньков...»	47

Кыта. *Перевод Я. Козловского*

«Ты к дружбе с каждым встречным не стремись...»	48
«Темен век, — подумал я, — милосердия в нем нет...»	48
«...На поклонников спешишь неприязнь обрушить ты...»	49

Рубаи. *Перевод Я. Козловского*

«Хоть на тысячу частей расщепил я волосок...»	49
«Кто я такой? — сам вопрошал не раз...»	50
«Велик от Земли до Сатурна предел...»	50
«С двумя-тремя ослами близ мечети...»	50
«Меня в безбожье обвинять — заведомый обман...»	50
«На твоё лишь милосердие уповаем мы, аллах...»	50
«Отлетела моя юность — ненаглядная весна...»	51
«Когда создан был влюбленный небесами в честь земли...»	51
«Вино — твой друг, пока тверёз, а если пьян — то враг...»	51
«Когда с моим врагом мой друг находит лад...»	51

«До того, как беспомощным стать стариком...»	51
«Привычно иным, как охотничьим псам...»	52
«Твоя коса, как эфа, опасна, говорят...»	52
«Не всякая красotka, что нас пьянить вольна...»	52
«О, вырвись, душа, из коварных тенет...»	52
«О солнце-странник, ты одно такое в вышине...»	52
«Мир — это тело мироздания, душа которого — господь...» .	53
«Каждый образ и каждый исчезнувший след...»	53
«Бог звездное ожерелье успел к утру разорвать...»	53
«Чару, полную любви, сердце, пей до дна, как роза...»	53
«Кустистая роза. И несколько рук...»	54
«Огненным ветром роза, как девушка, обнажена...»	54
«Я — плач, что в смехе всех времен порой сокрыт, как роза...»	54
«Какое сердце познает тайны ее хоть часть?...»	54
«Суть в существе твоём отражена...»	54
«О боже, твои совершенны творенья...»	55
«Из блаженств носил я пояс. Не осталось ничего...»	55
«Жемчуг с губ ее сорву не затем, чтоб класть в карман...» . . .	55
«Из дома чуть свет я уйду за высокой звездой...»	55
«Поступку, чтобы пользу произвел...»	55
«Основа двух начал — дыханье: вдох и выдох...»	56
«Огнем и влагой тела, второй душой его...»	56
«Пять чувств от слуха и до зренья...»	56
«Налейте вина мне, пусть длятся года...»	56
«Заслугам грехи предпочли вы считать...»	56

Двустихия. Перевод Я. Козловского

«Растительную если ты предпочел еду...»	57
«Не лезь в огонь и к банному котлу...»	57

С арабского

Поэма о душе. Перевод Я. Козловского	57
«Былое жилище, ты стерто превратностью жизни...» Перевод Я. Козловского	58
«Давайте память воздадим всем жившим здесь когда-то...» Перевод Я. Козловского	63
«Желанья твоего не спросит седина...» Перевод Я. Козлов- ского	65
«Завистникам дивлюсь я неспроста...» Перевод Я. Козлов- ского	67
«Готов больного исцелить всевышний...» Перевод Я. Козлов- ского	68

«В чистом воздухе паря, ядовитых змей, как мух...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	68
«Вода из кувшина, да хлеба кусок...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	69
«Кто незряч — не видит солнца, хоть и на небо глядит...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	69
«Спеши, мой брат, из мира суеты...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	69
«Избавлюсь скоро от мирских кручин...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	70
«Возвысить душу звеньями стремись...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	70
«Кто знает цену сущности своей...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	70
«О детстве сны ты видишь до сих пор...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	71

Бейты. Перевод Я. Козловского

«Я прославился, и тесен для деяний стал мне свет...»	73
«Заклинаю тебя, небо, бога ради, дай ответ...»	73
«О достоинствах твоих рассказать немой бы смог...»	73
«Я в темницу заточен был наветчиком в угоду...»	73
«По ушедшей молодости траур я ношу теперь...»	73
«Когда умрем, то все до одного...»	74
«Я стократ щедрей тебя», — похваляется иной...»	74
«Сердца наши скальной породы связала любовь оттого...»	74
«Басмой волосы окрашу, снова буду молодым...»	74
«Она косы смоляные расплела, пугая ночь...»	74
«Воистину чудесные дела: возносятся безмозглые тела...»	74

НАСИР ХОСРОВ

Назидательные главы из «Книги света»

В порицание святошам. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	75
В порицание ростовщикам. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	76
В осуждение поэтов-панегиристов. <i>Перевод И. Гуровой</i>	77
В порицание царям и власть имущим. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	78
Хвала ремесленникам. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	79
Хвала земледельцам. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	80

Знание. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	80
Разум. <i>Перевод А. Адалис</i>	81
Добродетель. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	82
Дружба. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	82
Друг и недруг. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	83
Жадность и низость. <i>Перевод А. Адалис</i>	84
Двуличие. <i>Перевод А. Адалис</i>	85
Язык. <i>Перевод И. Сельвинского</i>	86

Касыды

Спор с богом. <i>Перевод А. Адалис</i>	86
«В горьких раздумьях моих вся истомилась душа...» <i>Перевод К. Липскерова</i>	91
«Вот взмыл орел с высоких скал. Он, по обычаю орла...» <i>Перевод А. Адалис</i>	92
Размышления в Юмгане. <i>Перевод В. Державина</i>	93
«Вышел волк голодный, видит полн ягнят простор степной...» <i>Перевод В. Державина</i>	96
«В тени чинары тыква подросла...» <i>Перевод А. Адалис</i>	97

ОМАР ХАЙЯМ

Рубаи

«Я раскаянья полон на старости лет...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	99
«Друг, не тревожься, удел свой вверяя судьбе...» <i>Перевод В. Державина</i>	99
«К черту пост и молитву, мечеть и муллу!...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	100
«Прощалась капля с морем — вся в слезах!..» <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	100
«Раскаянья обеты забыли мы теперь...» <i>Перевод Л. Некоры</i>	100
«Ты, который ушел и пришел со согбенным хребтом...» <i>Перевод В. Державина</i>	100
«Милосердия, сердце мое, не ищи...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	100
«Если в лучах ты надежды — сердце ищи себе, сердце...» <i>Перевод К. Бальмонта</i>	101
«Рыба утку спросила: «Вернется ль вода...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	101

«Пусть сердце мир себе державой требует...» <i>Перевод В. Державина</i>	101
«Когда тело мое на кладбище снесут...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	101
«Пока медресе и мечети во прах не падут...» <i>Перевод В. Державина</i>	101
«В Книге Судеб ни слова нельзя изменить...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	102
«Деяньями этого мира разум мой сокрушен...» <i>Перевод В. Державина</i>	102
«Пока твой не смешали с гончарной глиной прах...» <i>Перевод Л. Некоры</i>	102
«Пусть буду я сто лет гореть в огне...» <i>Перевод В. Державина</i>	102
«В этом году в рамазане цвет распустился в садах...» <i>Перевод В. Державина</i>	102
«Всё пройдет — и надежды зерно не взойдет...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	103
«Жизнь мгновенная, ветром гонима, прошла...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	103
«Когда под утренней росой дрожит тюльпан...» <i>Перевод О. Румера</i>	103
«Моей руке держать кувшин вина — отрада...» <i>Перевод О. Румера</i>	103
«Старость — дерево, корень которого сгнил...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	103
«Я страдать обречен до конца своих дней...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	104
«Цветочек вывел ли из почвы рок хоть раз...» <i>Перевод О. Румера</i>	104
«Вино запрещено, но есть четыре «но»...» <i>Перевод Л. Пенковского</i>	104
«Зложелатель никогда цели не достигнет...» <i>Перевод И. Сельвинского</i>	104
«Слышал я, что в раю, мол, сады и луга...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	104
«Прошу могилу мне с землей сровнять, да буду...» <i>Перевод О. Румера</i>	105
«О жестокое небо, безжалостный бог!...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	105
«До щек ее добраться — нежных роз?...» <i>Перевод И. Тхоржевского</i>	105
«И я, седобородый, в силоч любви попал...» <i>Перевод Л. Некоры</i>	105

- «Благородство и подлость, отвага и страх...» *Перевод Г. Плисецкого* 105
- «Росток мой — от воды небытия...» *Перевод В. Державина* 106
- «Никто из тех, кто гонит из фиников вино...» *Перевод Л. Некоры* 106
- «Часть людей обольщается жизнью земной...» *Перевод Г. Плисецкого* 106
- «В день, когда оседлали небес скакуна...» *Перевод Г. Плисецкого* 106
- «Великие, что знания стяг взметнули...» *Перевод Ц. Бану* 106
- «Тот, кто с юности верует в собственный ум...» *Перевод Г. Плисецкого* 107
- «Будешь в обществе гордых ученых ослов...» *Перевод Н. Стрижкова* 107
- «Я презираю лживых, лицемерных...» *Перевод В. Державина* 107
- «У занимающих посты больших господ...» *Перевод О. Румера* 107
- «Не избежать конца пути земного...» *Перевод Ц. Бану* 108
- «Я знаю этот вид напыщенных ослов...» *Перевод О. Румера* 108
- «Тот, кто следует разуму, — доит быка...» *Перевод Г. Плисецкого* 108
- «Лицемеры, что жизнью кичатся святой...» *Перевод В. Державина* 108
- «Не осталось мужей, коих мог уважать...» *Перевод Г. Плисецкого* 108
- «Все цветы для тебя в этом мире цветут...» *Перевод Г. Плисецкого* 109
- «Даже гений — творенья венец и краса...» *Перевод Г. Плисецкого* 109
- «Пусть будет, пьяницы, кабак наполнен вами...» *Перевод О. Румера* 109
- «Мы с тобою — добыча, а мир — западня...» *Перевод Г. Плисецкого* 109
- «Не таи в своем сердце обид и скорбей...» *Перевод Г. Плисецкого* 109
- «Скоро праздник великий, аллаху хвала!..» *Перевод Г. Плисецкого* 110
- «Отрекись от поста и пещер в этом мире земном...» *Перевод В. Державина* 110
- «Сокровенною тайной с тобой поделюсь...» *Перевод Н. Стрижкова* 110

- «Скакуна твоего, небом избранный шах...» *Перевод Г. Плисецкого* 110
- «Так как собственной смерти отсрочить нельзя...» *Перевод Г. Плисецкого* 110
- «Тот гончар, что слепил чаши наших голов...» *Перевод Н. Стрижкова* 111
- «Не холоден, не жарок день чудесный...» *Перевод В. Державина* 111
- «Строителя увидел я, что возводил жилье...» *Перевод В. Державина* 111
- «Жизнь — то шербет на льду, а то — отстой вина...» *Перевод В. Державина* 111
- «Кто в чаше Жизни капелькой блеснет...» *Перевод И. Тхоржевского* 111
- «Египет, Рим, Китай держи ты под пятой...» *Перевод О. Румера* 112
- «Веселись! Невеселые сходят с ума...» *Перевод Г. Плисецкого* 112
- «Мы уйдем без следа — ни имен, ни примет...» *Перевод Г. Плисецкого* 112
- «Кого из нас не ждет последний Страшный суд...» *Перевод О. Румера* 112
- «А вот, — вставляет кто-то, — говорят...» *Перевод И. Тхоржевского* 112
- «Не молящимся грешником надобно быть...» *Перевод Г. Плисецкого* 113
- «В этом мире глупцов, подлецов, торгашей...» *Перевод Г. Плисецкого* 113
- «От излишеств моих — разве Ты обнищал?...» *Перевод Г. Плисецкого* 113
- «Приход мой небу славы не доставил...» *Перевод Ц. Бану* 113
- «Я на чужбине сердцем изнываю...» *Перевод В. Державина* 114
- «Не одерживал смертный над небом побед...» *Перевод Г. Плисецкого* 114
- «Счастлив тот, кто в шелку и парче не блистал...» *Перевод Г. Плисецкого* 114
- «Твой разум дел мирских не повернет...» *Перевод В. Державина* 114
- «Книга жизни моей перелистана — жалы!...» *Перевод Г. Плисецкого* 114
- «В молитве и посте я, мнилось мне, нашел...» *Перевод О. Румера* 115
- «Жизнь уходит из рук, надвигается мгла...» *Перевод Г. Плисецкого* 115

- «Цветам и запахам владеть тобой доколе?..» *Перевод О. Румера* 115
- «Пришел я в этот мир по принуждению...» *Перевод Ц. Бану* 115
- «Я смерть готов без страха повстречать...» *Перевод В. Державина* 115
- «Разум к счастью стремится, все время твердит...» *Перевод Г. Плисецкого* 116
- «Я над книгою жизни упрямо гадал...» *Перевод Н. Стрижкова* 116
- «Моя будь воля — не родился б я...» *Перевод Ц. Бану* 116
- «Если б я властелином судьбы своей стал...» *Перевод Г. Плисецкого* 116
- «О мой шах, без певцов, и пиров, и без чаши вина...» *Перевод В. Державина* 116
- «Мой совет: будь хмельным и влюбленным всегда...» *Перевод Г. Плисецкого* 117
- «О, если б, захватив с собой стихов диван...» *Перевод О. Румера* 117
- «Знаю, сущность твоя недоступна уму...» *Перевод Н. Стрижкова* 117
- «Попрекают Хайяма числом кутежей...» *Перевод Г. Плисецкого* 117
- «Как там — в мире ином?» — я спросил старика...» *Перевод Г. Плисецкого* 117
- «Мир — мгновенье, и я в нем — мгновенье одно...» *Перевод В. Державина* 118
- «Сбрось обузу корысти, тщеславия гнет...» *Перевод Г. Плисецкого* 118
- «Знайся только с достойными дружбы людьми...» *Перевод Г. Плисецкого* 118
- «Закон незыблемый внушен сердцам людей...» *Перевод О. Румера* 118
- «Мы только куклы, вертит нами рок...» *Перевод Ц. Бану* 118
- «Спросил у чаши я, прильнув устами к ней...» *Перевод О. Румера* 119
- «Не лучше ли за кубком тебе всю мысль отдать...» *Перевод Л. Некоры* 119
- «Если истину сердцу постичь не дано...» *Перевод Г. Плисецкого* 119
- «Жизнь твою режут острой косою ночи и дни...» *Перевод В. Державина* 119
- «Ранним утром, о нежная, чарку налей...» *Перевод Г. Плисецкого* 119

- «Я вчера наблюдал, как вращается круг...» *Перевод Г. Плисецкого* 120
- «Кто, живя на земле, не грешил? Отвечай!..» *Перевод Г. Плисецкого* 120
- «Небо! Что сделал я? Что ты терзаешь меня?..» *Перевод В. Державина* 120
- «Лунным светом у ночи разорван подол...» *Перевод Г. Плисецкого* 120
- «Дух мой чистый, ты гость в моем теле земном!..» *Перевод Г. Плисецкого* 120
- «Нет ни рая, ни ада, о сердце мое!..» *Перевод Г. Плисецкого* 121
- «Как полон я любви, как чуден милой лик...» *Перевод О. Румера* 121
- «С той, чей стан — кипарис, а уста — словно дал...» *Перевод Г. Плисецкого* 121
- «Вхожу в мечеть смиренно, с поникшей головой...» *Перевод Л. Некоры* 121
- «Тревога вечная мне не дает вздохнуть...» *Перевод О. Румера* 122
- «Из всего, что аллах мне для выбора дал...» *Перевод Г. Плисецкого* 122
- «Смеялась роза: «Милый ветерок...» *Перевод И. Тхоржевского* 122
- «Джамшида чашу я искал, не зная сна...» *Перевод О. Румера* 122
- «Убывает гордыня в сердцах от вина...» *Перевод Г. Плисецкого* 122
- «Тот усердствует слишком, кричит: «Это — я!»...» *Перевод Г. Плисецкого* 123
- «Гляжу на землю я и сном объятых вижу...» *Перевод О. Румера* 123
- «Смерть я видел, и жизнь для меня — не секрет...» *Перевод Г. Плисецкого* 123
- «Смертный, думать не надо о завтрашнем дне...» *Перевод Г. Плисецкого* 123
- «В дни цветения роз свою волю с цепей я спущу...» *Перевод В. Державина* 123
- «Раб страстей, я в унынье глубоком — увыл...» *Перевод Г. Плисецкого* 124
- «Ты, боже, глину мял, — что делать мне?..» *Перевод Дм. Седых* 124
- «Увы, глоток воды хлебнуть не можешь ты...» *Перевод О. Румера* 124

- «Когда б я отравил весь мир своею скверной...» *Перевод О. Румера* 124
- «Считают, будто я неверный — верно...» *Перевод Дм. Седых* 124
- «Назовут меня пьяным — воистину так!» *Перевод Г. Плисецкого* 125
- «Как долго пленными нам быть в тюрьме мирской?..» *Перевод О. Румера* 125
- «Над краем чаши мы намазы совершаем...» *Перевод О. Румера* 125
- «Когда-то просвещал нас синклит седых бород...» *Перевод Л. Некоры* 125
- «Безгрешными приходим — и грешим...» *Перевод Дм. Седых* 125
- «Мы источник веселья — и скорби рудник...» *Перевод Г. Плисецкого* 126
- «Сердце, воспряни! Мы по струнам рукой проведем...» *Перевод В. Державина* 126
- «В мире временном, сущность которого — тлен...» *Перевод Г. Плисецкого* 126
- «Этот мир — эти горы, долины, моря...» *Перевод Г. Плисецкого* 126
- «Чтоб счастье испытать, вина себе налей...» *Перевод О. Румера* 126
- «Ты, муфтий, нас беспутнее подчас...» *Перевод Ц. Бану* 127
- «Твои дары, о жизнь, — унынье и туга...» *Перевод О. Румера* 127
- «Бросать не стоит в будущее взгляд...» *Перевод Дм. Седых* 127
- «Мы чалму из тончайшего льна продадим...» *Перевод Г. Плисецкого* 127
- «Не прав, кто думает, что бог неумолим...» *Перевод О. Румера* 128
- «Мы попали в сей мир, как в силок — воробей...» *Перевод Г. Плисецкого* 128
- «Держит чашу рука, а другая — Коран...» *Перевод Н. Стрижкова* 128
- «Дураки мудрецом почитают меня...» *Перевод Г. Плисецкого* 128
- «Лучше пить и веселых красавиц ласкать...» *Перевод Г. Плисецкого* 128
- «Если хочешь покоиться в неге блаженной...» *Перевод В. Державина* 129
- «Ухожу, ибо в этой обители бед...» *Перевод Г. Плисецкого* 129

«Лучше впасть в нищету, голодать или красть...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	129
«Страстью раненный, слезы без устали лью...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	129
«Нет мне единомышленника в споре...» <i>Перевод В. Державина</i>	129
«Небо! Вечно в сражении ты и в борьбе со мной...» <i>Перевод В. Державина</i>	130
«Из верченья гончарного круга времен...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	130
«Если б мне всемогущество было дано...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	130
«Эта жизнь — солончак. Вкус у жизни такой...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	130
«Для того, кто за внешностью видит нутро...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	130
«Коль день прошел, о нем не вспомяни...» <i>Перевод Ц. Бану</i>	131
«Мы ненадолго в этот мир пришли...» <i>Перевод В. Державина</i>	131
«Меня, когда умру, вы соком лоз омойте...» <i>Перевод О. Румера</i>	131
«Я небосводом брошен на чужбину...» <i>Перевод В. Державина</i>	131
«Благоговейно чтят везде стихи Корана...» <i>Перевод О. Румера</i>	131
«Покамест ты жив — не обижай никого...» <i>Перевод В. Державина</i>	132
«Под этим небом жизнь — терзаний череда...» <i>Перевод О. Румера</i>	132
«Двери в этой обители: выход и вход...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	132
«Круг небес, неизменный во все времена...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	132
«Принеси заключенный в кувшине рубин...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	132
«Всем сердечным движениям волю давай...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	133
«Приемли, что дает круговорот времен...» <i>Перевод В. Державина</i>	133
«Руины прошлого размыл разлив. И краше...» <i>Перевод В. Державина</i>	133
«Жильцы могил гниют дни, месяцы, года...» <i>Перевод О. Румера</i>	133

- «Хоть сотню проживи, хоть десять сотен лет...» *Перевод*
О. Румера 133
- «Слышал я: под ударами гончара...» *Перевод Г. Плисец-*
кого 134
- «Так как вечных законов твой ум не постиг...» *Перевод Г. Пли-*
сецкого 134
- «Не ставь ты дураку хмельного угощения...» *Перевод О. Ру-*
мера 134
- «Защитник подлых — подлый небосвод...» *Перевод В. Дер-*
жавина 134
- «Круг небес ослепляет нас блеском своим...» *Перевод Г. Пли-*
сецкого 134
- «Беспощадна судьба, наши планы круша...» *Перевод Г. Пли-*
сецкого 135
- «Когда вселенную настигнет день конечный...» *Перевод О. Ру-*
мера 135
- «Если небо враждою опять не повеет — не чудо ли?...» *Пе-*
ревод В. Державина 135
- «Виночерпий! Расплавленный лал принеси...» *Перевод Г. Пли-*
сецкого 135
- «С тех пор как отличать я руки стал от ног...» *Перевод О. Ру-*
мера 135
- «Тот, кто милых красавиц с улыбкой сдружил...» *Перевод*
Н. Стрижкова 136
- «И пылинка — живую частицей была...» *Перевод Г. Пли-*
сецкого 136
- «Чья плоть, скажи, кувшин, тобою стала?...» *Перевод*
Ц. Бану 136
- «Как много было зорь и сумерек до нас!..» *Перевод О. Ру-*
мера 136
- «Где сонмы пировавших здесь до нас?...» *Перевод В. Держа-*
вина 137
- «Все, что будет: и зло, и добро — пополам...» *Перевод Г. Пли-*
сецкого 137
- «О кравчий! Цветы, что в долинах пестрели...» *Перевод В. Дер-*
жавина 137
- «Ты к людям милосерд? Да нет же, не похоже!..» *Перевод*
О. Румера 137
- «Миром правят насилие, злоба и месть...» *Перевод Г. Плисец-*
кого 137
- «Сей караван-сарай, где то и дело день...» *Перевод О. Ру-*
мера 138
- «О сердце, твой удел — вовек, не зная сна...» *Перевод О. Ру-*
мера 138

- «Жизнь моя — не запойное чтение книг...» *Перевод Г. Плисецкого* 138
- «Пей вино, ибо радость телесная — в нем...» *Перевод Г. Плисецкого* 138
- «Хоть мудрец — не скупец и не копит добра...» *Перевод Г. Плисецкого* 138
- «Мне заповедь — любовь, а не Коран, о нет!...» *Перевод О. Румера* 139
- «От безбожья до бога — мгновенье одно...» *Перевод Г. Плисецкого* 139
- «Знай, рожденный в рубашке любимец судьбы...» *Перевод Г. Плисецкого* 139
- «О невежды! Наш облик телесный — ничто...» *Перевод Г. Плисецкого* 139
- «От стрел, что мечет смерть, нам не найти щита...» *Перевод О. Румера* 139
- «Ты видел мир, но все, что ты видал, — ничто...» *Перевод О. Румера* 140
- «Как нежно щеки розы целует ветерок!...» *Перевод Л. Некоры* 140
- «Дух рабства кроется в кумирне и в Каабе...» *Перевод О. Румера* 140
- «Словно солнце, горит, не сгорая, любовь...» *Перевод Г. Плисецкого* 140
- «Чаша вина мне дороже державы Кавуса...» *Перевод В. Державина* 140
- «Плачет роза под прессом: «Зачем из меня...» *Перевод Г. Плисецкого* 141
- «Не знаю тайны я вращения небосвода...» *Перевод В. Державина* 141
- «В день завтрашний нельзя сегодня заглянуть...» *Перевод О. Румера* 141
- «Разум мой не силен и не слишком глубок...» *Перевод Г. Плисецкого* 141
- «Если б мне этой жизни причину постичь...» *Перевод Г. Плисецкого* 141
- «Звездный купол — не кровля покоя сердец...» *Перевод В. Державина* 142
- «Небо — пояс загубленной жизни моей...» *Перевод Г. Плисецкого* 142
- «В этом мире не вырастет правды побег...» *Перевод Г. Плисецкого* 142
- «Когда плачут весной облака — не грусти...» *Перевод Г. Плисецкого* 142

- «Снова вешнюю землю омыли дожди...» *Перевод Г. Плисецкого* 142
- «Поменьше в наши дни имей друзей, простак...» *Перевод Л. Пеньковского* 143
- «Жизнь с крючка сорвалась и бесследно прошла...» *Перевод Г. Плисецкого* 143
- «Если низменной похоти станешь рабом...» *Перевод Г. Плисецкого* 143
- «Чтоб угодить судьбе, глушить полезно ропот...» *Перевод О. Румера* 143
- «Некто мудрый внушал задремавшему мне...» *Перевод Г. Плисецкого* 143
- «Можно ль первому встречному тайну открыть?...» *Перевод В. Державина* 144
- «Поутру просыпается роза моя...» *Перевод Г. Плисецкого* 144
- «Смысла нет перед будущим дверь запирать...» *Перевод Г. Плисецкого* 144
- «С вином и розами я шествовал доселе...» *Перевод О. Румера* 144
- «Мы бродили всю жизнь по горам и долам...» *Перевод Г. Плисецкого* 144
- «Словно ветер в степи, словно в речке вода...» *Перевод Г. Плисецкого* 145
- «Этот свод голубой и таз на нем золотой...» *Перевод В. Державина* 145
- «Кто урод, кто красавец — не ведает страсть...» *Перевод Г. Плисецкого* 145
- «В мечетях, в храмах, в капищах богов...» *Перевод В. Державина* 145
- «С людьми ты тайной не делись своей...» *Перевод В. Державина* 145
- «Вразуми, всемогущее небо, невежд...» *Перевод Г. Плисецкого* 146
- «Когда твой светлый дух покинет тело...» *Перевод В. Державина* 146
- «Когда последний вздох испустим мы с тобой...» *Перевод О. Румера* 146
- «Этой чаше рассудок хвалу воздает...» *Перевод Г. Плисецкого* 146
- «Много сект насчитал я в исламе. Из всех...» *Перевод Г. Плисецкого* 146
- «Скорбеть о скорби будущей доколе?...» *Перевод В. Державина* 147

- «Не убивай меня, небо, в своем опьяненье!..» *Перевод В. Державина* 147
- «Мои заслуги точно все до одной сочти...» *Перевод Л. Некоры* 147
- «Вчера в гончарную зашел я в поздний час...» *Перевод О. Румера* 147
- «Старайся принимать без ропота мученья...» *Перевод О. Румера* 147
- «Я научу тебя, как всем прийти по нраву...» *Перевод О. Румера* 148
- «Чистый дух, заключенный в нечистый сосуд...» *Перевод Г. Плисецкого* 148
- «Если б небо вершило лишь праведный суд...» *Перевод Н. Стрижкова* 148
- «Веселись! Ибо нас не спросили вчера...» *Перевод Г. Плисецкого* 148
- «Смертный, если не ведаешь страха — борись...» *Перевод Г. Плисецкого* 148
- «О чадо четырех стихий, внемли ты вести...» *Перевод О. Румера* 149
- «Мне так небесный свод сказал: «О человек...»» *Перевод О. Румера* 149
- «Чем за общее счастье без толку страдать...» *Перевод Г. Плисецкого* 149
- «Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало...» *Перевод О. Румера* 149
- «Мгновеньями он виден, чаще скрыт...» *Перевод И. Тхоржевского* 149
- «Друг, в нищите своей отдай себе отчет!..» *Перевод О. Румера* 150
- «Чужой стряпни вдыхать всемирный чад?!» *Перевод И. Тхоржевского* 150
- «Прославься в городе — возбудишь озлобленье...» *Перевод О. Румера* 150
- «Повторенье, подражанье — мира этого дела...» *Перевод В. Державина* 150
- «Шейх блудницу стыдил: «Ты, беспутная, пьешь...»» *Перевод Г. Плисецкого* 150
- «У мертвых и живых один владыка — ты...» *Перевод О. Румера* 151
- «Виночерпий! Опять моя чаша пуста!..» *Перевод Г. Плисецкого* 151
- «Познай все тайны мудрости! — А там?..» *Перевод И. Тхоржевского* 151

«Брось вино! Попадешь, — мне пророчат, — в беду...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	151
«Слезами омываясь в день трикраты...» <i>Перевод В. Державина</i>	152
«Как надоели мне несносные ханжи!...» <i>Перевод О. Румера</i>	152
«Гостившие здесь прежде поколения...» <i>Перевод В. Державина</i>	152
«Так как смерть все равно мне пощады не даст...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	152
«Огню, сокрытому в скале, подобен будь...» <i>Перевод О. Румера</i>	152
«Нет различья: одна или тысяча бед...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	153
«Ты при всех на меня накликаешь позор...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	153
«Этот райский, с ручьями журчащими, край...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	153
«Ты расставляешь западни на всех путях моих...» <i>Перевод В. Державина</i>	153
«Ни держава, ни полная злата казна...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	153
«Лживой книжной премудрости лучше бежать...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	154
«Лучше в жизни всего избежать, кроме чаши вина...» <i>Перевод В. Державина</i>	154
«Оттого, что несправеден мир, не страдай...» <i>Перевод Г. Плисецкого</i>	154
«Коли можешь, не тужи о времени бегущем...» <i>Перевод В. Державина</i>	154

СААДИ

Из книги «Бустан». Перевод В. Державина

Глава первая

О справедливости, мудрости и рассудительности	155
Рассказ («Такой в Дамаске голод наступил...»)	158

Глава вторая

О благотворительности	161
Рассказ («В пустыне странник увидел усталый...»)	163
Рассказ («Дервиш, придя в суфийскую обитель...»)	164

Глава третья

О любви, любовном опьянении и безумстве	167
Рассказ («Жил в Самарканде юноша. Был он...»)	168
Рассказ («Спросили раз Меджнуна: «Что с тобой?..»)	171

Глава четвертая

О смирении	172
Рассказ («Бедняк ученый — в рвани и в грязи...»)	172
Рассказ («Мудрец Лукман был черен, как арап...»)	177

Глава пятая

О довольстве юдолью	178
Рассказ («Жил в Исфагане войска повелитель...»)	179

Глава шестая

О довольстве малым	184
Рассказ («Однажды скряга некий, полный страха...»)	187

Газели

«Коль с лица покров летучий ты откинешь, моя луна...» <i>Перевод В. Державина</i>	188
«В дни пиров та красавица сердце мое привлекла...» <i>Перевод В. Державина</i>	189
«Я влюблен в эти звуки, в этот сердце мне ранящий стон...» <i>Перевод В. Державина</i>	189
«О караванщик, сдержи верблюдов! Покой мой сладкий, мой сон уходит...» <i>Перевод К. Липскерова</i>	190

Кыта. Перевод В. Державина

«О утренний ветер, когда долетишь до Шираза...»	191
«Если в рай после смерти меня поведут без тебя...»	191
«Эй, пустомеля и болтун, как о любви ты смеешь петь?..»	192
«Меня корят: «Зачем напрасно за недостойной ты стремишься?..»	192
«Побежденным, угнетенным и томящимся в оковах...»	192
«Ты, падишах, не обольщайся словами низкого льстеца!..»	192

РУМИ

Из «Маснави»

Притчи. Перевод В. Державина

Поселянин и лев	193
Рассказ об украденном баране	194
О том, как шах Термеза получил «мат» от шута	195
О том, как старик жаловался врачу на свои болезни	196
Рассказ о винограде	197
Наставление пойманной птицы	198
Джута и мальчик	200
Спор мусульманина с огнепоклонником	201
Посещение глухим больного соседа	202
Рассказ об украденном осле	204
Спор грамматика с кормчим	209
Напуганный горожанин	210
О том, как халиф увидел Лейли	211
О том, как вор украл змею у заклинателя	212
Рассказ о том, как шут женился на распутнице	212
Рассказ о нападении огузов	213
Крики сторожа	214
Золотых дел мастер и его весы	215
Рассказ о факихе в большой чалме и о воре	216
О набожном воре и садовнике	218
Спасшийся вор	219

Газели

«О вы, рабы прелестных жен! Я уж давно влюблен!..» <i>Перевод И. Сельвинского</i>	220
«Я видел милую мою: в тюрбане золотом...» <i>Перевод И. Сельвинского</i>	221
«Я — живописец. Образ твой творю я каждый миг!..» <i>Перевод И. Сельвинского</i>	222
«Вы, взыскующие бога среди небесной синевы...» <i>Перевод Д. Самойлова</i>	222
«О правоверные, себя утратил я среди людей...» <i>Перевод Д. Самойлова</i>	223
«Друг, — молвила милая, — в смене годов...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	224

КАМОЛ

Газели

- «Эта шумная улица кажется мне пустынной...» *Перевод И. Сельвинского* 225
- «О, беспокойство снова и снова!» *Перевод А. Адалис* 226
- «Едва подует ветер с гор — он лепестки цветов сорвет...» *Перевод А. Адалис* 226
- «Тропою мужества, друзья, направимся назло сомненьям...» *Перевод А. Адалис* 227
- «Счастья без этих слов и мук пусть не имеем мы!» *Перевод А. Адалис* 228
- «Где солнце дневное проходит, там ночью луна...» *Перевод А. Адалис* 228
- «Та, что вечно ускользала, где она теперь?..» *Перевод А. Адалис* 229
- «Скажите друзьям, что я болен, а целебного зелья нет!» *Перевод А. Адалис* 229
- «Пусть горем я охвачен, печаль — моя отрада...» *Перевод А. Адалис* 230
- «Почудилось розе благоуханье рубашки твоей...» *Перевод А. Адалис* 230
- «Душе уста-рубины милей самой души!» *Перевод А. Адалис* 231
- «Дружить с божествами, чьи радостны лица, желаю!» *Перевод А. Адалис* 231
- «О, если по ее щекам, подобным розы лепесткам...» *Перевод А. Адалис* 232
- «Кровь из очей струится, на мир гляжу в упор...» *Перевод А. Адалис* 233
- «Сумасшедшим я стал оттого, что любовь жестока...» *Перевод А. Адалис* 233
- «Земля весною ранней тобой благоухает...» *Перевод А. Адалис* 234
- «Я спросил ее: — Кто ты и как тебя звать? — Отвечала: — Спроси у луны...» *Перевод А. Адалис* 234
- «Друг мой слезы увидел, меня пожалеть он решился...» *Перевод А. Адалис* 235
- «О мое упоение! Кудри твои из того же...» *Перевод А. Адалис* 236
- «Как сердца священный сосуд разбить, растоптать ты могла!» *Перевод А. Адалис* 236
- «Пусть губы смеются и смех не замрет никогда!» *Перевод А. Адалис* 237

«Лун, что, как ты, недоступно горды, я не видел...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	237
«Верящий в ее неверность поступает справедливо...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	238
«Почему моя любимая постоянно обижается?...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	239
«Горе мой собеседник, а других не бывает...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	239
«Всю правду о любимой я сердцем друга знаю...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	240
«Та, кого зовут зеницей ока моего...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	241
«О ты, чей жестокий обычай людские сердца разбивать...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	241
«Сбылись заветные желанья души моей...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	242
«С каждым днем все сильнее к тебе я влеком...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	242
«Не заставляй с лукавым взглядом, исполненным огня, сражаться...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	243
«Избежать очарования невозможно для людей...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	244
«Слезы бегут по лицу твоему ежечасно...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	244
«Серебро двух рук бесценных в рукавах ты бережешь...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	245
«Если ночью лунолика в сад без покрывала выйдет...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	245
«Утром влюбленный с молитвой на жарких устах...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	246
«Вне себя от нежной страсти — к милой смело убегаю...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	246
«Чем я снова заслужил равнодушное презренье?...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	247
«Ты в состязанье победила, всех за собою увлекла...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	248
«Жизнь прошла, а другом ты не стала до сих пор...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	248
«В ночь, когда снова вспыхнет огонь, что давно погас...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	249
«Мучим ревностью к стану ее кипарис на лугу...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	249
«Чтоб любоваться тобой, мало мне жизни одной...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	250

- «Если идешь ты меж роз — то бойся дороги опасной...» *Перевод В. Звягинцевой* 251
- «Я спросил: человек или ангел ты? Говорит: и то и другое...» *Перевод В. Звягинцевой* 251
- «Ливень цветы оросил, и задрожала роза...» *Перевод В. Звягинцевой* 252
- «О сердце бедное, скажи, — где золото, где мощь твоя?..» *Перевод В. Потаповой* 253
- «Паломники о твой порог напрасно расшибают лбы...» *Перевод В. Потаповой* 253
- «Я губы и кудри искал, и вдруг — укололо — нашел!..» *Перевод В. Потаповой* 254
- «От несравненной красоты я должен, по словам ханжи, отречься!..» *Перевод В. Потаповой* 255
- «О кравчий, праздника хочу: веселья мне мила стезя...» *Перевод В. Потаповой* 255
- «Чтоб сахаром назвать уста — мы вдвое сласть его умножим...» *Перевод В. Потаповой* 256
- «Как зовется та, что надо мной захватила власть, — я не скажу!..» *Перевод В. Потаповой* 256
- «Вот уж праздник наступает. Время на луну глядеть...» *Перевод В. Потаповой* 257
- «Водой соленой у меня от плача налились глазницы...» *Перевод В. Потаповой* 258
- «Сказала: «Вырви из души меня скорей!» — «Не говори так!..» *Перевод В. Потаповой* 258
- «У ручья мы побывали — и ушли...» *Перевод В. Потаповой* 259
- «Нас корит за пьянство постник и ревнитель благочестья...» *Перевод В. Потаповой* 259
- «Для чего таиться мне от света? Я люблю тебя...» *Перевод В. Потаповой* 260
- «Когда б дорогу отыскать я мог на улицу твою...» *Перевод В. Потаповой* 261
- «Находясь в разлуке с милой — утопаю в океане...» *Перевод В. Потаповой* 261
- «Кравчий, розы цветут! Злое зелье тоски бросим...» *Перевод В. Потаповой* 262
- «До чего противна мысль о монахе-изувере!..» *Перевод В. Потаповой* 262
- «Дай руку, без тебя я сам не свой, любимая!..» *Перевод В. Потаповой* 263
- «Душе причиняешь ты горе одно, оставив для тела — другое...» *Перевод В. Потаповой* 264

«Хоть сердце ты мне разбила, любви к тебе в нем полно...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	264
«Душа твоя — наковальня: мягкости нету в ней...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	265
«К безумным признаниям слухом не льнешь...» <i>Перевод Я. Козловского</i>	265
«Сердцу к твоим опуститься стопам хорошо...» <i>Перевод М. Синельникова</i>	266
«Друзья мои, вот — чаровница, которой сердце пленено...» <i>Перевод М. Синельникова</i>	266
«Клейма любви на душах людей — счастья подлинный знак...» <i>Перевод М. Синельникова</i>	267
«Только звякнет дверное кольцо, я вспомню любимый лик...» <i>Перевод М. Синельникова</i>	268
«Дом у тебя под окном чаровницы есть...» <i>Перевод М. Синельникова</i>	268

ХАФИЗ

Газели

«В царство розы и вина — приди!..» <i>Перевод А. Фета</i>	270
«Блеск твой век непрестанным да будет...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	271
«Томлюсь по сладостным устам в мечтах неясных я...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	271
«Ты, чье сердце — гранит, чьих ушей серебро — колдовское литье...» <i>Перевод А. Кочеткова</i>	272
«Взгляни, как праздничный стол расхищен девицей-судьбой!..» <i>Перевод А. Кочеткова</i>	273
«В дни, когда наш луг покрыт райским цветущим ковром...» <i>Перевод А. Кочеткова</i>	274
«Коль туда, куда стремлюсь, я направлю полет...» <i>Перевод А. Кочеткова</i>	274
«Древо дружбы посади — плод благого зерна принесет...» <i>Перевод А. Кочеткова</i>	275
«Что святош во власяницах вся гурьба?...» <i>Перевод К. Липскерова</i>	275
«Чашу полную, о кравчий, ты вручи мне, как бывало...» <i>Перевод К. Липскерова</i>	276
«Где правоверных путь, где нечестивых путь? О, где же?...» <i>Перевод К. Липскерова</i>	277
«Аромат ее крова, ветерок, принеси мне...» <i>Перевод К. Липскерова</i>	278

- «День отрадных встреч с друзьями — вспоминай!..» *Перевод К. Липскерова* 278
- «Кому удел не тлетворный в тлетворных столетьях дан?..» *Перевод К. Липскерова* 279
- «Страсть бесконечна; страстным дорогам нет пресечения, нет!..» *Перевод К. Липскерова* 280
- «Проповедники, как только службу с важностью в мечети совершат!..» *Перевод К. Липскерова* 280
- «Ты не шли упреков в буйстве в гульбищах не новичку!..» *Перевод К. Липскерова* 281
- «Лекарю часто нес я моления!..» *Перевод К. Липскерова* 281
- «Розу брось: без уст и она не приманчива!..» *Перевод К. Липскерова* 282
- «Обо мне ты ей все, ветерок, расскажи!..» *Перевод К. Липскерова* 283
- «С ней, луна, не борись в светлой силе, нет!..» *Перевод К. Липскерова* 283
- «Нету в мире счета розам, да одной мне довольно!..» *Перевод К. Липскерова* 283
- «Дни весны наступили — и тюльпан, и шиповник, и роза!..» *Перевод К. Липскерова* 284
- «Мне вечер музыкант — да утешится он!..» *Перевод К. Липскерова* 285
- «Весну возвестили травы, побегам все полно!..» *Перевод К. Липскерова* 285
- «Аллах назначил долю мне причастника утех!..» *Перевод К. Липскерова* 286
- «Нет! Подобных мне безумцев я в трущобах не найду!..» *Перевод К. Липскерова* 286
- «В дни расцвета роз не расстанусь я ни вовек с вином!..» *Перевод К. Липскерова* 287
- «В юных днях какой носили мы наряд!..» *Перевод К. Липскерова* 288
- «Ушла любимая моя, ушла, не известила нас!..» *Перевод И. Сельвинского* 288
- «Одиночество мое! Как уйти мне от тоски?..» *Перевод И. Сельвинского* 289
- «Уйди, аскет! Не обольщай меня, аскет!..» *Перевод И. Сельвинского* 289
- «Расцветшей розе так сказал однажды соловей!..» *Перевод И. Сельвинского* 290
- «Подобно птице, что живет в сирени молодой!..» *Перевод И. Сельвинского* 290

«Лицо сокрыла в облаках, себя туманом сделала...» <i>Перевод И. Сельвинского</i>	291
«На сердце роза, на губах лозы душистый сок...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	292
«Уж не мимо ли подруги ты пронесся, ветерок...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	292
«Лицо твое озарено да будет!» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	293
«Вчера из мечети вышел наш шейх — и попал в погребок...» <i>Перевод Е. Дунаевского</i>	294
«К этой двери искать не чины и почет я пришел...» <i>Перевод Е. Дунаевского</i>	295
«Мой скудный жребий тяжек, подъем дороги крут...» <i>Перевод Е. Дунаевского</i>	295
«Я вышел на заре, чтоб роз нарвать в саду...» <i>Перевод Е. Дунаевского</i>	296
«Ты — словно утра свет, а я — в ночи печальная лампада...» <i>Перевод Е. Дунаевского</i>	297
«В этом городе немало счастья взыскан я звездой...» <i>Перевод Е. Дунаевского</i>	298
«О ветер утра, скажи ты этой стройной газели...» <i>Перевод Е. Дунаевского</i>	298
«Аскет, не зови меня в рай — выбор твой неудачен...» <i>Перевод Е. Дунаевского</i>	299
«Коварный ход судьбы невидим и неслышим...» <i>Перевод Е. Дунаевского</i>	300
«О ты, чьим ликом осиян, возрос цветник тюльпанный жизни...» <i>Перевод Е. Дунаевского</i>	301
«Ты знаешь ли, о чем ведут беседу чанг и тара?...» <i>Перевод Е. Дунаевского</i>	301
«Весть пришла, что печаль моих горестных дней — не навечно...» <i>Перевод В. Державина</i>	303
«Песня! Брызнуть будь готова — вновь, и вновь, и вновь, и снова!» <i>Перевод К. Липскерова</i>	304

ДЖАМИ

Газели

«Не найти стройней тебя, как тебе известно...» <i>Перевод А. Адалис</i>	305
«Одна любовь нас отрешает от суеты земной...» <i>Перевод В. Зягинцевой</i>	306

- «По повеленью моему обращайся, вечный небосклон...» *Перевод Т. Стрешневой* 307
- «О, если грозный ход времен разрушит этот скорбный дом...»
Перевод Т. Стрешневой 307
- «Бог только глину замесил, чтоб нас, людей, создать...» *Перевод Т. Стрешневой* 308
- «Булыжник улицы твоей, где я упал во прах...» *Перевод Н. Гребнева* 309
- «Моя любовь к тебе — мой храм, но вот беда...» *Перевод Н. Гребнева* 309
- «Рот твой нежный улыбнулся, зубы-жемчуг показал...» *Перевод В. Державина* 310
- «Попугай об индийских страстях говорит...» *Перевод В. Державина* 311
- «Когда из праха моего трава кровавая взойдет...» *Перевод В. Державина* 311
- «Дом на улице твоей я хочу приобрести...» *Перевод В. Державина* 312
- «Пришла весна, а ты в пути, ты не со мной по-прежнему...»
Перевод С. Северцева 313
- «Иной себялюбивый шейх, что благочестьем знаменит...» *Перевод С. Северцева* 313
- «Когда умру, хочу, чтоб кости мои в калам ты превратила...»
Перевод В. Державина 314
- «Я потянулся к лалам твоим; ты отповедь мне дала...» *Перевод В. Державина* 315
- «Своенравна, остроглаза, с гневным, дерзким языком...» *Перевод Ю. Нейман* 316
- «Темница, что ты создала для сердца моего...» *Перевод Ю. Нейман* 316
- «Суфий, все, что есть в молельне, заложил, купи вина!..» *Перевод Ю. Нейман* 317
- «Глаза мои, вот вам совет: в ее лицо смотреть не надо!..» *Перевод Ю. Нейман* 318
- «Яви свое лицо, оно зари моложе...» *Перевод Ю. Нейман* 318
- «Луна взошла... Нет, не луна! Луна дарует меньше света...»
Перевод Ю. Нейман 319
- «Все, что в сердце моем наболело, — пойми!..» *Перевод Ю. Нейман* 319
- «Поглощенный тобой, на других я взираю сурово...» *Перевод Ю. Нейман* 320
- «Меня убить грозисься! Ну и что ж!..» *Перевод Ю. Нейман* 321
- «В кубок цвета рубина свой рот преврати...» *Перевод Ю. Нейман* 321

- «Нет вина веселья в чаше неба, да и надо просто быть глупцом...» *Перевод Дм. Седых* 322
- «Бесхвостые ослы глупей ослов стократ!..» *Перевод Дм. Седых* 323
- «Не тот я ныне, кто язык марает болтовнею...» *Перевод Дм. Седых* 324
- «О ты, чье сердце безмятежно, что знаешь о тоске...» *Перевод Дм. Седых* 324
- «И в сердце, и в глазах бессонных так непрестанно ты...» *Перевод Дм. Седых* 325
- «Ты пери устыдить смогла свою нежной красотой...» *Перевод Т. Стрешневой* 326
- «Ты цветком сперва казалась, что в одежды облекли...» *Перевод Т. Стрешневой* 326
- «У подножья Бисутун мак кровавый запылал...» *Перевод Т. Стрешневой* 327
- «Песнь моя без тебя все печальней звучит и грустней...» *Перевод Т. Стрешневой* 328
- «Ушла любимая моя, я одиноко стал страдать...» *Перевод Т. Стрешневой* 328
- «Ты ушла не простясь. Ты покинула дом...» *Перевод Т. Стрешневой* 329
- «Доколе кровью исходить, о сердце?...» *Перевод Т. Стрешневой* 330
- «До чаши неба невзначай коснулась пальцами луна...» *Перевод Т. Стрешневой* 330
- «Ты нашла себе другого, как теперь мне поступить?...» *Перевод Т. Стрешневой* 331
- «Друг виночерпий, поспеши, пора нам речи прекращать...» *Перевод Т. Стрешневой* 332
- «Без тебя я как птица, лишенная крыл...» *Перевод Т. Стрешневой* 332
- «Столь восхитительной луны во всех земных владеньях нет...» *Перевод Т. Стрешневой* 333
- «Мой тюркский ангел на фарси двух слов не может разобрать...» *Перевод Т. Стрешневой* 334
- «Твой стан — как трость. А мы — стары...» *Перевод Т. Стрешневой* 334

Рубан

- «Как может тебя увидавшее око...» *Перевод В. Звягинцевой* 335
- «Моя любимая — о, страшный час! — уходит...» *Перевод В. Звягинцевой* 336

«Сердце расплавило пламя в полный накал...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	336
«Побледнел шиповник щек от лихорадки...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	336
«Обращался я к аллаху от страданья по тебе...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	336
«Ах, только не сглазить бы глаз красоту!...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	336
«Глазам была видна ты, а я не знал...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	337
«День прошел в размышленьях о том, что все прах. Увы...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	337
«Спешил я приукрасить другим под стать себя...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	337
«На дереве терпенья плод — не диво...» <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	337
«Когда тебя от головы до пят...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	337
«О милая, взгляни, как мир красив...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	338
«Я клялся верным быть, но верным быть не мог...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	338
«Обретшему бальзам не задавай вопрос...» <i>Перевод Н. Гребнева</i>	338
«Подруга Севера, луна, сияя в небесах...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	338
«Твоя печаль огнем мне сердце жжет...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	339
«Сказал я сердцу: «Дай передохнуть!...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	339
«Я без тебя поднес бокал к губам...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	339
«Кто силу знания отверг, тот обделен умом...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	339
«Мой день прошел в тоске и маете...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	339
«В огне страстей дотла я сердце сжег...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	340
«Беда тому, чье сердце оскудело...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	340
«Когда весною, благостью небес...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	340
Кыта. Перевод Ю. Мальцева	340
Фарды. Перевод Ю. Мальцева	347

БЕДИЛЬ*Из поэмы «Ирфон»*

Комде и Модан. Перевод Л. Пеньковского 354

Примечания А. Хакимова

Коротко об авторах 411

Словарь 415

Лирика. Из персидско-таджикской поэзии.

Л 62 Рудаки, Ибн Сина, Насир Хосров и др. /
Сост. и примеч. А. Хакимова. — М.: Худож.
лит., 1987. — 462 с. (Классики и современни-
ки. Поэтич. б-ка).

В книгу вошли избранные произведения десяти выдающихся поэтов
восточного средневековья: Рудаки, Ибн Сины, Камола Худжанди, Хафи-
за, Саади, Руми, Омар Хайяма, Джами, Бедия, Насира Хосрова, пред-
ставленные в лучших переводах на русский язык В. Левика, А. Адалис,
И. Сельвинского, В. Державина, Т. Стрешневой, Я. Козловского, В. Потапо-
вой и др.

Л 4702500100-256 121-87
028(01)-87

ББК 84Тад1

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННОКИ

Поэтическая библиотека

ЛИРИКА

Из персидско-таджикской поэзии

РУДАКИ
ИБН СИНА
НАСИР ХОСРОВ
ОМАР ХАЙЯМ
СААДИ
РУМИ
КАМОЛ
ХАФИЗ
ДЖАМИ
БЕДИЛЬ

Редактор *Ю. Розенблюм*
Художественный редактор *А. Моисеев*
Технический редактор *Г. Моисеева*
Корректор *Г. Ганапольская*

ИБ № 4801

Сдано в набор 31.10.86. Подписано в печать 02.06.87.
Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Таймс». .
Печать офсет. Усл. печ. л. 18,79. Усл. кр.-отт. 38,07. Уч.-изд. л. 15,25.
Тираж 1 000 000 экз. (2-й завод 250 001—500 000). Изд. № I-2431.
Заказ 529. Цена 1 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78,
Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский
комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Калинин,
пр. Ленина, 5.

1 р. 30 к.

Поэтическая библиотека

